

Алтайский государственный университет

На правах рукописи

Тискова Ольга Владимировна

**Экспериментальное изучение русской пунктуации в
функциональном аспекте (на материале интерпретации
читающим письменных текстов)**

Специальность 10.02.01. – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук.

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор Н.Д. Голев

Барнаул 2004

Содержание

Введение	4
Глава 1. Русская пунктуация как коммуникативно-прагматический феномен.	17
1. Функциональный подход к пунктуационной системе русского языка.	20
1.1. Проблема понимания письменного текста.	20
1.2. Письменная речь как среда функционирования пунктуации.	22
1.3. Коммуникативно-функциональный аспект изучения письменного текста.	25
1.4. Соотношение нормативного и коммуникативно-функционального аспектов языка.	32
1.4.1. Специфика пунктуационной нормы в системе норм письменного языка.	35
1.4.2. Пунктуационные нормы как коммуникативно-прагматические нормы.	40
2. Зарождение и становление функционального подхода к русской пунктуации.	42
2.1. Период становления системы пунктуационных правил.	42
2.2. Первая реформа русской пунктуации.	48
2.3. Исследование коммуникативной значимости русской пунктуации.	58
2.4. Вариативность русской пунктуации. Явление пунктуационного омографизма и особенности амфиболического функционирования системы знаков препинания.	73
Выводы.	82

Глава 2. Экспериментальное исследование коммуникативного функционирования русской пунктуации.	84
1. Современные исследования коммуникативного функционирования орфографии и пунктуации с позиции читающего.	84
2. Методика коммуникативно-направленного эксперимента.	90
3. Описание коммуникативно-направленного эксперимента.	94
3.1. Изучение влияния пунктуации на понимание текста с точки зрения способа пунктуационного оформления текста.	97
3.2. Изучение влияния пунктуации на понимание текста с точки зрения содержания пунктограмм.	117
Приложение	128
Таблицы.	134
Выводы.	139
Заключение.	142
Литература.	145

Введение

В отечественной лингвистике сложилось устойчивое представление о русской пунктуации как об инвентаре специальных знаков и регламентирующем их наборе правил (нормативный подход к исследованию пунктуации). При этом проблема функционального рассмотрения пунктуации (с позиции читающего) не подвергалась специальному системному исследованию. Такое исследование предполагает:

- 1) анализ пунктуационных знаков во взаимосвязи их функций и анализ самих этих функций – при учете параметров, определяющих функционирование пунктуации;
- 2) анализ сфер(ы) применения знаков, что возможно лишь при учете связей между пунктуацией и орфографией, при включении в сферу действия пунктуации таких противоположных категорий, как слово и текст;
- 3) анализ реального употребления знаков препинания (при чтении и интерпретации текста) – при возможном учете динамических тенденций в пунктуации (прослеживаемых по отдельным источникам истории русского письма на протяжении последних двух веков) [Шварцкопф, 1979, 1988].

Исследования работ, посвященных нормативной пунктуации, показывают, что во взглядах ученых на основы пунктуации постоянно проявлялись три точки зрения: логическая (или смысловая), интонационная и грамматическая, причем в чистом виде какая-либо одна точка зрения почти не имела места, а обычно или объединялось несколько точек зрения, или при отстаивании какой-либо одной из них делались оговорки [Фирсов, 1962; 114].

Смысловая точка зрения преобладает у Е. Филомафитского, Ф.И. Буслаева, С.И. Абакумова, Н.С. Поспелова, А.Б. Шапиро; грамматическая – у Н.И. Греча, Я.К. Грота, С. Булича; интонационная – у А.Х. Востокова, И.А.

Давыдова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, в значительной степени разделяли ее Л.А. Булаховский и М.Н. Петерсон.

Наиболее отчетливо разногласия по этим вопросам обнаруживались между сторонниками смысловой и грамматической точек зрения на пунктуацию с одной стороны и интонационной – с другой. Эти разногласия особенно обострились с середины 20-х годов прошлого века, после появления работ А.М. Пешковского, в которых он отстаивал интонационный принцип в пунктуации.

Важно, что при определении «оснований» для постановки тех или иных знаков препинания исследователи, подчиняясь принятой ими концепции, фиксируют свое внимание то на одном принципе, то на другом. Например, основание для постановки знака препинания в конце предложения или между однородными частями предложения избирается разное: для А.М. Пешковского это не грамматическое, а ритмомелодическое членение речи [Пешковский, 1930], для А.В. Дудникова это в первую очередь синтаксическое членение [Дудников, 1958]; Л.А. Булаховский в качестве основания для постановки знаков препинания, отделяющих предложение и его члены, называет принцип ритмомелодический, однако принцип этот сводит к требованию обозначать знаками препинания соответствующие синтаксическим членениям паузы логико-психологического характера (в связи с изменением тона) и моменты эмоционального порядка, сопровождающие синтаксические членения [Булаховский, 1930]. Следовательно, знаки ставятся по интонации, а сама интонация соответствует синтаксическому членению.

Думается, что дело как раз в этом: синтаксическое членение передает одновременно и смысловое членение, и все это вместе определенным образом оформляется интонационно. В каждом конкретном случае один принцип может проявить себя как ведущий, но это вовсе не значит, что другие принципы здесь совершенно отсутствуют. Когда есть принципы, есть система, и тем более значимы и показательны отклонения от них. Именно

поэтому современная пунктуация дает большие возможности для ее творческого использования и может стать мощным стилистическим и коммуникативным средством.

В этом смысле представляет большой интерес пересказ К. Паустовским рассуждений И. Бабея: «Все абзацы и вся пунктуация должны быть сделаны правильно, *но с точки зрения наибольшего воздействия на читателя...*» [Паустовский, 1967; 341].

Основная ошибка сторонников различных направлений в теории пунктуации состояла в искусственном отрыве письменной речи от устной, в непонимании той роли, которую играет внутренняя речь в процессе письма и роли читающего как полноправного участника процесса создания и восприятия письменного текста.

В современной лингвистике выделяются две основные тенденции развития русской пунктуации: 1) развитие текстовой пунктуации и ее средств; 2) развитие многозначности и многообразия в употреблении внутрифразовых знаков препинания. Текстовая пунктуация приводит к расширению области а) композиционно-пространственных (типографских знаков); б) комплексов пунктуационных и пунктуационно-орфографических знаков. Вторая тенденция проявляется в сложных процессах взаимодействия знаков препинания, развития их эквивалентности и варьирования в тождественных или близких пунктуационных ситуациях, синонимических и иных отношений между ними.

Настоящая работа осуществлена в рамках второй тенденции и посвящена экспериментальному изучению проблемы коммуникативного функционирования русской пунктуации, *рассматриваемой с позиции воспринимающего и интерпретирующего текст читателя.*

В настоящее время в теории пунктуации систематически утверждается, что пунктуационное оформление текста влияет на процессы

его понимания. Это положение является одним из основных при изучении правил постановки знаков препинания. В то же время этот вопрос еще не был решен в конкретно-исследовательском плане. Необходимость такого исследования очевидна, т.к. существуют факты, показывающие, что отсутствие знаков препинания или их ненормативное употребление не всегда приводит к коммуникативным неудачам (ошибочному пониманию текста, помехам). Следовательно, возникает вопрос: в какой степени пунктуация реально участвует в обыденной письменноречевой деятельности читающего?

Рабочая **гипотеза** исследования: коммуникативное значение пунктуации в теории письменной речи является преувеличенным. Данная гипотеза нуждается в конкретно-исследовательском решении.

Существует 2 пути обоснования такого рода гипотез. Первый путь: наблюдение за естественными текстами (записки, дневники, граффити, чат и т.д.)¹. Второй путь: изучение текстов, полученных в результате специально организованного эксперимента (т.е. вторичных текстов). В настоящем исследовании реализуется второй способ, т.к. он позволяет получить массовое количество материала, организованное по определенным параметрам и предполагающее обоснование гипотезы.

Мы полагаем, что есть все основания для построения деятельностной (функциональной, коммуникативной) модели русской пунктуации, которая бы сделала возможным естественно-научный (объективистский, по определению Н.Д. Голева) подход к данной сфере языка как к полноценному, многостороннему, саморазвивающемуся объекту лингвистического изучения. Объектом настоящего исследования является реальная пунктуационная деятельность рядовых носителей русского языка, предметом исследования – коммуникативный аспект такой деятельности.

Цель настоящей работы – 1) обоснование необходимости исследования русской пунктуации в коммуникативно-прагматическом аспекте и поиск путей и способов такого исследования; 2) получение с помощью

¹ Данное направление успешно разрабатывается в рамках исследования естественной письменной речи (см.: [Лебедева, 2002; Лебедева, 2003]).

выработанной методики результатов, которые позволят говорить определенно о пунктуации как о коммуникативном феномене.

В задачи исследования входят:

- 1) историко-лингвистическое рассмотрение коммуникативного подхода к пунктуации;
- 2) разработка и апробация методики изучения пунктуации с точки зрения ее функционирования в коммуникативном процессе;
- 3) исследование факторов, от которых зависит степень влияния пунктуационного оформления текста на понимание смысла письменного текста.

Методология нашего исследования предполагает объективистский подход к пунктуационной системе, исследование ее функционирования в речевой деятельности и рассмотрение пунктуационных правил как действующих механизмов в системе письменной деятельности.

Новизна данного подхода исследования определяется тем, что пунктуация будет рассматриваться не в нормативном, а в функциональном аспекте – т.е. каким образом функционируют знаки препинания в реальном коммуникативном взаимодействии пишущего и читающего, какова реакция читающего на знаки препинания в тексте, какое участие принимает пунктуация в процессе восприятия и понимания текста. Результат коммуникативной деятельности состоит не в том, чтобы читающий нормативно правильно поставил знак препинания, а в том, как текст был воспринят. Изучать пунктуационную систему в функциональном аспекте – значит, вписать модель пунктуационной деятельности в общий процесс коммуникативной деятельности (в её письменном варианте) рядовых носителей русского языка.

Когда речь заходит о пунктуации (равно как и об орфографии), прежде всего в сознании рядовых носителей русского языка (не специалистов в лингвистике) возникают практические и методические аспекты

исследования, пунктуация как система правил постановки знаков препинания, методика преподавания пунктуации и т.п.

Настоящее исследование носит прежде всего *лингво-теоретический характер*: оно имеет лишь опосредованное отношение к проблемам реформирования и методики пунктуации, которые могут рассматриваться как перспективы исследования. Хотя мы не предполагаем непосредственной реализации выдвигаемых нами теоретических положений, однако материалы исследования могут найти **практическое применение** в системе школьного и вузовского обучения (в курсе теории и методики преподавания русской пунктуации, в выработке критериев оценок).

Исследование письменно-речевой деятельности мы проводим на **материале**, полученном в результате серии направленных экспериментов, ставящих испытуемого в ситуацию естественного восприятия письменного текста, в позицию читающего. В эксперименте принимали участие 280 человек (школьники 10 и 11-х классов и студенты I курса АлтГТУ г. Барнаула). Коммуникативно-направленный эксперимент в настоящей работе разделяется на 3 этапа: эротетический (вопросно-ответный)², интонационный и пунктуационный. На «эротетическом этапе» анализ уровня понимания смысла текста осуществлялся с помощью ответов на вопросы, проясняющие смысле текста и построенные таким образом, что испытуемые могли дать два разных варианта ответа, в зависимости от того, выделяли ли они для себя обособленный член предложения (т.е. возможную омонимию; при наличии обособления текст имел один смысл, при отсутствии его – другой).

На «интонационном» этапе анализу подвергались устные ответы испытуемых (записанные на диктофон), интонационный рисунок которых (тип интонационных конструкций, характер пауз) также позволял определить, какой смысл испытуемые вкладывали в текст при его прочтении.

² Эротетическая логика – логика вопросов и ответов (термин, созданный А. и М. Прайор в 1955г.). Н. Белнап и Т. Стил, занимающиеся изучением этой логики, утверждают, что эротетическая логика обладает способностью прояснять вопросно-ответные отношения таким образом, чтобы задаваемые вопросы были максимально эффективными [Белнап, Стил, 1981].

На «пунктуационном» этапе испытуемые членили данный им без знаков препинания текст с помощью внутрифразовых знаков препинания, уместных в данном случае (запятые, тире) и также в соответствии с собственным пониманием текста. (Подробнее о методике коммуникативно-направленных экспериментов см. в Главе 2).

Для эксперимента был подобран список предложений, включающий в себя следующие пунктограммы: обособленное приложение, обособленный деепричастный оборот, вводная конструкция, обращение. Эти предложения подбирались таким образом, чтобы (по возможности) они получили неоднозначное прочтение при отсутствии пунктуационного выделения указанных конструкций (т.е. при отсутствии обособления; в настоящей работе нам представляется правомерным понимать обособление как интонационное и пунктуационное выделение некоторой части предложения). Потом эти предложения были включены в более широкие контексты (3–4 предложения), созданные нами. Эти тексты (всего четыре) и предлагались испытуемым.

Указанные конструкции были выбраны в качестве экспериментального материала по следующим причинам:

1. В теоретической литературе обособленные и вводные конструкции достаточно подробно описаны в нормативном, структурном плане, но значительно хуже – в функциональном.

2. Большинство исследователей, разделяя позицию А.М. Пешковского [Пешковский, 1956; 416], сходятся во взгляде на обособление как на интонационное явление; при оформлении обособления на первый план выступают смысловой и интонационный, а не синтаксический / структурный принципы пунктуации.

3. Все указанные конструкции, нуждающиеся в пунктуационном оформлении, включены в список случаев «пунктуационного омографизма» [Колесников, 1981; 116-121], т.е. случаев, когда многозначность запятых может являться причиной, вызывающей омонимическое понимание текста.

На материале омонимов возможно эффективное изучение степени понимания текста, т.к. именно наличие омонимов провоцирует контрастную ситуацию понимания / непонимания.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что пунктуация включается в парадигму коммуникативной лингвистики. Целью любой коммуникативной деятельности является адекватная передача смысла, осуществление взаимопонимания субъектов общения (здесь: пишущего и читающего). Успешный результат коммуникативной деятельности заключается не в том, что пишущий правильно поставил знак препинания, (в настоящем исследовании не актуален нормативный аспект), а в том, что этот знак воздействовал на коммуникативный процесс именно так, как рассчитывал пишущий, поставив его. Результат коммуникативного процесса может быть неоднозначным с точки зрения его **коммуникативной эффективности** (необходимости и достаточности коммуникативных усилий для достижения взаимопонимания). Основные составляющие коммуникативной эффективности: коммуникативный успех / коммуникативная неудача, коммуникативная помеха. И здесь важно подчеркнуть, что пунктуация при таком подходе рассматривается с позиций коммуникативного успеха / коммуникативного неуспеха (неудачи), а пунктуационная ошибка – в ряду других помех письменной деятельности. В этом случае нормативная пунктуационная ошибка может и не являться ошибкой в коммуникативном своем значении (т.е. может не препятствовать пониманию письменного текста), и наоборот, то, что не считается грубым в школьном понимании этого (например, пунктуационная описка³) может создать больше сложностей для чтения и понимания текста. Типология ошибок с точки зрения их значимости в коммуникационном процессе может быть создана практическим путем – по результатам экспериментов.

Мы предполагаем, что в сознании рядового носителя языка имеется определенное противоречие: традиционная пунктуационная теория,

³ Пунктуационная описка, в отличие от ошибки, возникает за пределами существующих пунктуационных норм, не регулируется правилами постановки знаков препинания.

предписывает пунктуационное поведение пишущего, которое детерминируется определенными правилами, сформированными метаязыком. При этом остается неисследованным вопрос о том, что большинство носителей языка, находясь в позиции воспринимающего, могут не замечать пунктуационных знаков при прочтении текста. Поэтому главный вопрос, занимающий исследователя коммуникативного аспекта пунктуации: какова степень его участия в коммуникативном процессе, какова степень влияния пунктуационного оформления текста на восприятие и интерпретацию текста. Для того, чтобы попытаться ответить на него, и необходима серия направленных экспериментов, показывающих степень влияния пунктуации на восприятие и понимание письменного текста.

Данные, полученные в результате такого «коммуникативно-направленного» эксперимента, позволят определить место и «удельный вес» пунктуации в процессе письменной коммуникации, в частности – определить степень влияния пунктуационных ошибок и отсутствия знаков препинания на понимание письменного текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская пунктуация в естественной письменной речи представляет собой системное образование, организуемое своим коммуникативным предназначением и функционирующее в соответствии со своими внутренними закономерностями. Изучение этих закономерностей является перспективным научным направлением, особенно в свете нынешнего пристального внимания ученых к антрополингвистике.

2. Априорное утверждение о высокой степени влияния пунктуации (всех вообще знаков препинания) на коммуникативно-речевые характеристики деятельности пишущего и читающего в параметрах коммуникативный успех / коммуникативная неудача / коммуникативные помехи является преувеличенным. Для доказательства такого влияния

необходимо экспериментальное исследование на конкретном языковом материале.

3. В метаязыковом сознании носителей языка сформировалось представление, в котором не находится места коммуникативной составляющей, так как традиционные пунктуационные правила, подменяющие пунктуационную норму, адресованы прежде всего пишущему и лишены ориентации на читающего. Между тем концепция коммуникативной пунктуации имеет ряд предпосылок в общей теории русской пунктуации, в частности, в истории становления русской пунктуационной нормы⁴.

4. В отечественной лингвистике существуют предпосылки объективистского подхода к пунктуации, но лишь в форме предположений, апприорных утверждений, косвенных свидетельств. Это свидетельствует о необходимости системного исследования пунктуации с позиции читающего.

5. Изучение коммуникативного функционирования пунктуации на конкретном языковом материале позволяет говорить о разной степени влияния знаков препинания на понимание письменного текста читающим,

⁴ Признание актуальности для нормативного исследования русской пунктуации коммуникативного принципа имеет свою специфику. Об этом пишет Е.М. Хакимова:

1. Некоторые предписания, ориентированные на пунктуационное обеспечение синтаксических конструкций, сопровождаются оговорками и дополнениями, которые могут рассматриваться как проявление коммуникативных установок. Коммуникативное намерение пишущего может обуславливать не только постановку знака препинания, но и его неупотребление.

2. Коммуникативное начало русской пунктуации находит выражение в некоторых методических рекомендациях, связанных с формированием пунктуационных навыков. Например, А.В. Миртов вполне разделял точку зрения В.И. Чернышова, который писал: «Наши ученики оттого и ошибаются в знаках, что они не опираются на живую речь, что эта речь у них совершенно не обработана...». Оба исследователя убеждены, что у того, кто научился говорить «человеческой речью с расстановками и выражением», знак препинания «сам просится стать на свое место» (цит. по: [Хакимова, 2003; 84]).

3. Как известно, к пунктуационным ошибкам общество склонно относиться более терпимо, чем к орфографическим. Считать первые менее нежелательными для процесса коммуникации, чем вторые, как будто нет оснований. Чем же можно объяснить различие в подходах к соответствующим типам ненормативных написаний? Мы полагаем, что пунктуационные ошибки в письменной речи практически грамотных людей обусловлены в ряде случаев неосознанным стремлением максимально приспособить языковую конструкцию к коммуникативной ситуации, вызвавшей ее употребление. *Такая синхронизация противоречит букве, но не духу пунктуационной нормы.* Отступление от кодекса направлено на обеспечение более успешного функционирования системы, в каком-то смысле на ее совершенствование – отсюда относительная умеренность карательных санкций. [Хакимова, 2003; 82-84].

т.е. о разной степени функциональной, коммуникативной нагруженности типов пунктограмм.

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии (списка литературы). В текст диссертации включены приложение, содержащее образцы экспериментальных текстов и таблицы, наглядно организующие описываемый материал.

Первая глава диссертации посвящена теоретическому исследованию коммуникативного функционирования пунктуации.

Во второй главе представлены теория коммуникативно-направленного эксперимента и некоторые экспериментальные исследования (как частичное ее воплощение).

В заключении подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективы возможных исследований пунктуации в функциональном (= коммуникативном) аспекте.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации, обсуждавшиеся на заседаниях кафедры современного русского языка Алтайского госуниверситета и заседаниях Лаборатории естественной письменной речи Барнаульского государственного педагогического университета, нашли отражение в докладах на научно-практических конференциях разного уровня:

на Всероссийской научно-практической конференции «Лингвистика и школа» (Барнаул, АлтГУ, 3-5 ноября 1999 года);

на Всероссийской научной конференции «Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте» (Барнаул, БГПУ, 23-25 сентября 2002г.);

на Всероссийской научной конференции «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты» (Барнаул, АлтГУ, 24-26 января 2003 г.);

на Всероссийской конференции «Филология: XXI век (теория и методика преподавания)» (Барнаул, БГПУ, 10-11 декабря 2003г.)

По материалам исследования подготовлено 9 публикаций.

Глава 1

Русская пунктуация как коммуникативно-прагматический феномен

Смена приоритетов в системе лингвистических парадигм привела к глубоким изменениям в общей структуре лингвистики. По мнению Т.М. Николаевой, движение лингвистики XX века было дрейфом от тезиса о функциональности языка «в самом себе и для нас» в тезис «под влиянием внешних обстоятельств и для нас». С этим связан и дрейф интереса от того *Как язык связывает человека с Действительностью?* к тому *Как язык связывает Человека с действительностью?* [Николаева, 1995; 379].

Антропоцентричность прогнозируемой лингвистической парадигмы создает необходимые условия для пересмотра многих лингвистических концепций, усиливает интерес к вспомогательным семиотическим (невербальным) системам, участвующим в процессе речевой деятельности коммуникантов. К этим системам следует отнести такой феномен письменной речи, как пунктуация.

Новый виток в описании и квалификации вспомогательных семиотических систем обусловлен и тем, что «если для лингвистики XX столетия характерна установка на «правильные» языковые построения, в которых соблюдены общеобязательные требования языкового кода, то эстетические теории этой эпохи, напротив, склонны придавать исключительно большое значение «отрицательным» приемам, действие которых состоит в нарушении сложившегося в читательском сознании «кода» эстетического поведения» [Гаспаров, 1996; 313].

Пунктуацией называют, во-первых, систему общеобязательных графических внеалфавитных знаков, составляющих – вместе с графикой и орфографией – совокупность основных средств письменного языка, употребляемых в письменной речи для указания на грамматическое и

смысловое членение текста, на отношения между частями высказывания (предложения), на смысловую и эмоционально-экспрессивную характеристику предложения и его частей, и, во-вторых, совокупность правил, кодифицирующих нормы оформления письменного текста, исторически сложившиеся для конкретного языка. Исходя из этого, следует понимать пунктуационную систему прежде всего как систему, направленную на регулирование (регламентирование) деятельности пишущего. Но, рассматривая пунктуацию в коммуникативном (= функциональном) аспекте, необходимо учитывать и категорию воспринимающего (читающего / слушающего), т.к. для осуществления процесса коммуникации необходимы оба элемента. Представляется совершенно очевидным, что без учета обеих коммуникативных позиций говорить о взаимопонимании субъектов письменного общения невозможно.

Говоря о коммуникативной функции пунктуации, мы имеем в виду прежде всего роль пунктуации в процессе восприятия и понимания текста. Каким образом функционируют знаки препинания в реальном коммуникативном взаимодействии пишущего и читающего, какова реакция читающего на знаки препинания в тексте, какое участие принимает пунктуация в процессе восприятия и понимания текста – эти вопросы необходимо и правомерно рассматривать применительно к пунктуации.

Не будет преувеличением утверждать, что современная русская пунктуация является самой полной, всеобъемлющей, теоретически разработанной. Сравним: в своде правил 1956 года кодифицировано более 178 пунктуационных правил (ср.: правил орфографии – 124). Но это большое достоинство имеет и обратную сторону [Орехова, 2003; 269]. На протяжении XX века накапливались и обобщались наблюдения над узусом и фактически весь узус был описан и кодифицирован, в том числе и авторские знаки. Накопленный опыт описания узуса, в том числе зачастую «экзотическая» авторская пунктуация, подтолкнул исследователей

пунктуации к важному выводу о необходимости усиления вариативного начала в правилах употребления знаков препинания (см.: [Проект, 2000]). Дальнейшее усовершенствование русской пунктуационной системы лежит, по мнению исследователей, в увеличении свободы употребления правил постановки знаков препинания: «В идеале каждое правило необходимо снабдить пометами: «рекомендуется», «допускается», «предпочтительно», «не является ошибкой», о чем писала С.М. Кузьмина» [Орехова, 2003; 270]. Модус необходимости реформирования пунктуационной системы в направлении уменьшения нормативности представлен в чистом виде у Н.Н. Ореховой: «Необходим пересмотр методики обучения пунктуации в плане коммуникативно-прагматического и мотивационного аспектов: целесообразно продемонстрировать функциональный потенциал отдельных знаков, показать, что каждый из них привносит в предложение / текст, к чему приводит отсутствие знака» [Орехова, 2003; 271].

Подобное смещение акцентов от нормативности к функциональной прагматике употребления имело место уже в немецкой пунктуации, частичное реформирование которой проводится с 1996 года: «Если орфографические инновации вызывают возражения, то пунктуационные изменения воспринимаются позитивно. Они касаются не более 10 пунктуационных ситуаций, в формулировки правил включены сбалансированные по модальности пометы: «целесообразно», «рекомендуется», в отдельных случаях – помета «необходимо». Магистральное направление реформы – *предоставление пишущему большей свободы в выборе знака, для того, чтобы сделать членение текста более четким, облегчить понимание*» [Орехова, 2003; 271].

Трудно прогнозировать, насколько результативным и эффективным окажется такой подход для создания новой, лингвистически обоснованной и непротиворечивой теории пунктуации в коммуникативно-прагматическом аспекте. Однако попытка рассмотреть пунктуацию в разных сферах функционирования позволяет «отвлечься от готового представления о том,

что «должен» из себя представлять язык» и обнаружить «существенные расхождения между картиной языка как механизма и многими самыми простыми и очевидными вещами» [Гаспаров, 1996; 9].

Мы надеемся, что настоящее исследование, посвященное изучению коммуникативного функционирования знаков препинания в ситуациях письменного общения, будет соответствовать общей тенденции смещения, изменения подходов к русской пунктуационной системе от нормативно-регламентированного к функционально-прагматическому.

§ 1. Функциональный подход к пунктуационной системе русского языка.

1.1. Проблема понимания письменного текста.

Для изучения реального функционирования пунктуации в процессе понимания текста читающим необходимо определить границы феномена «понимание» для настоящей работы.

С повышением внимания к «человеческому фактору» в языке усиливается внимание и к тексту в его коммуникативной роли в процессе общения и связанным с этим проблемам его понимания и интерпретации. Вопросы, связанные с пониманием текста, являются частными в рамках общей логико-гносеологической проблемы понимания. И в то же время это такая «частность», в которой скрыты корни всей проблемы, а также ее возможные решения. «Когда мы начинаем говорить о понимании смысла исторических событий, чужой индивидуальности или же иной в типологическом отношении культуры... ни одного из этих явлений нельзя понять, не осмыслив в то же время (а может быть и предварительно) коммуникативной природы текста и основных закономерностей его функционирования в обществе... Таким образом, овладение смыслом текстов (письменных и устных) является самым важным и надежным каналом для

проникновения в чужую индивидуальность, в дух минувшей эпохи или культуру другого народа» [Васильев, 1986; 83].

Овладение смыслом текста, понимание текста – это прежде всего его истолкование (интерпретация). Задача интерпретации состоит прежде всего в том, чтобы овладеть самыми глубинными пластами смысла произведения, понять как можно адекватнее замысел автора, сопоставить его с тем смысловым целым, которое находят в произведении его читатели, и представить в явном, эксплицитном виде все то, что автор постарался замаскировать, скрыть, чего он не хотел или не смог сказать прямо, чего он не договорил [Васильев, 1986; 89].

Осмысление, определяемое как процесс раскрытия и установления связей и отношений, имеет результативную сторону, которая может быть положительной и отрицательной. Положительный результат процесса осмысления в акте восприятия является понимаем, тогда как отрицательный результат выражается в непонимании. Следовательно, непонимание – это не отсутствие осмысления, а только его отрицательный результат, который свидетельствует о том, что процесс осмысления не достиг исхода, адекватного коммуникативной ситуации [Зимняя, 1976; 6], т.е. имеет место коммуникативная неудача.

Для данной работы понимание текста эффективнее всего определять как *взаимопонимание*. Смысл текстов (бытовых, художественных, политических, научных) рождается и формируется лишь в процессе взаимодействия и борьбы с чужими смыслами. Нельзя поэтому до конца понять текст, не выяснив его диалогических отношений и связей.

На этой мысли особенно активно настаивал М.М. Бахтин: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть «смысла в себе» – он

существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной» [Бахтин, 1979; 350-351].

Занимая диалогическую, «ответную» позицию в системе культуры, всякий текст в свою очередь предполагает ответную реакцию со стороны адресата. Отсюда – настойчиво проводимая М.М. Бахтиным идея о *диалогическом характере понимания*: «Отношение к смыслу всегда диалогично, само понимание уже диалогично» [Бахтин, 1979; 300]. «Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами. ... Диалогичность этого соотнесения» [Бахтин, 1979; 364]. Применительно к данной работе необходимо отметить следующее: без читателя нет коммуникации, нет понимания. Учет фактора адресата необходим.

Понимание в коммуникативно-прагматическом аспекте рассматривается прежде всего как взаимопонимание между пишущим и читающим, осуществляемое через письменный текст. И особенности пунктуационного оформления текста, наличие / отсутствие и особое местоположение знаков препинания играют в этом важную роль.

1.2. Письменная речь как среда функционирования пунктуации.

В лингвистических работах, как правило, соположены такие понятия, как письменный язык, письменная речь, письменный текст (письменный вариант языка, письменная сфера коммуникации). При этом, как отмечал, М.М. Бахтин, «неопределенное слово *речь*, могущее означать и язык, и процесс речи, т.е. говорение, и отдельное высказывание и целый ряд высказываний, и определенный жанр», не превращено лингвистами в строго ограниченный термин [Бахтин, 1979; 249].

Если признать, что письменный язык – система, лежащая в основе порождения письменных высказываний, письменной речи, то под

письменной речью можно понимать реальное существование, реализацию письменного языка [Амирова, 1985; 50].

Письменный текст принято рассматривать через призму устной речи, поскольку последняя признается первичной с точки зрения происхождения. Как утверждал Ф. де Соссюр, предметом лингвистики должно являться не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее. Вместе с тем графическое слово присвоило себе главенствующую роль. Такой «престиж» письма Ф. де Соссюр объяснял следующими причинами:

1. Графический образ слов поражает нас как нечто прочное и неизменное, более пригодное, нежели звук, для обеспечения единства языка во времени.
2. У большинства людей зрительные впечатления яснее и длительнее слуховых. Графический образ в конце концов заслоняет собою звук.
3. Литературный язык еще более усиливает незаслуженное значение письма.
4. Когда налицо расхождение между языком и орфографией, противоречие между ними едва ли может быть разрешено кем-либо, кроме лингвиста; но, поскольку лингвисты не пользуются никаким влиянием в этих делах, почти неизбежно торжествует письменная форма, потому что основываться на ней гораздо легче; тем самым письмо присваивает себе первостепенную роль, на которую не имеет права [Соссюр, 1977; 64]

Общепринятым становится мнение о том, что «с помощью знаков любая устная речь, включая просторечие и сленги, может быть зафиксирована на бумаге. И наоборот, любая, даже строго нормированная, письменная речь может быть превращена в звучащую речь» [Солнцев, 1985; 10].

Между тем доказательством того, что устная и письменная речь обладают весьма специфическими различиями, является именно то, что, как

правило, достаточно сложно перевести устную форму в письменную без потери информации. «Причина заключается в том, что такие качества, как четкость, ясность, последовательность совсем по-разному проявляют себя в устном и письменном изложении и соответственно выдвигают различные требования в этих двух случаях» [Гаспаров, 1978; 81].

Признавая равноправность и автономность устной и письменной сфер коммуникации как особых семиотических систем, мы исходим из предположения, что взаимодействие системы со средой предполагает взаимодействие разных систем друг с другом, что является одной из важнейших предпосылок самоорганизации. По мнению ученых, исследующих функции мозга в речепроизводстве, «устная речь возникла в процессе эволюции человека задолго до письменной, а дети начинают говорить и понимать речь раньше, чем научаются читать и писать; гипотеза, согласно которой понимание письменной речи имеет звуковую основу, кажется правдоподобной» [Блум, 1988; 181].

Представляется очевидным и тот факт, что письменный текст под влиянием устного становится единицей нелинейного восприятия и понимания информации. Именно поэтому необходимо различать те адаптивные механизмы, происходящие в сфере устной коммуникации, которые оказывают влияние и на сферу письменной коммуникации.

Для адекватного описания пунктуации как феномена письменной речи можно исходить из следующих посылок:

- Пунктуацию следует рассматривать как функционально-адаптивную подсистему языка.
- Пунктуация как открытая система приспосабливается к условиям коммуникативной среды и ситуации, в которых она функционирует, что обеспечивает ее изменчивость при сохранении организованности.
- Исходя из признания равноправности и автономности устной и письменной сфер коммуникации как особых семиотических систем, можно полагать, что взаимодействие системы со средой предполагает

взаимодействие устной и письменной систем друг с другом, что является одной из важнейших предпосылок самоорганизации [Шубина, 1999; 31].

1.3. Коммуникативно-функциональный аспект изучения письменного текста.

История такого графического феномена, как пунктуация, стала предметом анализа, предпринятого Б.И. Осиповым. Он полагает, что «современный период истории русской пунктуации следует отсчитывать от начала XIX в. Некоторая задержка коммуникативно-синтаксического принципа, отмеченного в лубке и, вероятно, имевшая место вообще в малограмотных писаниях, для XIX века имеет уже периферийное значение» [Осипов, 1992; 199]. Как полагает Б.И. Осипов, «само возникновение пунктуации связано с тем, что интонация – единственное средство выражения синтаксических отношений, не фиксируемое ни орфографией слов, ни их расположением в тексте» [Осипов, 1992; 20]. Если предположить, что в основу пунктуации лег прежде всего тот уровень синтаксической структуры, который оформляется интонационными средствами, то вполне очевидно функциональное назначение пунктуации во многих языках – оформление актуального членения. Это подтверждают и исследователи, отмечающие, что основным принципом древней пунктуации является интонационно-смысловой, а новой – синтаксически-смысловой. Анализ текстов XVIII века подтвердил сосуществование указанных принципов. Формирование графического арсенала русской пунктуации в целом завершается к концу XVIII века. По свидетельству исследователей гражданского письма, к этому времени «уже нет той «однаправленности», какая была свойственна старинным правилам и нормам. На смену нормы, построенной по типу «нельзя–можно», пришла норма, построенная по типу «нельзя–нужно»: ошибкой становится не только постановка лишнего

пунктуационного знака, но и отсутствие возможного: знак возможный, таким образом, превращается в необходимый» [Осипов, 1992; 198].

Изучение пунктуации и ее функций имеет свои устойчивые традиции. Несомненным достоинством отечественной лингвистики явилось стремление ученых за внешним разнообразием и даже разнобразием в употреблении знаков препинания разглядеть их системные свойства (об этом свидетельствуют прежде всего работы Б.С. Шварцкопфа).

Описание пунктуации велось с разных точек зрения: формальной, синтаксической, семантической, стилистической⁵.

Следует также отметить, что изучение пунктуации как особого рода системы шло параллельно с ее описанием для практических целей, с созданием свода правил по употреблению знаков препинания. Для русской традиции характерна четкая тенденция всесторонней регламентации употребления пунктуационных знаков.

Желание подчинить «стихийно возникшую и развивающуюся» пунктуацию жестким законам правописания (договор между пишущим и читающим) создавало и создает целый ряд проблем, обусловленных не отсутствием того или иного правила, а тем несоответствием, которое наблюдается между «знанием пунктуации» и «знанием о пунктуации» [Шубина, 1999].

Анализ лингвистической и лингвометодической литературы свидетельствует о том, что понимание пунктуации как системы не вызывает существенных возражений. Однако элементами этой системы объявляются то знаки препинания, то правила, регулирующие употребление этих знаков. Вероятно, применительно к пунктуации можно использовать определение системы, предложенное Д.Н. Шмелевым. Исследователь отмечал, что, «будучи системой, язык в то же время не является системой «для себя». Он

⁵ Наиболее распространено понимание пунктуации как системы неалфавитных графем, служащих для членения письменного текста [Зализняк, 1979].

выполняет определенную функцию, и сама его системность обусловлена данной функцией и подчинена ей» [Шмелев, 1977; 98].

Обращение к описанию пунктуационной системы определило и необходимость рассмотрения специфики пунктуации как функциональной системы. Под функциональной понимается такая система выражения, которая служит определенной цели (в настоящем исследовании – цели осуществления успешной коммуникации).

Обращение к анализу пунктуации в коммуникативно-прагматическом и информационно-целевом аспектах не противоречит системному и функциональному подходам, а дополняет их.

Пунктуация описывается с точки зрения ее функционального назначения, т.е. с точки зрения ее инструментального задания. С этих позиций пунктуация является одним из способов «приведения к выражению прагматического смысла» [Караулов, 1992; 142]. Прагматическая направленность речевой деятельности проявляется не только в том, что продукт этой деятельности (речь / текст) воздействует на реципиента, но и в том, что он содержит имплицитную информацию о его авторе, его намерениях, сфере и условиях коммуникации. Что касается информативно-целевого подхода, то он, как известно, предполагает «реконструкцию» соотносимой с замыслом общения ориентировочно-деятельностной коммуникативно-смысловой структуры текста и возможность различных смысловых интерпретаций в зависимости от задач реципиента (об информационно-целевом подходе см.: [Дридзе, 1976; Дридзе, 1984]).

Предметом изучения коммуникативной лингвистики является коммуникативный процесс, рассматриваемый в аксиологическом аспекте. Иными словами, речь идет об успешной коммуникации (ее факторах и признаках), а также явлениях деструкции (разного рода помехи коммуникативному процессу; коммуникативные неудачи). Важнейшими объектами исследования являются такие феномены, как коммуникация, речевой акт, дискурс. Под коммуникацией в общем виде понимается

«процесс особого знакового взаимодействия людей, обеспечивающий возможность осуществления ими всех других видов деятельности» [Виноградов, 1996; 139]. Речевой акт – минимальная единица общения, представляющая собой коммуникативно-речевой сегмент, выделяемый на основе интенций говорящего (пишущего). Последовательность речевых актов образует дискурс, который представляет собой основное звено коммуникативного процесса. Под дискурсом понимается «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и / или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения» [Виноградов, 1996; там же]. В структуре дискурса, кроме двух основных позиций (субъекта и адресата), может наличествовать и факультативная позиция (присутствующий). В знаковом комплексе, обслуживающем коммуникативный процесс, главенствующее положение занимает текст (хотя при устной форме общения важную роль могут играть и невербальные знаки).

Т.А. Ван Дейк интерпретирует дискурс как «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения... Дискурс в широком смысле слова является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события... Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [Ван Дейк, 1989; 113, 121-122].

Именно успешность является целью любой коммуникативной деятельности, а успешный дискурс является основным предметом коммуникативной лингвистики. Часто успешность интерпретируется как эффективность коммуникации. Под эффективностью прежде всего

понимается «достижение адекватного смыслового восприятия и интерпретации передаваемого сообщения» [Дридзе, 1976; 48].

Характеристика успешного дискурса требует введения и иных, помимо эффективности, квалификативных категорий. Одна из них – категория оптимальности общения (коммуникативный оптимум дискурса). Оптимальный дискурс – в котором реализуются особенности личности как говорящего (пишущего), так и слушающего (читающего), т.е. обе коммуникативные позиции. Третье измерение дискурса можно определить как «нормативность» общения. Коммуникативная норма манифестируется прежде всего в осуществлении коммуникативной деятельности в соответствии со сложившимися стандартами общения [Виноградов, 1996; 142]. Но, отмечая категории оптимальности и нормативности как необходимые составляющие успешного дискурса, основное внимание в нашей работе мы уделяем изучению категории эффективности письменного общения (достижению коммуникатором прогнозируемого результата), рассматривая знаки препинания в качестве возможной помехи эффективности коммуникативного процесса.

Адекватная интерпретация считается состоявшейся лишь тогда, когда реципиент трактует основную идею текста (основную концепцию, проводимую в нем) адекватно замыслу коммуникатора. Если реципиент усвоил, для какой цели (задачи) порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью всех использованных средств, мы можем сказать, что он интерпретировал его адекватно.

Коммуникативная деятельность человека целенаправленна, поэтому мерилom успеха этой деятельности может быть прежде всего тот реальный результат, который достигается или не достигается в процессе ее осуществления. Достижение коммуникативного результата, полное (коммуникативный успех) или частичное, или отсутствие такового (коммуникативная неудача) зависит от совокупности факторов успешного общения. Факторы эти – двоякого рода. Первая группа факторов успешного

общения связана непосредственно с личностью говорящего и слушающего и зависит от коммуникативной компетенции коммуникантов. Под коммуникативной компетенцией понимается совокупность личных свойств и возможностей, а также языковых и внеязыковых знаний и умений, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека. Структура коммуникативной компетенции соотносима со структурой языковой личности (см.: [Караулов, 1987]), хотя и не тождественна ей.

Вторая группа факторов успешности общения связана непосредственно с процессом коммуникации и представляет собой систему выявления и изучения тех явлений, которые могут либо способствовать коммуникации, либо затруднить или сделать невозможным общение между коммуникантами. С.И. Виноградов выделяет три типа таких явлений: нарушения коммуникативной нормы, коммуникативные неудачи, коммуникативные помехи. Наибольший интерес для нашей работы представляют два последних типа.

Коммуникативной неудачей называют «полное или частичное непонимание высказывание партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская, 1993; 31]. О коммуникативных неудачах имеет смысл говорить в тех случаях, когда общение не приносит желаемого и прогнозируемого его участниками результата, т.е. когда не удается достичь тех целей и реализовать те ожидания, с которыми коммуниканты вступают в дискурс. Конкретное содержание коммуникативных неудач многообразно. Это, например, непонимание или неверное понимание одним участником общения другого, отсутствие прогнозируемой реакции (или негативная реакция) со стороны партнера, изменение когнитивного или эмоционального состояния у адресата в нежелательном для субъекта направлении, отсутствие интереса к общению у одного из его участников и т.д. Причинами коммуникативных неудач могут послужить нарушение коммуникативных норм, создание ошибочного «образа партнера» или «образа дискурса»,

отсутствие ориентации на адресата (или чрезмерная ориентация на самовыражение в ущерб ориентации на адресата), разного рода коммуникативные помехи.

Под коммуникативными помехами С.И. Виноградов понимает явления разной природы, «затрудняющие общение или делающие его вообще невозможным⁶» [Виноградов, 1996; 150]. Он выделяет несколько типов коммуникативных помех: помехи, связанные непосредственно с личностью коммуникантов (социальные, ментальные и поведенческие помехи; сюда же можно отнести и пресуппозиционные помехи, связанные с различиями в объемах предварительной, «дотекстовой» информации, которой располагают коммуниканты), помехи канала, связанные с техническими затруднениями передачи и восприятия информации и текстовые помехи, связанные с затруднениями восприятия и понимания информации, заключенной в тексте. К текстовым помехам относятся все вербализованные помехи: требующие семантизации слова, усложненные или амбивалентные синтаксические конструкции, стилистическая или синтаксическая неупорядоченность высказываний, чрезмерная перифрастичность и т.д. С.И. Виноградов не называет среди текстовых помех особенностей неудачного пунктуационного оформления текста, но проведенные в настоящей работе исследования убедительно доказывают, что значение знаков препинания в процессе понимания текста нельзя не учитывать, и в ряду текстовых помех важное место должно быть отведено помехам пунктуационным.

⁶ С изучением успешности / помехи пониманию письменного текста связано изучение проблемы читабельности печатного материала. Понятие читабельности печатного материала как некоторого показателя успешности взаимодействия между читателем и этим материалом содержит три наиболее существенных аспекта. Одним из аспектов читабельности является разборчивость и четкость печатного текста (сумма требований к типографским качествам материала). Во-вторых, читабельность оценивается по той степени интереса, который возникает у читателя в процессе чтения исследуемого текста. и третьим и, вероятно, самым важным аспектом читабельности текста является степень трудности понимания данного текста группой его потенциальных читателей [Мацковский, 1976; 126]. И в рамках названного третьего аспекта проблемы читабельности может (и должно) осуществляться изучение особенностей пунктуационного оформления текста.

Большинство авторов, занимающихся проблемой читабельности, рассматривают трудность понимания печатного материала как фактор, во многом определяющий успешность его усвоения, и в связи с этим основные работы по читабельности посвящены проблеме понимания. При этом трудность понимания текста рассматривается как характеристика, которая описывает взаимодействие между читателем и текстом и зависит от способности индивидов к пониманию материала определенной трудности с одной стороны и «объективной» трудности изучаемого текста – с другой.

Нам представляется, что внутритекстовые знаки препинания правильнее всего было бы отнести к потенциальным коммуникативным помехам: правильно расставленные знаки препинания и находящиеся в рамках пунктуационных норм ошибки в их употреблении чаще всего не представляют помехи процессу понимания письменного текста, а отсутствие знаков препинания или знаки, находящиеся в необычном месте или выполняющие необычную функцию, могут стать серьезной помехой пониманию. Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы оценить степень таковой помехи. На исследование пунктуации в функциональном (= коммуникативном) аспекте направлено экспериментальное исследование, результаты которого представлены в Главе 2 настоящей работы.

Существуют разные пути исследования явлений деструкции дискурса и создания типологии коммуникативных неудач на разном материале (например, на материале диалога – См.: [Ермакова, Земская, 1993]. Один из возможных способов (и это является доказательством актуальности данного исследования) – создание типологии коммуникативных неудач на материале письменных текстов, имеющих разное пунктуационное оформление или содержащих разные типы пунктограмм (см. Главу 2).

1.4. Соотношение нормативного и коммуникативно-функционального аспектов языка.

Нормы языка, (его лексики, фонетики, словообразования, грамматики и др.), как и нормы орфографии и пунктуации, формируются в процессе исторического развития языка. Но в синхронном плане между нормами языка и нормами орфографии и пунктуации в развитом литературном языке имеется принципиальное различие [Ицкович, 1982; 172]. Нормы языка существуют объективно. Наше воздействие на язык, т.е. его нормализация, возможны лишь в некоторых ограниченных сферах (например, в области терминологии). И если в области каких-нибудь ненормализуемых, только кодифицируемых явлений наблюдается несоответствие языковой практики

(т.е. реальной нормы) правилам, зафиксированным в грамматиках, то это может быть показателем несовершенства правил, которые в данном случае кодифицируют, возможно, не современную, а более старую норму.

В отличие от норм языка, нормы правописания и пунктуации в развитом литературном языке – это (в синхронном аспекте) то, что кодифицировано, т.е. записано в официально утвержденных правилах. И если в области каких-нибудь явлений, предусмотренных кодификацией, наблюдается несоответствие пунктуационной практики правилам пунктуации – при условии однозначности и непротиворечивости правил, – то это может быть показателем незнания пишущим данных правил, нарушения им пунктуационных норм. Конечно, возможны, кроме незнания правил, и иные причины колебаний: отсутствие правила для какого-нибудь типа явлений, противоречивость друг другу разных правил, возможность подведения явления под разные правила, неточная формулировка правила. Но такие случаи можно считать достаточно редкими.

В основе описания языка лежат факты языка – тексты, «языковой материал»; сформулированные в грамматиках правила привлекаются при этом в основном для установления степени их адекватности объективным закономерностям, отраженным в текстах. В основе описания пунктуации лежит кодекс правил; языковой материал привлекается для установления характера реализации правил в текстах, для обнаружения случаев, не предусмотренных правилами, для анализа причин отступления от правил, и тому подобное.

Оппозиция, разграничивающая нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты языка, есть не что иное, как «экспликация при помощи современной терминологии реально существующей [и всегда существовавшей – О.Т.] в пределах «лингвистики хорошей речи», или «мелиоративной лингвистики», дихотомии. Поскольку мелиоративная лингвистика, сосуществуя с «объективной» («описательной», «дескриптивной») лингвистикой, отличалась от последней поиском нормы и

идеала, а вследствие этого аксиологической направленностью и императивностью, она всегда располагала целым набором предписаний и рекомендаций, группировавшихся и группирующихся в две генеральные максимы: «говори правильно» и «говори так, чтобы твое общение с другими людьми было успешным» [Виноградов, 1996; 121-122]. Первый (нормативный) аспект реализуется в словарях и грамматиках, второй (коммуникативно-прагматический) – в риторике, которая, не чураясь нормативности, ставит все же своей целью научить искусству «о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» [Ломоносов 1962; 91].

Оба указанных аспекта были выявлены и в известном смысле противопоставлены – в теоретическом плане – в лингвистических работах. О категории нормативности много говорить не приходится: именно проблема нормы «создала» культуру речи как лингвистическую дисциплину. Культура речи в коммуникативно-прагматическом аспекте или общей для этого подхода акцентуации деятельностной стороны языка получала разное концептуальное осмысление – от понимания культуры речи как «учения о говорении в самом широком смысле этого термина, т.е. учения об индивидуальном использовании языковой традиции в самой различной обстановке социально-культурного быта» [Винокур, 1959; 38]., до признания принципа «коммуникативной целесообразности» основным и универсальным регулятором общения.

Сегодня можно говорить о новом этапе в развитии функциональной лингвистики, что не в последнюю очередь объясняется как раз более отчетливым осознанием того факта, что объектом лингвистики является не только языковая норма, но и коммуникативный процесс, рассматриваемый в аксиологическом измерении. Но помимо внутренних потребностей саморазвития науки значительную роль сыграли и факторы общелингвистического и даже общенаучного масштаба.

1. Прежде всего здесь следует отметить возрождение интереса к деятельностной стороне языка, развитие лингвопрагматики. Произошел сдвиг в лингвистических парадигмах, сущность которого кратко и точно сформулирована как переход «от лингвистики языка к лингвистике общения» [Городецкий, 1990; 39]. Важнейшим объектом исследований становится коммуникативный акт (коммуникативное событие, дискурс), который принципиально не может быть осмыслен лишь на основе изучения тех фактов, которые традиционно считались собственно языковыми и поэтому единственно достойными признания лингвиста.

2. Еще одним фактором стал заметно усиливающийся антропоцентричный характер современной лингвистики. Становится все более ясным, что как человека нельзя изучать вне языка, так и язык нельзя изучать вне человека (см. например [Караулов, 1987]). Отсюда интерес к языковой личности, к *homo loquens* – «человеку говорящему», хотя, очевидно, точнее в данном случае было бы говорить о «человеке общающемся»: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [Бахтин, 1979; 285].

1.4.1. Специфика пунктуационной нормы в системе норм письменного языка.

Теоретическая интерпретация понятия «норма» по-прежнему остается одной из самых острых проблем в лингвистической науке, несмотря на сложившиеся традиции в описании природы языковой нормы и в практике создания нормативных словарей и грамматик. Неудовлетворенность отечественных и зарубежных исследователей современным состоянием проблемы трактовки нормы как основного признака литературного языка

отмечается в большинстве работ, посвященных этому «старому, весьма сложному и запутанному вопросу» [Горбачевич, 1978; 38].

Вместе с тем усиливающийся в последнее время интерес лингвистов к названной проблеме является и следствием формирования коммуникативно-деятельностной концепции языка. Стрелки исследовательского внимания лингвистов разных направлений поворачиваются от вопросов нормализации языковых явлений к описанию того, что принято было считать «ненормативным». Показательной в этом смысле является статья Н.Д. Арутюновой «Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира»)», в которой она обосновала попытку «обозначить последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве. Речь идет о едином цикле взаимосвязанных явлений, относящихся к разным сферам жизнедеятельности человека» [Арутюнова, 1987; 8].

По признанию многих исследователей, нельзя недооценивать роль отклонений, колебаний, возникающих в конкретной речевой деятельности, поскольку в них можно обнаружить в ряде случаев тенденции, которые отражают зарождение и становление будущих норм. В связи с этим возникла необходимость пересмотра самого понятия «норма» и его составляющих. В языковой системе происходят изменения, но следует учитывать, что «далеко не всегда можно с точностью, гарантированно утверждать, стал ли (в процессе эволюции) то или иной факт изменений действительно языковым (твердо вошедшим в его систему) или остается на уровне употреблений в каких-либо отдельных сферах функционирования языка (например, в публицистике)» [Шубина, 1999; 54].

Вариативность языковых явлений обусловлена во многом тем, что принято называть «человеческим фактором». Изменения языкового поведения обуславливают и изменения в процессе восприятия и

продуцирования речи. Это взаимосвязанный процесс, обеспечивающий «жизнеспособность» языка, его гибкость и мобильность.

Под языковой нормой принято понимать «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [ЛЭС, 1990; 337]. В рамках общей проблематики исследователями разводятся такие понятия, как «норма» и «кодификация».

Кодификация как набор обязательных правил для требуемого нормального употребления литературного языка «статична по своему характеру, сохраняет и фиксирует литературную норму в данный момент, в момент, когда она была создана, и в течение всего периода своего действия она остается неизменной. <...> От момента выработки и приведения в действие кодификация выступает – и в этом ее особая общественная функция – как стабилизатор и регулятор функционирования и развития литературной нормы» [Едличка, 1987; 68]. Особое внимание обращается на то, что кодификация должна зафиксировать синхронную динамику современной литературной нормы и не быть при этом тормозом естественного и общественно обусловленного развития литературной нормы, которая рассматривается как постоянно развивающаяся категория.

«Поскольку наиболее важным свойством нормы является внутренняя противоречивость, выраженная в одновременном действии тенденций к устойчивости и изменчивости, то и основными принципами кодификации следует признать разумный лингвистический консерватизм, с одной стороны, и толерантность – с другой» [Виноградов, 1996; 132].

Развитие теории коммуникации и социолингвистики определило новые перспективы в рассмотрении понятия-термина «норма» и в разработке ее внутренней дифференциации. В этом отношении интересна попытка немецкого ученого Д. Нериуса (1980), который предложил различать два типа норм: системные (Sprachsystemnormen) и нормы применения –

коммуникативные (Sprachverwendungsnormen, kommunikative Normen) (цит. по: [Шубина, 1999; 55]).

И здесь возникает понятие «коммуникативной нормы». С.И. Виноградов предлагает понимать под коммуникативной нормой «адекватность коммуникативного процесса ситуации общения, а также его соответствие ценностям, стандартам, регулятивам, существующим в данной культуре» [Виноградов, 1996; 126]. В таком толковании коммуникативная норма включает в себя языковые и стилистические нормы.

Б.С. Шварцкопф определяет языковую норму как «закономерности реализации системных возможностей единиц (определенного) уровня языковой системы, фиксирующей исторически сформировавшиеся параметры традиционного употребления единицы (независимо от того, идет ли речь о норме литературного языка или иной, неcodифицированной сфере общения, независимо от того, является ли реализация единственно возможной или вариантной) и тем самым накладывающие ограничение на использование системных возможностей единицы» [Шварцкопф, 1988; 129].

Б.С. Шварцкопф выделяет два этапа кодификации пунктуационной нормы [Шварцкопф, 1996; 225]: Первый этап – это теоретическое описание сферы реализации системных возможностей как объективной закономерности. При этом норма рассматривается как элемент нормативной описательной дисциплины и осуществляется в собственно лингвистических работах. Адресуется норма в таком описании лингвисту. Второй этап предполагает преобразование описание закономерности в предписание и осуществляется в «авторитетных источниках» в виде правил. Адресуется такая норма носителю языка.

Следует признать, что в настоящее время кодификация не всегда отражает существующую норму. Отсюда – понятие вариативности языковой нормы.

Коммуникативно-функциональный подход в изучении языка создал необходимые условия для принципиального разведения орфографических и

пунктуационных норм. «Если принять во внимание выделение коммуникативно-языковых и коммуникативно-прагматических норм (см.: [Анисимова, 1988]), то к коммуникативно-языковым относятся собственно орфографические нормы, которые в известной степени абстрагированы от конкретных речевых ситуаций, строго регламентированы в определенный период развития языка. Нормализация орфографических норм обязательна. Несвоевременное вмешательство нормализаторов может отразиться и на состоянии правописания в целом. К коммуникативно-прагматическим следует отнести пунктуационные нормы. Как наименее обязательные, они регулируют употребление пунктуационных знаков в соответствии с теми условиями, которые устанавливаются в конкретной коммуникативной ситуации» [Шубина, 1999; 62].

Описание пунктуации в рамках предложения как формально-синтаксического ряда обнаруживает разрыв между нормой, существующими правилами и реальным употреблением пунктуационных знаков. Этим объясняется широкое использование понятия «факультативность». Это сделало необходимым внести поправки в модальность существующих пунктуационных правил. Н.С. Валгина уточняет содержание термина «факультативные знаки»: «если говорить о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, то, видимо, следует признать, что знаки «грамматические» (= фиксирующие структурное членение речи) должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными, поскольку они индивидуализированы авторским употреблением» [Валгина, 1979; 36]. Вместе с тем Н.С. Валгина вынуждена была признать, что и «грамматические» знаки не всегда обязательны, поскольку структурное членение предложения в тексте тоже может подчиняться «воле пишущего». Таким образом, понятие «факультативность», к сожалению, не освобождает лингвиста от необходимости пересмотра действующих правил с точки зрения реальной практики использования пунктуационных средств языка.

С точки зрения функционально-нормативного аспекта Б.С. Шварцкопф подчеркивает отсутствие свободы воли пишущего, которое обусловлено пунктуационной (синтаксической) ситуацией, и наличие свободы пишущего, обусловленное «возможностями понимания конкретных обстоятельств (кон)текста» [Шварцкопф, 1996; 209]. При этом отмечается, что свобода воли пишущего системно обусловлена, поскольку связана с характером избыточности пунктуационной системы, с синонимическими рядами знаков препинания.

1.4.2. Пунктуационные нормы как коммуникативно-прагматические нормы.

Современная пунктуационная практика свидетельствует о том, что понятие «пунктуационная норма» может быть интерпретировано достаточно широко, поскольку пунктуационная норма соотносится с нормами построения речевого высказывания / текста. Правомерен, на наш взгляд, подход к пунктуационным нормам с точки зрения их соответствия коммуникативно-прагматическим нормам высказывания / текста. Под коммуникативно-прагматическими нормами понимаются «правила отбора языковых средств и построения речевых высказываний (текстов) в различных типовых ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией в определенном обществе в данный исторический период его развития» [Анисимова, 1988; 65]. С этой точки зрения следует согласиться, что указанные нормы представляют собой зафиксированные стереотипы производства и восприятия речи и получили социальное признание в типовых коммуникативных ситуациях. Коммуникативную ситуацию создают такие факторы, как «среда, ее предметный мир и особенности характера, определяемые отношениями публичное / непубличное высказывание; тема высказывания; социальное отношение говорящего и слушающего; намерение (интенция) говорящего достигнуть соответствующего коммуникативного эффекта» [Барнет, 1987; 195].

Особо следует подчеркнуть, что «как языковой компонент акта коммуникации коммуникативно-прагматическая норма включена в языковой (языковые правила) и более широкий коммуникативный (правила вербального и невербального поведения) коды участников общения» [Анисимова, 1988; 65]. Исходя из признания коммуникативно-прагматических норм, которые могут быть сформулированы и представлены в виде рекомендаций или могут существовать в языковом сознании коммуникантов имплицитно в виде речевых навыков, пунктуационные нормы следует рассматривать как коммуникативно-прагматические. Овладение пунктуацией происходит только в процессе текстовой деятельности. Анализ ненормативного употребления пунктуационных знаков и средств показал, что русская пунктуация приспособлена для смысловой организации высказывания / текста и их конструктивных компонентов.

Не регламентированная правилами пунктуация не поддается в настоящее время однозначной интерпретации. Создается впечатление, что употребление пунктуационных знаков приобретает стихийный характер. Между тем анализ текстов с разной степенью вариативности знаков позволяет обнаружить, что закрепляется своеобразная норма, за которой скрываются закономерности сущностного свойства. Эти закономерности обусловлены спецификой смысловой стратификации текста и способами «транспортировки» смысла вербальными и невербальными средствами.

Ориентация на выявление интенции говорящего на семантическом, синтаксическом, коммуникативном, прагматическом уровнях создает необходимые условия для осмысления пунктуации как феномена письменной речи. Можно также предположить, что те употребления пунктуационных знаков, которые в настоящее время воспринимаются как ненормативные (а в ряде случаев и как ошибочные), свидетельствуют о зарождающихся функциях русской пунктуации в формировании смыслового и информативного текстового пространства, с одной стороны, и новых системных свойств пунктуации, появившихся в связи с необходимостью

автоматизации форм языковой коммуникации в современном обществе [Шубина, 1999; 69].

Таким образом, понимание пунктуационных норм как коммуникативно-прагматических, обусловленных типовыми коммуникативными ситуациями, предполагает создание рекомендаций для специалиста-филолога, содержащих не только описание пунктуационной системы как коммуникативного кода, но и объяснение ее законов, свойств и правил.

§2. Зарождение и становление функционального подхода к русской пунктуации.

Основной презумпцией анализа литературы в настоящей работе является выявление коммуникативного фактора и имплицитного присутствия личности читающего, воспринимающего письменный текст в его специфическом пунктуационном оформлении. Зарождение и становление антропоцентристского подхода к пунктуации, противопоставленного системоцентристскому подходу как функциональное отвлеченному, позволяет говорить об усилении функционального аспекта пунктуационных правил с позиции читающего.

2.1. Период становления системы пунктуационных правил.

Действующая в настоящее время система пунктуационных правил в главных своих чертах сложилась ко времени окончания формирования основ русского литературного языка, а именно к XVIII веку. Первые теоретические разработки вопроса о пунктуации мы находим в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. В главе IV «О знаках» им дан перечень употребляющихся в «русском языке» знаков препинания (по терминологии автора – «строчных знаков»), а в главе V «О правописании» (§§ 130-137) изложены правила их употребления [Ломоносов, 1962].

М.В. Ломоносов не только излагает пунктуационные правила, которые закрепились в русской печатной литературе ко времени составления им «Грамматики», но и формулирует тот принцип, на котором основываются эти правила: «Строчные знаки ставятся по силе разума и по его расположению и союзам» [§ 126]. Это означает, что в основе употребления знаков препинания должна лежать смысловая сторона речи («разум» – мысль, выраженная в предложении, смысловое содержание его). Смысловая сторона распределяется между структурными (синтаксическими) частями текста, оказывающимися в различных взаимоотношениях, – это и есть «расположение» разума.

Знакомство с правилами пунктуации, рекомендуемыми М.В. Ломоносовым, убеждает нас, что в них полностью выдержан тот принцип, который был положен автором в основу употребления знаков препинания. Так, запятую предлагается ставить для отделения друг от друга однородных (по терминологии Ломоносова – «одинаких») членов предложения или однородных предложений в составе сложного. Стало быть, для того чтобы поставить запятую, нужно установить факт однородности слов или предложений, т.е. разобраться в характере смысловых отношений между синтаксическими конструкциями. И все остальные правила исходят из смысловой стороны высказывания и ни разу не отсылают пишущего ни к паузам, ни к ритмомелодии, что необходимо было бы, если бы в данной пунктуационной теории учитывалась роль адресата написанного текста. То есть учет личности адресата письменного сообщения, роли читающего в рамках изучения пунктуационных правил не представляется М.В. Ломоносову необходимым.

Дальше в своих разработках пошел ученик Ломоносова, профессор Московского университета А.А. Барсов. Его «Российская грамматика» датируется 1797 годом. На ней следует остановиться подробнее в связи с некоторыми ее особенностями. Пунктуационные правила помещены Барсовым в разделе «Правоизглашение», и тем самым *связаны с правилами*

чтения (сравним: у Ломоносова пунктуация входит в состав Наставления, посвященного *правотписанию*). Это объясняется тем, что у А.А. Барсова как самое определение пунктуации, так и правила ее охватывают различные стороны письменной речи, в том числе и приемы *устного произнесения* написанного (т.е. обе коммуникативных позиции – применительно к пишущему и читающему).

А.А. Барсов дает следующее определение пунктуации, которую называет препинанием: «Препинание есть разделение слов, членов и периодов, изображаемое на письме и в печати известными знаками, которые в чтении служат: а) к пояснению содержания каждой речи, б) к отдохновению голоса, в) к перемене оного ж» [Барсов, 1981; 74].

Сравнение пунктуационных правил в грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова говорит о значительной близости тех принципов, на которых построены эти правила. Но вместе с тем следует констатировать, что А.А. Барсов пошел намного дальше своего учителя. Прежде всего он полнее и точнее указал те грамматические единицы, которые являются объектами пунктуационного обозначения. Далее, ставя на первое место функцию «разделения» (членения) речи, А.А. Барсов дает описание тех ритмомелодических фигур, которые обозначаются на письме отдельными знаками препинания, указывая тем самым, как должны быть использованы знаки препинания при чтении написанного или напечатанного текста. Это свидетельствует о том, что уже тогда исследователями осознавалась необходимость «двустороннего» изучения пунктуации.

Об этом же находим у Б.И. Осипова: «В вопросе о принципах пунктуации мы будем исходить из неправомерности противопоставления «интонационной» и «логико-синтаксической» пунктуации. Поскольку интонация есть также один из способов выражения логико-синтаксических отношений, предлагается следующее определение пунктуационных принципов: *коммуникативно-синтаксический*, при котором постановка знаков препинания определяется актуальным членением предложения (в

оформлении этого членения как раз интонации и принадлежит решающая роль), и *конструктивно-синтаксический*, при котором она зависит от структуры членов предложения и их морфологической выраженности (в оформлении этого типа синтаксических отношений решающая роль принадлежит формам слов, их порядку и служебным словам)» [Осипов, 1990; 16-17].

Знакомство с практикой употребления знаков препинания в рукописных текстах крупнейших русских писателей конца XVIII и первой половины XIX веков убеждает нас в том, что созданные М.В. Ломоносовым правила пунктуации хотя и были приняты авторами грамматик, как теоретических, так и учебных, но не считались строго обязательными и полностью не соблюдались. Писатели ставили те знаки препинания, которые казались им безусловно необходимыми для обозначения в отдельных случаях тех или иных смысловых оттенков (субъективная авторская пунктуация), в отношении же всех остальных знаков они полагались на редакторов и типографских работников, которые опирались уже на нормативные аспекты пунктуации. Конечно, такое отношение писателей к пунктуации находило отражение и в печатных изданиях, создавая трудности при прочтении. В связи с этим приведем замечание, сделанное Н.А. Мельгуновым в письме к А.И. Герцену по поводу пунктуации последнего: «Когда, лет через двадцать пять или тридцать, *тебе придет в голову подумать не об одних современниках, но и потомстве* и когда ты приступишь в Москве к печатанию полного собрания своих сочинений, не забудь, пожалуйста, взять себе в подмогу хорошего корректора. Твои знаки препинания, например, сущие знаки преткновения. Они часто только затрудняют чтение».

Конечно, это субъективное свидетельство, но в нем несомненно отражено реальное отношение хотя бы части носителей языка, принадлежащих к определенной социальной группе, (культурных, грамотных) к неправомерному пунктуационному оформлению письменной

речи. Это говорит о том, что уже тогда излишняя или неправильная пунктуация могла восприниматься негативно, в качестве элемента, затрудняющего чтение, т.е. мешающего осуществлению письменной коммуникации (как коммуникативная помеха), и именно с позиций читающего.

И.И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (1854 год) делит знаки препинания на две группы⁷: 1) знаки, показывающие взаимные отношения предложений; 2) знаки, показывающие отношение предложений к лицу говорящему (цит. по:[Шапиро, 1955; 36]). К первой группе он относит точку и черту как знаки постоянные и двоеточие, точку с запятой и запятую – как знаки заменяемые. Ко второй группе – вопросительные, восклицательные знаки и многоточие. Не совсем понятно, почему знаки второй группы рассматриваются И.И. Давыдовым как показывающие отношение предложений к лицу говорящему, – скорее они указывают на то, как говорящий относится к своему высказыванию. Наряду с основными знаками препинания И.И. Давыдов выделяет группу знаков, которые он называет вспомогательными; однако в эту группу он включает знаки самого различного характера: и такие, которыми действительно выделяются слова в предложении (например, скобки, кавычки), и такие, посредством которых обозначается объединение отдельных слов в сложные слова или указывается на разбивку слова на части при переносе (например, дефис), и знаки ударения, надстрочные знаки и т.д. Это смешение разных по функции знаков связано с общим взглядом автора на назначение пунктуации: «В изустной речи обыкновенно мы делаем остановки, переменяем голос, одни предложения произносим с большим напряжением голоса, нежели другие: все это на письме изображается знаками препинания; *без них нельзя читать сочинений правильно, внятно и с верным выражением мыслей и*

⁷ Такое же деление знаков препинания предлагает И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Имеются две главные категории знаков препинания. 1) Одни из них относятся только к морфологии писанной речи, т.е. к ее расчленению на все более мелкие части. ... 2) Другая категория знаков препинания, имея то же отношение к морфологии или расчленяемости писанной речи, подчеркивает главным образом семасиологическую сторону, указывая на настроение говорящего или пишущего и на его отношение к содержанию письменно обнаруживаемого.» [Бодуэн де Куртенэ, 1963; 238].

чувств сочинителя» (цит. по: [Шапиро, 1955; 38]). И здесь речь идет прежде всего о пишущем (знаки, показывающие, как говорящий / пишущий относится к своему высказыванию). Позиция адресата письменного сообщения нигде не фигурирует.

Ф.И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» (первое издание датируется 1881 годом) в вопросе об употреблении знаков препинания близок к взглядам И.И. Давыдова. Он также видит в знаках препинания средство, способствующее более точному восприятию читающим мыслей и чувств пишущего. «Так как посредством языка, – пишет он, – одно лицо передает мысли и чувствования другому, то и знаки препинания имеют двоякое назначение: 1) способствуют ясности в изложении мыслей, отделяя одно предложение от другого, и 2) выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему. Первому требованию удовлетворяют: запятая, точка с запятой, точка и двоеточие; второму – знаки: восклицательный и вопросительный, многоточие и тире» [Буслаев, 1959; 281]. Внутрифразовые знаки препинания выполняют синтаксическую функцию в тексте, знаки препинания, стоящие в конце предложения – экспрессивную функцию. Но и во втором случае речь идет только о пишущем и его отношении к создаваемому тексту.

Опираясь на две последние работы, можно говорить о том, что сами знаки препинания между собой делятся на две группы: условно «синтаксические» или «структурные» и условно «коммуникативные», или «смысловые», и такое функциональное разделение в работах конца XIX века четко прослеживается.

Подводя итог анализу вышеуказанных работ, можно видеть, что основное внимание при формулировке функций и правил постановки знаков препинания в период становления систематического изучения русской пунктуации уделяется прежде всего пишущему, производящему письменный текст. Позиция читающего как второго участника акта письменной коммуникации не представляется существенной.

2.2. Первая реформа русской пунктуации.

В начале XX века оформилось новое направление в русском языкознании, выдвинувшее положение о необходимости строго различать в научных исследованиях и, соответственно, при обучении языку в школе речь устную и речь письменную, ставя на первое место живую, звучащую речь. Эти идеи проводили в жизнь такие крупнейшие ученые, как Ф.Ф. Фортунатов, и И.А. Бодуэн де Куртенэ и их ученики - А.А. Шахматов, Д.Н. Ушаков, В.А. Богородицкий и другие. Много внимания теперь уделяется изучению фонетики, оформляются на научной основе такие прикладные дисциплины, как орфография и орфоэпия. Возникает необходимость пересмотреть многие разделы языка, и прежде всего область пунктуации, которая вызывала много споров во все периоды развития синтаксической науки. Можно говорить о том, что пунктуация впервые изучается сама по себе, как полноценный раздел языка. Прежде всего и более всего споров вызывал вопрос об основаниях постановки знаков препинания, об основаниях русской пунктуации. Большинство авторов лингвистических и учебно-методических работ признается, что у русской пунктуации нет единого основания. Так, Г.П. Фирсов, например, писал, что в основе пунктуации лежит смысл, выражаемый то синтаксической структурой предложения, и интонацией, то формально-лексическими средствами, то интонацией, то всеми этими средствами одновременно. [Фирсов, 1961; 108]. Дискуссии, связанные с теоретическим обоснованием пунктуационных правил, продолжаются уже почти столетие. Эта многозначность при постановке знаков препинания замечалась учеными еще в 30-х годах: «Основным грехом правил пунктуации с давних пор является то, что в качестве оснований для постановки знаков препинания в них обычно фигурируют на совершенно одинаковых правах то чисто смысловые признаки речи, то интонационные» [Шапиро, 1930; 122].

Кроме этого, также уже в 30-х годах учеными было установлено, что пунктуация нуждается в пересмотре, и не просто в некоторых аспектах, а в

реформировании именно *системном*. Необходимость этого осознается тем отчетливей, что «по целому ряду причин – и исторических, и технических, и психологических, - пунктуация почти с самого начала ее существования в данном виде (т.е. со времени изобретения типографщиками братьями Мануциями в XV веке нынешних знаков препинания и составления ими же правил употребления этих знаков) нигде и никем принципиально и полностью не пересматривалась и не видоизменялась» [Шапиро, 1930; 119]. Собственно научных работ, посвященных теории пунктуации как одной из областей синтаксиса, до этого времени также практически не существовало, «... работы Классовского, Пешковского, заметка об интерпункции Булича (в словаре Брокгауза), еще две-три заметки в специальных журналах – вот все то, что можно назвать «библиографией» по вопросам, связанным с пунктуацией, ее основами, ее свойствами, ее недостатками. Русскую пунктуацию... создавали корректоры и авторы учебников» [Абакумов, 1930; 147].

Первая попытка упростить пунктуационную систему, сделать ее более продуктивной (прежде всего для читающего, но упростить задачу и пишущему), единообразной и собственно научной, что позволило бы пунктуации перейти из прикладной сферы в собственно лингвистическую, была сделана в Проекте Главнауки в 1930 году. Мы не будем рассматривать этот проект подробно (он довольно объемный и правила его касаются всех основных моментов русской орфографии и пунктуации); рассмотрим лишь несколько интересующих нас в связи с нашим исследованием моментов. Проект ставил себе целью устранить основные недостатки пунктуационных правил:

- 1) Наличие разных оснований для постановки знаков препинания.
- 2) Вариативность пунктуационных правил; правилами в некоторых случаях допускается возможность постановки одного из двух знаков по усмотрению пишущего (например, приложения и вводные слова могут выделяться не только запятыми, но и тире).

3) Пунктуационные правила нередко обязывают пишущего к постановке лишних, ненужных с точки зрения легкости чтения и ясности речи знаков⁸. Ведь знак препинания необходим там, где отсутствие его приведет к затруднению читающего. Во всех тех случаях, где те или иные смысловые оттенки речи выражаются средствами другого рода (определенный словарный материал, строение фразы, союзы и т.д.) знак препинания может оказаться излишним.

Согласно положениям проекта, пунктуационные правила формулируются на основании лишь тех признаков, которые **всегда** имеются в распоряжении пишущего, а именно на признаках синтаксического строения речи и смысловых оттенках ее. Поэтому, хотя интонация и включается в эту концепцию в качестве методического приема, позволяющего ученикам, чувствительным к мелодике речи, лучше усваивать пунктуационные правила, в основу этих правил кладется один – логико-синтаксический – принцип.

Новые правила также не допускали двойкой пунктуации для одного и того же случая. Наличие того или иного основания ведет к постановке *одного лишь* определенного знака. Даже в исключениях не содержалось указания на постановку иного, нежели в основном правиле, знака; всякий раз пишущий освобождается от постановки того знака, о котором в данном случае идет речь. И снова – прежде всего забота о пишущем. Позиция читающего, воспринимающего никак не учитывается.

Этот проект упрекали, пожалуй, за многие недостатки, но главным образом – за отсутствие внимания к интонации. Л.А. Булаховский называл этот проект «логико-грамматическим» и высказывал опасения, что «ритмомелодический подход» в обучении пунктуации «находится перед серьезной угрозой» [Булаховский, 1930]. (Следует заметить, что Л.А. Булаховский был убежденным сторонником того, что «... научная фиксация ритмомелодической стороны текста возможна... Необходимым условием

⁸ В книге «История русской орфографии и пунктуации» (1992) Б.И. Осипов осуществляет исследования пунктуационного оформления письменного текста с позиции поиска «функционально лишних» (не влияющих на ясное понимание текста) знаков препинания. «Ненужных» знаков оказалось значительно больше, чем «необходимых» (подробнее об этом см. в Главе 2).

научной записи ритмомелодики текста следует признать возможную четкость в выделении элементов собственно силовых, элементов тональности, учет длительности пауз и темпа в произношении отдельных частей фразы...» [Булаховский, 1930; 119]). Л.А. Булаховский предполагает, что ритмомелодика, всерьез принятая во внимание, могла бы послужить основой для пунктуации. В качестве аргументов для учета ритмомелодики наряду с логическим и собственно синтаксическим подходом к пунктуации Л.А. Булаховский приводит следующие положения:

1. В ряде случаев логико-грамматические определения сами по себе не дают надежной опоры: научить употреблять, например, точку на основании «законченности» и «незаконченности» мысли не удастся обыкновенно до тех пор, пока ученик сам не дойдет до отождествления законченности с выразительной паузой и соответственной интонацией в чтении. Это же приходится сказать и о точке с запятой, употребление которой довольно субъективно (недаром некоторые этого «тонкого» знака даже и вовсе не употребляют) и варьируется именно в связи с чтением [Булаховский, 1930; 128].

То есть варьирование знаков препинания происходит при восприятии написанного текста читающим и в соответствии с личными установками читающего; и варьирование это не подтверждается синтаксической стороной письменного текста. Пишущий имеет право решать, ставить ли некоторые внутрифразовые знаки препинания (в частности, точку с запятой), ориентируясь на собственное смысловое членение текста.

2. В других случаях, где логико-грамматический подход возможен, *он сложнее, чем те простые указания, которые можно дать, характеризуя, например, интонацию перечисления или в особенности ряд случаев, относящихся к второстепенным обособленным членам.* Вряд ли легкая вещь устанавливать, например, однородность или неоднородность в предложениях типа: «Мальчика подавляли большие каменные дома», «В лицо ему глядели стеклянные удивленные глаза», «Деревья бульвара

неподвижно млели под горячим безжизненным солнцем». Грамматически нельзя обосновать «однородность» в фразе вроде: «Из домов выбегали люди без шапок, бледные, с застывшим на лицах ужасом» [Булаховский, 1930; 128].

То есть особенности постановки некоторых знаков препинания (особенно при рассмотрении пунктуационного обособления) воспринимаются пишущим и читающим через призму не синтаксических правил, а ритмомелодических особенностей звучащей фразы. Позиция ориентирования при постановке знаков препинания скорее на интонацию, чем на синтаксис, отвечает, на наш взгляд, прежде всего интересам читающего.

Для облегчения изучения пунктуации пишущим и восприятия текста читающим Л.А. Булаховский предлагает, не ограничиваясь в формулировках пунктуационных правил «опорными пунктами логическими и синтаксическими», «... влить в работу над системой знаков препинания ту живую струйку декламационного подхода, которая вносилась за последнее время в обучение пунктуации существующей. Начинать теперь придется определенно с грамматики и логики, но сопровождать обучение знакам препинания указаниями на то, что они имеют характерное *чтение*, конечно, можно и, не сомневаюсь, с большой пользой для дела» [Булаховский, 1930; 129].

Недостаточность внимания к устной речи в тогдашней синтаксической науке замечалась повсеместно, и не только учеными. «... Казалось бы, раз синтаксис учит речи устной и письменной, то он должен учить тонированию и паузам, ибо без логических ударений и пауз не может быть устной речи, как без знаков препинания не может быть письменной. Между тем эта сторона совершенно игнорируется. *В каждом учебнике синтаксиса мы найдем свод правил о том, когда и какие нужно ставить знаки препинания, но ни слова не найдем о том, как произносить знаки, вернее: как произносить те слова и фразы, после которых или перед которыми стоит*

*тот или иной знак препинания*⁹. Этот недостаток нуждается в исправлении, и потому необходимо в учебники по синтаксису ввести указанные отделы декламации» [Крыжановский, 1914; 71]. Интуитивно пунктуационная система осознается как система сложная, многоярусная, не объяснимая только строгим следованием системе синтаксических конструкций. «Если же мы обратимся к истории пунктуации..., то увидим, что первоначально пунктуация и *была введена для обозначения голосовых остановок, отдыха* [т.е. для читающего вслух; можно утверждать, что в данном высказывании потенциально возникает личность читающего – О.Т.], и только потом, с конца 17 века, когда чтение голосовое стало вытесняться чтением про себя, пунктуация получила другое назначение: *показывать* [т.е. пишущему – О.Т.] логическое взаимоотношение слов и мыслей... Таким образом, тут смешаны 2 принципа: указание пауз в произношении и указание логического соотношения слов и предложений; иногда постановка знаков препинания вызывается и чисто грамматической надобностью: нужно бывает выделить те слова, которые не имеют грамматической связи со всем предложением. Это – то смешение разных принципов и служит причиной того обстоятельства, что иногда паузы не совпадают с пунктуацией, которая у нас, кстати сказать, тоже не может похвалиться совершенством. Однако если бы при изучении синтаксиса обращалось внимание и на произношение, то, пожалуй, и пунктуация могла бы со временем стать более совершенной, чтобы отвечать потребностям как письменной, так и устной речи» [Крыжановский, 1914; 72]. Не являясь в чистом виде научными, высказывания А. Крыжановского тем не менее отражают бытовавшее в то время отношение к синтаксической науке.

Отсутствие в проекте внимания к интонационным моментам пунктуационных правил, хотя и объяснимое с научной точки зрения, имеет для нас в свете нашего исследования особое значение. В качестве наиболее существенного недостатка проекта в этом аспекте называли (и в этом

⁹ В правилах пунктуации нет указаний, правил, декларирующих речевое / языковое поведение читающего; правила имеют одностороннюю направленность – для пишущего. Читающего как второго участника акта письменной коммуникации просто не существует.

сходились и Л.А. Булаховский, и С.П. Флоров, и А.М. Пешковский) систему правил пунктуационного оформления обособленных членов предложения. В проекте Главнауки нет понятия обособления. Его и не могло там быть, т.к. это по существу своему есть понятие интонационного порядка. Но так как это явление неразрывно связано со смыслом высказывания, а отсутствие выделения, как предполагает автор, ведет к нарушению восприятия мысли, к искажению смысла текста, поэтому проект не мог отказаться в этом случае от знаков препинания. Но он попытался формулировать соответствующие правила, опираясь только на грамматические примеры. В результате целый ряд случаев обособления оказался «не уловленным в пунктуационные сети» (А.М. Пешковский).

Сюда относятся:

- 1) Отсутствие обособления деепричастия вместе с относящимися к нему словами; в этом случае требуемая проектом обязательная при неодиномочном деепричастии запятая нарушает логику мысли (об этом говорили А.М. Пешковский и С.П. Флоров). Например:

Сборщица держит руки ____ вытянув вперед и несколько согнув в локтях. (Запятая после *руки*, как говорит А.М. Пешковский, привела бы к совершенно искусственному членению текста: ведь смысл фразы вовсе не в том, что *сборщица держит руки*, а в том, *как* она их держит¹⁰).

- 2) Отсутствие обособления постпозиционного (постпозитивного в современной терминологии) прилагательного, не отделенного от слова, к которому оно относится, сказуемым. Например:

Лицо его имело выражение приятное и спокойное. (согласно правилам, установленным проектом, здесь нужна была запятая: *Лицо его имело выражение, приятное и спокойное*).

- 3) Обязательное обособление антепозиционного (препозитивного) прилагательного. Например:

Изжелта-красный, сазан тяжело поднялся на поверхность. (Шол.)

¹⁰ Можно утверждать, что членение предложения с помощью запятой привело бы к возникновению синтаксической омонимии (подробнее об этом см. в Главе 2).

Желчный и раздражительный в своих отношениях к окружающим, Иван Васильевич все же не был злым человеком.

Или:

Желчный и раздражительный, в своих отношениях к окружающим Иван Васильевич все же не был злым человеком.

С.И. Абакумов в своей статье указывал, что утверждение А.М. Пешковского и С.П. Флорова о том, что отсутствие запятой в этих случаях ведет не только к утере *важного смыслового оттенка*, но и к разного рода недоразумениям, абсолютно правомочно. (Но возникает вопрос: *важного смыслового оттенка* – для кого? *Должна* возникнуть личность читающего. Насколько вероятным является «незамечание» дополнительных смысловых оттенков читающим в данном высказывании? Необходима эмпирическая проверка подобных утверждений. На доказательство подобных косвенных утверждений, касающихся «дополнительных оттенков смысла высказывания» и направлен эксперимент, представленный в настоящей работе).

Чтобы устранить этот недостаток проекта, А.М. Пешковский предлагает ввести в правила пунктуации интонационные приметы. Он разрабатывает оригинальную теорию, позволяющую учитывать роль интонации в правилах грамматики и синтаксиса.

Основные положения этой теории, выдвигаемые А.М. Пешковским в докладе «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания» и статьях «Знаки препинания и научная грамматика» и «Новые принципы в пунктуации» (написана под псевдонимом О.Парамонов), таковы:

1. Синтаксический строй устной речи может рассматриваться в двух аспектах: формальном и интонационном. Их соединение и создает в языке нужный синтаксический эффект.

2. Господствующая точка зрения, состоящая в том, что знаки препинания являются показателями грамматического расчленения речи, что они делают наглядным синтаксический строй речи, выделяя в тексте отдельные предложения и члены предложений, неверна. Теоретические занятия синтаксисом и «вспомогательными синтаксическими средствами языка, которые по самой природе своей неграмматичны и могут входить в синтаксис лишь по связи своей с психологией» - ритмом, интонацией, - приводят его к следующему мнению: знаки препинания отражают в огромном большинстве случаев «не грамматическое, а декламационно-психологическое расчленение речи» [Парамонов, 1930; 131]. Ритм и интонация только потому являются вспомогательными синтаксическими средствами при постановке знаков препинания, что в определенных случаях могут приобретать значения, аналогичные тем, какие создаются формами слов и их сочетаний. Но в то же время «признаки эти могут на каждом шагу и противоречить собственно грамматическим признакам, ибо всегда и везде отражают в основе своей все-таки не грамматическую, а общепсихологическую стихию речи». [Пешковский, 1925; 85].

3. Почти все знаки препинания, употребляемые в современном русском письме, читаются. Это полностью относится к точке, точке с запятой, двоеточию, скобкам, вопросительному и восклицательному знакам и к большинству случаев употребления других знаков препинания. В некоторых из этих случаев употребление знаков препинания ничем не оправдано; например, постановка двоеточия в предложении типа *Но дураком господь бог меня не уродил: я белое черным не назову*. Такое двоеточие могло бы быть заменено точкой с запятой без изменения смысла предложения. К тому же, двоеточие здесь «не читается». В других случаях это употребление поддерживается только грамматической структурой и является «лжеграмматическим», историческим по происхождению, не обязательным для употребления. В то же время в ряде случаев запятая по требованию грамматики отсутствует там, где соответствующие приемы чтения

необходимы. Сюда относится, например, обозначение повышения на границе между группой подлежащего и группой сказуемого: *Умение входить в положение других // было одной из лучших черт в характере царя*, обозначение повышения перед союзом «и» между двумя сказуемыми при одном подлежащем: *Я сел на лошадь // и помчался* и подобные.

4. По А.М. Пешковскому, «усвоение всех знаков препинания, кроме запятой, раз они не коренятся в синтаксических условиях речи, не нуждается в поддержке синтаксиса и даже в иных случаях тормозится этой противоестественной поддержкой. Но зато тем более необходима для огромного большинства этих знаков... поддержка со стороны выразительного чтения». Для овладения умением ставить знаки препинания следует всегда сознательно читать знаки, то есть «приводить в связь ту или иную произносительную фигуру... с тем или иным знаком», в результате чего образуется «прочная ассоциация каждого знака с соответствующей произносительной фигурой, протекающая, конечно, в обоих направлениях». Только для усвоения существующих правил об употреблении запятой потребуются координация показателей выразительного чтения и грамматики. В остальных случаях достаточно будет умения «читать» знаки.

Позиция А.М. Пешковского ясно характеризуется следующим высказыванием: «Замечу еще, что такое сближение выразительного чтения с пунктуацией послужит на пользу не одной только пунктуации. Мысленно слышать то, что пишешь! Как часто учителю достаточно прочесть с кафедры нескладное выражение ученика, чтобы автор ужаснулся собственному выражению. Почему же он его написал? Потому что не слышал, когда писал, потому что не читал самого себя вслух. Чем больше ученик будет читать себя вслух, тем лучше он будет вникать в стилистическую природу языка, тем лучше он будет писать. Воссоединение письменной верхушки языкового дерева с его живыми устными корнями всегда животворит, а отсечение всегда мертвит». [Пешковский, 1930; 94]. Здесь А.М. Пешковский предлагает ученикам выступить одновременно в роли пишущего и в роли читающего,

т.к. по его мнению, только в этом случае возможно эффективное овладение пунктуационными нормами; нормами в тексте, рассчитанном на *восприятие*. В противном случае текст не будет в достаточной мере понят (сейчас мы назвали бы это «непонимание» недостаточной эффективностью коммуникативного процесса, коммуникативной неудачей). Совмещение ролей пишущего и читающего необходимо для адекватного пунктуационного оформления текста.

2.3. Исследование коммуникативной значимости русской пунктуации.

Нельзя сказать, что коммуникативная роль пунктуации как важной составляющей в процессе формирования смысла письменного текста исследователями никак не замечались и не учитывалась. Еще в 30-х годах исследователи констатировали наличие двух позиций при восприятии письменного текста: позиция пишущего и позиция читающего (в устной речи – соответственно говорящего и слушающего). Но в работах исследователей 30-х годов, посвященных пунктуации, основное внимание уделяется пишущему. Позиция же читающего никак не учитывается, только декларируется; возможно, причиной этому явилось отсутствие методик изучения особенностей восприятия письменного текста читающим. Приведем один пример. А.Б. Шапиро в статье «О реформе русской пунктуации» (1930) исследует нормативный аспект русской пунктуационной системы. И орфография, и пунктуация, упрощенно говоря, представляют собой список норм, регламентирующих речевое поведение пишущего. Но основное различие между ними состоит именно в отношении к ним пишущего: «Немаловажное значение в этом вопросе имеет еще и отношение пишущих и читающих к знакам препинания, отличное от их отношения к буквам. Изменения в буквенном обозначении слова могут либо полностью изменять значения слов, либо вовсе не отражаться на значениях. Иначе с пунктуацией. Многие знаки препинания... ставятся постольку, поскольку

пишущий человек *считает нужным выразить в данном случае то или иное значение*. В силу указанного различия между орфографией и пунктуацией для нас не составляет затруднений понимание письменного текста, написанного по старой орфографии, но могло бы оказаться *очень трудным усвоение полного смысла такой письменной речи, в которой знаки препинания не имели бы тех значений, к каким мы привыкли*» [Шапиро, 1930; 120]. Пунктуация не так строго табуирована, как орфография и графика, она субъективна, вариативна и в связи с этими ее особенностями может представлять трудности для прочтения и понимания текста. Мысль о наличии теоретически возможных препятствий пониманию, создаваемых пунктуацией, возникает здесь впервые. Но возможные помехи пониманию связываются А.Б. Шапиро более с факультативной, авторской пунктуацией; «помехообразность» не рассматривается как возможное свойство пунктуации вообще.

Кроме того, ориентируясь прежде всего на пишущего как производителя текста и не учитывая второй коммуникативной позиции, А.Б. Шапиро отрицает связь между пунктуацией и устной речью (это отмечает А.И. Зарецкий в рецензии на книгу А.Б. Шапиро «Основы пунктуации» (1955)).

А.И. Зарецкий пишет: «Но зачем же отрывать синтаксическое строение от выражающей его интонации? Письмо не оторвано от речи и пишущий не может, хотя бы время от времени не представлять себе и мелодической стороны устной речи»¹¹ (цит. по: [Фирсов, 1962; 114]). Рассматривая те случаи, где пунктуация соответствует одновременно интонации и синтаксису, А.Б. Шапиро напоминает, что существуют и очень многочисленные случаи, «когда знакам препинания, без которых нельзя обойтись при письме, не соответствует в устной речи никакой ритмомелодии» [Шапиро, 1955; 82]. Но если нет постоянного соответствия

¹¹Сейчас мы могли бы сказать, что пишущий для достижения максимально эффективного коммуникативного результата должен примерить на себя также и роль читающего, и без учета обеих коммуникативных позиций нельзя говорить о функциях знаков препинания и основаниях пунктуации. Об этом же ранее писал А.М. Пешковский: [Пешковский, 1930: 94].

между пунктуацией и ритмомелодией, – это еще не значит, что между ними нет никакой связи. Отвергая одностороннюю позицию, А.Б. Шапиро сам занимает противоположную и тоже одностороннюю позицию: «Наша пунктуация не однопринципна. Представление о стройной системе смысловой пунктуации, как и представление о стройной системе интонационной пунктуации, может создаться лишь в результате произвольного замалчивания одного из случаев» [Шапиро, 1956; 131].

С.И. Абакумов рассматривает знаки препинания с позиции их участия в процессе создания дополнительного смысла письменного текста. В «Методике пунктуации» (1951) он определяет основное назначение пунктуации как «расчленение речи на части, имеющие значение для выражения мысли [пишущего – О.Т.] при письме» [Абакумов, 1951; 5]. *Отсутствие знаков препинания не только затрудняет расчленение читаемого на составные части, но может вести и к ошибочному или, по крайней мере, спорному пониманию текста.* Этот тезис С.И. Абакумов иллюстрирует с помощью случая, ставшего позже хрестоматийным примером реального влияния знаков препинания на понимание смысла письменного текста: рассказом о завещании, в котором наследники обязывались поставить в память завещателя *статую золотую пику держащую*. Завещание вызвало долгие споры. Одни полагали, что в нем требуется поставить *статую золотую, пику держащую*. Но такое требование разорило бы наследников. Другие доказывали, что в завещании требуется поставить *статую, золотую пику держащую*. Выполнение такого требования было бы вполне по силам наследникам.

Таким образом, «любой связный текст допускает широкую возможность пунктуационных вариантов» [Абакумов, 1951; 10]. Но каждый такой вариант изменяет смысл высказывания, вносит в него новые оттенки значения¹². Это свойство пунктуации, пишет С.И. Абакумов, многие склонны

¹² Позже такие знаки препинания были названы «коммуникативно обусловленными». См. об этом, например, у Н.Н. Барулиной: «Задаче пишущего – облегчить восприятие информации и в то же время передать информацию наиболее полно и точно – отвечает тенденция современного текста к сжатости,

считать ее недостатком, многие даже склонны объяснять этим плохое усвоение пунктуации школьниками. Говорят, что пунктуация субъективна, что правила употребления знаков препинания неустойчивы. Однако, по С.И. Абакумову, дело не в субъективности знаков, а в возможности разного понимания текста. *Различная пунктуация возможна только при разном понимании смысла высказывания* (знаки препинания призваны служить средством выражения возможного (потенциального) омонимического смысла высказывания¹³ (для пишущего) и знаком о наличии такого смысла в тексте (для читающего). И здесь впервые в теории пунктуации возникает личность читающего – не декларативно, а в качестве потенциального участника акта письменной коммуникации, процесса, одну из основных ролей в котором играют знаки препинания со своими особыми свойствами и значениями. Но С.И. Абакумов ограничивается заявлением, что разные пунктуационные варианты (т.е. возможности разного понимания текста) существуют, не приводя списка таких вариантов.

Более подробно на проблеме роли знаков препинания при возникновении дополнительных смыслов письменного текста останавливается Г.П. Фирсов. Основной ошибкой исследователей пунктуации Г.П. Фирсов считает «искусственный отрыв письменной речи от устной, непонимание той роли, которую играет внутренняя речь в процессе письма¹⁴, и функции интонации как синтаксического средства» [Фирсов,

экономичности высказывания и вместе с тем к емкости и информационной насыщенности, что проявляется в стремлении к более расчлененному высказыванию. Графическим средством, с помощью которого это получает выражение, становится пунктуация, «приспосабливающаяся к условиям коммуникативной структуры. Знаки препинания могут употребляться с целью придать отдельным элементам высказывания особый вес, подчеркнуть их важность в общем содержании» [Барулина, 1982; 90]. И далее: «Коммуникативно обусловленные знаки препинания (в противовес контекстуально обусловленным, синтаксическим) не всегда определяются условиями контекста... Постановка коммуникативно обусловленных знаков может зависеть не только от контекста, но и от коммуникативной позиции пишущего (а иногда только от нее)» [Барулина, 1982; 91]. Коммуникативно обусловленные пунктуационные знаки «помогают пишущему сделать очень тонкие смысловые выделения, заострить внимание читателя на важных деталях, показать их особую значимость» [Валгина, 1979; 22].

¹³ О возникновении синтаксической омонимии и случаях пунктуационного омографизма см. § 2, 4.

¹⁴ Учитывать роль внутренней речи в процессе письма – значит, признавать в качестве важного для основы пунктуационной системы тот факт, что пишущий в некоторых случаях может выступать и в качестве читающего, проговаривая текст «про себя» (например, выполняя задачу членения текста с помощью знаков препинания) [См. об этом в главе 2 – пунктуационный этап эксперимента].

1962; 115]. На самом же деле, согласно мнению Г.П. Фирсова, при создании пунктуационных правил следует исходить из того, что в основе пунктуации лежит смысл, выражаемый через синтаксическую структуру и интонацию или непосредственно через интонацию, причем один из этих смысловых признаков может превалировать над другим: в одних случаях решающим показателем необходимости того или иного знака препинания является интонация, а в других – синтаксический строй предложения, а интонация, хотя всегда сопутствует, но как признак, выражающий смысл, может быть на втором плане¹⁵.

В некоторых случаях знаки препинания ставятся только в соответствии с грамматическим строем и даже вопреки интонации. Иногда же происходит наоборот: знаки препинания ставятся только в *соответствии с интонацией, т.е. со смыслом*, при отсутствии грамматических признаков [Фирсов, 1962; 115]. (Наличие в высказывании возможных дополнительных смыслов, внесенных пишущим и воспринятых читающим выражается с помощью знаков препинания и эквивалентной интонации при чтении).

По Г.П. Фирсову, знаки препинания разделяются на две основные группы:

1. Знаки препинания, выражающие ритмомелодию речи: точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, кавычки, скобки, точка с запятой, двоеточие и тире; запятая между однородными членами, употребляемыми без союзов; между простыми предложениями в бессоюзных сложных предложениях; для выделения обособляемых в устной речи одного или нескольких согласованных определений, стоящих после определяемого существительного, а также нераспространенных и распространенных согласованных определений, стоящих перед определяемым

¹⁵ Часто между пунктуацией и интонацией ставят некоторый знак равенства, не принимая во внимание то, что речь идет прежде всего о форме письменной речи: «... общепринятым является представление, что у письменного предложения есть интонация. Интонация есть не у письменного предложения, а у устной фразы, которую произнесет переводящий это предложение в устную речь диктор, или у фразы внутренней речи, в которую его переведет читатель. Различия между звучащей и рисованной речью сопоставимы с различиями между музыкой и изобразительным искусством. С этих позиций выражение «поставить интонационный пунктуационный знак» выглядит так же нелепо, как выражение «произнести точку» [Ким, 2000; 96].

существительным, для выделения нераспространенных и распространенных несогласованных определений, одиночных приложений, а также приложений, выраженных именем собственным для выделения уточняющих обстоятельств места и времени и обстоятельств причины, условия и уступления (с предлогами).

2. Знаки препинания, служащие для обозначения грамматического строя предложения: запятая для обозначения границ между простыми предложениями в сложносочиненном и сложноподчиненном предложениях (с союзами), для выделения обособленных определений, выраженных распространенными причастиями и прилагательными, для выделения обособленных определений, относящихся к личными местоимениям и приложений, присоединяемых союзами для выделения обстоятельств, выраженных деепричастиями и деепричастными оборотами [Фирсов, 1962; 122].

Определить принцип группировки знаков препинания можно следующим образом: Г.П. Фирсов делит знаки препинания по степени «коммуникативной нагруженности». Знаки препинания, стоящие в конце предложения, Г.П. Фирсов определяет как нейтральные, коммуникативно несвободные: «Взаимосвязь между лексическими, формально-грамматическими и интонационными средствами в предложении может быть такова, что знаки препинания потребуются только в конце предложения; какой знак следует поставить при этом, покажет смысл через интонацию» [Фирсов, 1962; 115-116].

По-другому дело обстоит с внутрифразовыми знаками препинания. В большинстве своем они коммуникативно значимы¹⁶. «Необходимость употребления таких знаков препинания обнаруживается в тех случаях, когда без них смысл предложения непонятен или оно может получить разное

¹⁶ Значение такой пунктуации в тексте трудно преувеличить. Константин Паустовский писал о знаках препинания: «Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания – это как нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться» (цит. по: [Макарова, 1967; 52]).

толкование» [Фирсов, 1962; 116]. Наличие, отсутствие или изменение таких знаков может изменить смысл предложения. Пример такого знака: запятая между предложениями, не соединенными союзами. Бессоюзное сложное предложение *Свет не горел я повернул выключатель* без знака препинания может быть понято по-разному: свет потух оттого, что был повернут выключатель; тогда между простыми предложениями надо поставить двоеточие: *Свет не горел: я повернул выключатель*. Или свет не горел, и для того, чтобы он загорелся, надо повернуть выключатель; тогда между простыми предложениями надо поставить тире: *Свет не горел – я повернул выключатель*.

Для иллюстрации данного заявления нами был проведен пунктуационный эксперимент: минимальной аудитории (25 человек) были предложены карточки, содержащие данное предложение без внутрифразового знака препинания¹⁷. Испытуемым было предложено поставить знак в соответствии с собственным пониманием предложения. Около 33,6% полученных в результате эксперимента карточек содержали знак тире; около 56,7% – двоеточие и около 3,4% испытуемых поставили точку, разбив данное предложение на два. Результаты эксперимента свидетельствуют о возможности разного смыслового наполнения такого типа предложений, лишенных внутрифразовых знаков препинания.

По степени значимости для письменного текста разделяет знаки препинания и Н.С. Валгина. В упоминавшейся уже работе «Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания» (1979) она разделяет знаки препинания в зависимости от их роли в тексте на обязательные и факультативные; знаки, без которых невозможно обойтись при создании письменного текста и знаки, наличие / отсутствие которых не изменяет смысл текста. Но при этом делении Н.С. Валгина руководствуется скорее не влиянием знаков препинания на собственно понимание текста¹⁸, а

¹⁷ Подробнее о методике коммуникативно-направленного эксперимента см. Главу 2.

¹⁸ Сравним «коммуникативно значимые» знаки препинания у Г.П. Фирсова.

степенью их синтаксической, структурной значимости в тексте, опирается не на коммуникативную, а на синтаксическую функцию знаков препинания.

Понятие «факультативность» представляется в данном случае очень важным, т.к. принято считать, что пунктуационные правила, действующие в современном русском письме в настоящее время, в большей своей части факультативны¹⁹. Именно это и считается тем основным свойством пунктуации, которое дает возможность добиваться большой степени точности и выразительности письменной речи. Нет сомнения, что такое утверждение имеет серьезное основание, поскольку действительно те или иные знаки препинания очень часто «выбираются» в зависимости от конкретных задач организации содержательной, а подчас даже эмоциональной и стилистической стороны текста, т.е. знаки могут варьироваться при изменении этих задач, и, значит, пишущий свободен в их применении. «Авторские» знаки – и есть, по Н.С. Валгиной, знаки факультативные. Знакам «факультативным» противостоят, соответственно, знаки «обязательные»: «Если говорить о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, то, видимо, следует признать, что знаки «грамматические» (= фиксирующие структурное членение речи) должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными, поскольку они индивидуализированы авторским употреблением. Однако и «грамматические» знаки не всегда жестко обязательны, ибо структурное членение предложения в тексте, так же как и смысловое и интонационное, подчинено воле пишущего» [Валгина, 1979; 36]. Именно потому, что «грамматические» знаки часто не бывают чисто грамматическими – поскольку новая, возможная при данном лексическом наполнении структура дает новый смысл и иное интонационное оформление, – эти знаки могут быть факультативными. Понятие факультативности, таким образом, применимо к знакам препинания, основывающимся не только на смысловом и интонационном принципах, но и

¹⁹ См., например: [Текучев, 1970].

на формально-грамматическом. Это связано с тем, что в речевой действительности эти принципы действуют не разобщенно, а в единстве.

Решение основной задачи художественного текста – задачи «наибольшего воздействия на читателя» путем выбора оптимального для каждого отдельного случая пунктуационного варианта – осуществляется именно благодаря факультативности нашей пунктуации [Валгина, 1979; 39]. (Факультативность в данном случае в нашем понимании = вариативности пунктуации). Факультативные знаки в тексте объясняются с помощью контекста.

Коммуникативный аспект функционирования пунктуационных знаков возникает в работе в связи с «авторской» пунктуацией: «При талантливости пишущего авторская, своеобразная пунктуация является мощным и многогранным стилистическим средством. Однако индивидуальность в использовании знаков препинания заключается отнюдь не в нарушении пунктуационной системы, а в расширении и обогащении практики ее применения: знаки в таком случае помогают читателю постичь глубину мыслей и чувствований пишущего. Чрезмерная же индивидуализация таит в себе опасность потери пунктуацией ее социальной значимости, когда автор рискует остаться непонятым²⁰» [Валгина, 1979; 45]. Мысли о возможной коммуникативной значимости других знаков препинания, не связанных так явно с индивидуальностью личности пишущего, (индивидуальных, но синтаксически регламентированных), не возникает. Но тем не менее такой подход к пунктуации (даже ограниченный только «авторской») делает возможным возникновение пунктуационной личности читающего; пишущий создает текст и ставит знаки препинания в соответствии со своим замыслом, и он же создает контекст, снимающий возможное непонимание, объясняющий знаки препинания, способные вызвать смысловые затруднения при чтении.

²⁰ Такая пунктуация воспринимается негативно, как причина возникновения помехи пониманию (коммуникативной помехи).

В качестве пункта анализа следует отметить, что «угол» обзора пунктуационной системы после 60-х годов²¹ заметно изменяется: основное внимание уделяется не основаниям, на которых базируется пунктуационная система и попыткам их унификации или хотя бы объяснения, а функциям знаков препинания в их конкретном применении (пусть и на разных основаниях) в письменном тексте. В пунктуационной теории происходит своего рода смена ориентиров: переход от системно-теоретического подхода к пунктуации к системно-функциональному. «Принципиальная эклектичность русской пунктуационной системы уже становится признанным фактом, и все реже раздаются голоса с требованиями унифицировать, упростить, подвести все правила под единый критерий, ликвидировать факультативность употребления. Возможно, именно это разнообразие установок и определило ту усложненность и гибкость, которые характеризуют русскую пунктуационную систему. И все же, признавая множественность и разноплановость факторов, определяющих выбор и употребление знака, самое необходимое – попытаться понять хотя бы в общем виде функциональную нагрузку русских знаков препинания (сделать это сложно, поскольку действующая система Правил является одновременно и жесткой – в каких-то пределах – и оставляющей лазейку индивидуальным путям употребления – в других частях прескриптивного комплекса)» [Николаева, 1979; 26] – это высказывание в должной мере характеризует смещение акцентов от системы правил постановки знаков к системе реального функционирования знаков препинания в письменном тексте, возникающее в работах второй половины XX века, посвященных пунктуации.

Говоря о функциональном подходе к знакам препинания, необходимо определить не столько общую сферу их употребления, сколько область реального влияния в тексте. И речь прежде всего пойдет о внутрифразовых

²¹ Можно говорить о двух отчетливых волнах предложений и требований по упрощению русской пунктуации – 30-е и 60-е годы XX века (см.: Проект свода правил об употреблении знаков препинания. – Русский язык в школе, 1930, № 3; Проект «Правила русской пунктуации» – В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964).

знаках: «Основным требованием или условием, вокруг которого как будто бы не возникали споры, была установка на то, чтобы внутренний знак не мешал правильному пониманию предложения (см. анекдоты о случаях типа *Помиловать нельзя казнить* и т.п.). Но что же такое то правильное понимание, которое может быть или не быть искажено неправильным употреблением или неупотреблением пунктуационного знака?» [там же]. По мнению Т.М. Николаевой, речь может идти о трех принципиально различных комплексах явлений, о трех основных функциях знаков препинания в тексте:

1. Номинативная функция, передача в предложении сообщения о некотором событии²². При этом – при стремлении точно передать сущность события – возможно в свою очередь говорить о двух сторонах проблемы:

а) правильно или неправильно читающему передается число участников события, актантов (при широкой трактовке этого понятия)? Например: *Я встретил жену брата и мать* – *Я встретил жену, брата и мать* (сколько человек?); *Она сорвала белый зеленый багрянеющий цветок* – *Она сорвала белый, зеленый, багрянеющий цветок* (сколько сорвано цветов?);

б) правильно или неправильно отделяется одно событие от другого, если в одном предложении рассказывается о нескольких событиях? Например: *Я собрался и выехал поздно вечером вопрос разрешился удачно* (к какому событию относится обстоятельство времени?).

Хотя, как пишет Т.М. Николаева, в реальной практике случаи возникающего непонимания довольно редки и обусловлены определенными грамматическими совпадениями (это имеет место при омонимии форм: *Друзья, учителя в школе* – *Друзья учителя в школе*; при совпадении граммов у элементов, вводимых знаками препинания, и других членов предложения:

²² «Несомненно, что событие – это всякая пропозиция, соотносимая с предикативными отношениями. Там, где имеется более одной предикативной пары, очевидно, имеется два или несколько событий (*Травка зеленеет, солнышко блестит*). Однако интуитивно ощущаемое требование локальной целостности события вызывает к жизни правило об отсутствии знака в предложениях типа *По улицам двигались грузовики и мчались легковые машины*, где общий локализатор делает предложение рассказом об одном событии. ... К событиям, как представляется, можно отнести и «свернутые» конструкции – причастные и деепричастные обороты» [Николаева, 1979; 27-28].

Дочь, у них герой – Дочь у них герой; при совпадении граммем и омонимии форм: *Друзья, книги прибыли – Друзья книги прибыли*).

2. Передача внутренних отношений (А) между компонентами одного события и (Б) между самими событиями.

А. В этом случае постановка знака препинания факультативна. Это значит, что, согласно существующей системе правил, пишущему предоставляется право самому решать, располагается ли рассказ о событии однопланово, так, что каждое слово добавляет семантическую информацию к событию, излагаемому в линейной протяженности, или двупланово – когда второй ряд составляет уточнения, пояснения к компонентам: *Лет пять тому назад, осенью, по дороге из Москвы в Тулу, мне пришлось просидеть почти целый день в почтовом доме за недостатком лошадей*.

Б. Третья возможность пунктуационной системы – передача типа отношений между событиями. В этом смысле знаки препинания неоднородны: они располагаются от знака с максимальным числом передаваемых значений (запятая) до знака с минимальным их числом (скобки). Эта разная степень содержательности внутритекстовых знаков зафиксирована в пунктуационных правилах: так, о запятой обычно говорится, что она отделяет или выделяет компоненты предложения, о двоеточии – что оно передает комплекс значений «следования», и под. Необходимо заметить, что эти содержательные ярлыки (пояснение, следствие, результат, причина и т.д.) весьма условны, они являются только частью еще не составленного перечня семантических отношений линейных единиц.

3. Перечисленные выше типы функциональной нагрузки внутренних знаков препинания относятся к денотативной стороне общей семантики предложения. Между тем существующая практика употребления пунктуационных знаков в русском языке позволяет передавать и другой содержательный пласт – коммуникативную установку пишущего.

Таково, по мнению Т.М. Николаевой, функциональное членение знаков препинания; вся система знаков препинания укладывается в три основные линии – выделение события, передача отношений внутри события и коммуникативное членение. Употребление русских пунктуационных знаков отвечает двум функциональным аспектам: денотативному и коммуникативному. Но не все пунктуационные элементы укладываются в эту систему. Прежде всего далеко не все виды коммуникативного членения находят отражение в пунктуационной системе. Это – различие во фразах типа *Недавно / приехавший доктор сделал нам доклад* и *Недавно приехавший доктор / сделал нам доклад*. В перечисленные выше типы функций не укладывается также и ряд правил употребления знаков препинания:

1. Прежде всего к ним относятся правила о постановке знака в зависимости от лексико-грамматического воплощения того или иного компонента предложения (неотделение придаточного, вводимого посредством НЕ: *Я хочу знать не как это делается, а зачем*; отделение определения, относящегося к местоимению: *Как, бедной, мне не горевать!*).

2. Во-вторых, особой интерпретации требует правило о постановке / непостановке знака в зависимости от позиции линейной единицы (в частности, это относится к позиции определительного оборота²³: *Нарядно одетая девочка вбежала в комнату*. Ср.: *Девочка, нарядно одетая, вбежала в комнату*).

3. Несомненно, что только договоренности (а не действию внутренних законов системы) подлежат зафиксированные в правилах указания о том, выделять или нет вводные слова, междометия, как оформлять перечисление, прямую речь, обращение.

²³ По Пешковскому, порядок слов является одним из условий обособления. Обратный порядок слов является условием, способствующим обособлению, так как обособление тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания. *Служанок была осердясь*. (Пушк.) прямой порядок слов или: *Осердясь, была служанок*. – обратный порядок слов. [Пешковский, 1956]

Как нам представляется, понимание первой функции знаков препинания как «номинативной» связано с тем, что Т.М. Николаева не принимает во внимание личности читающего как «потребителя» письменного текста; коммуникативная функция знаков препинания связана в ее работе только с позицией пишущего, передачей его коммуникативной установки. Но знаки препинания не только передают коммуникативную установку пишущего, но и определяют успешность восприятия текста читающим, успешность всего коммуникативного процесса (успешность передачи основной информации (см. примеры к пункту № 1), либо передачи дополнительных оттенков значения (см. примеры к пункту № 2). И явление синтаксической омонимии дает богатый материал для исследования именно этого аспекта функционирования знаков препинания в тексте. Изучение функционирования знаков препинания эффективнее производить с учетом обеих коммуникативных позиций – пишущего и читающего; в этом случае возможно соединение номинативной и коммуникативной функций знаков препинания.

Функциональный подход к пунктуации ставит во главу угла назначение знаков препинания, цель их применения в тех сферах, где они используются. Но системный характер пунктуации может быть понят при совокупности функционального и позиционного подхода к знакам препинания [Шварцкопф, 1979; 6]. Позиционный подход состоит в последовательном выделении сфер употребления знаков препинания (слово – предложение – текст) и специальных позиций знаков в каждой такой сфере (начало – середина – конец). При этом необходимо учитывать: а) синтаксический характер членимых пунктуационными знаками единиц и б) взаимодействие знаков в одной и той же сфере, в одних и тех же позициях. Последнее связано с оппозицией пунктуационных знаков – значимым противопоставлением двух или более знаков в одной текстовой позиции при

тождестве пунктуационной ситуации²⁴. Пунктуационная ситуация – совокупность определенных условий, складывающихся в данном контексте письменной речи и стимулирующих или требующих применения определенных пунктуационных средств [Шварцкопф, 1979].

В работах Б.С. Шварцкопфа [Шварцкопф, 1979, Шварцкопф, 1988] едва ли не впервые отчетливо звучит мысль об обязательном «двустороннем» функционировании пунктуации и связанными с этим особенностями системного ее исследования: «При функционально-системном описании пунктуации возможны по крайней мере два противоположных подхода: 1) описание, исходящее из точки зрения (коммуникативного задания) пишущего – пунктуация *от пишущего*; 2) описание, исходящее из точки зрения (декодирования текста) читающего – пунктуация *для читающего*. Пишущий идет от смысла к членению (порождаемого им текста) с целью его передачи; читающий идет через членение (чужого, данного ему готовым) текста к синтезированию скрытого за ним смысла». И знаки препинания являются одним из средств, помогающих нахождению этого смысла (в таком случае мы говорим о коммуникативном успехе) или мешающих этому (коммуникативная неудача / коммуникативная помеха).

Такой же «двусторонний» подход к пунктуации мы находим в поздних работах Н.С. Валгиной: «Современная русская пунктуация, как определенный исторический этап в ее становлении, представляет собой функциональную систему, с одной стороны, достаточно устойчивую и стабильную, и, с другой стороны, систему гибкую, нежесткую, способную адекватно отражать «движение мысли» и стилистические нюансы» [Валгина, 2001; 239]. Двойственный характер пунктуационной системы обнаруживает себя в двоякой значимости пунктуации: *пунктуация от пишущего* (направленность от смысла к знакам) и *пунктуация для читающего* (направленность от знака к смыслу). Если между пишущим и читающим через знаки налаживается контакт, т.е. восприятие оказывается адекватным

²⁴ Конкретное применение такой оппозиции см. в гл. 2 («вопросно-ответный» этап эксперимента, карточки с замененными знаками препинания).

написанному, то это значит, что и пишущий и читающий пользуются одним кодом, а это, в свою очередь, означает, что пунктуация формально и социально значима и набор знаков в тексте не случаен и хаотичен, а системно организован и соответствует общепринятым канонам.

Социальная сущность пунктуации обнаруживается в закреплённости за знаками общих функций и значений, в стабильности и закономерности их воспроизведения. Но именно социальная значимость пунктуации таит в себе богатые возможности использования знаков с учетом их семантико-стилистических функций в тексте.

Текст воспринимается соответственно расставленным в нем знакам именно потому, что знаки эти читаются, т.е. несут в себе определенную, известную нам информацию, следовательно, они отягощены смыслом, причем смыслом, исторически накопленным в практике печати.

2.4. Вариативность русской пунктуации. Явление пунктуационного омографизма и особенности амфиболического функционирования системы знаков препинания.

Основное значение орфографии – передавать письменными знаками звучащую речь. Главное требование к орфографии – адекватность этой передачи. Пунктуация также призвана участвовать в переводе устной речи в письменную, но, в отличие от орфографии: «... пунктуация имеет четко назначение – передать читающему смысл написанного таким, каким он воспроизводится пишущим» [Валгина, 1979; 5]. «Таким образом, пунктуация уже по самому определению своему субъективна, а потому – и в этом ее принципиальное отличие от орфографии – в большинстве случаев с необходимостью вариативна» [Парубченко, 2003; 265].

Л.Б. Парубченко выделяет два типа многозначности, которую может отражать лексико-грамматический состав высказываний:

1. Многозначность, связанная с диктумом высказывания. Она показывает возможность неоднозначных отношений между элементами

внеязыковой предметной ситуации, отражаемой высказыванием, возможность двоякого ее членения, например:

Казнить (2) /, **нельзя** помиловать (2).

Казнить **нельзя** (2) /, **помиловать** (2).

Надя, чувствовала сестра (3) /, **не зря** вызвала ее (1).

Надя **чувствовала** (1): сестра **не зря** вызвала ее (1).

2. Многозначность, связанная с модусом высказывания. В этом случае интонационные и пунктуационные варианты не затрагивают денотативного содержания высказывания, а выражают различные субъективные смыслы, идущие от говорящего и пишущего, например:

Привлеченные ярким **светом** (3) /, бабочки кружились около **фонаря**(3).

Привлеченные ярким светом _ **бабочки** (3) / кружились около **фонаря**(3).

Сопровождаемый **офицером** (3) /, комендант вошел **в дом** (1).

Сопровождаемый офицером _ **комендант** (3) / вошел **в дом** (1).

Типы эти можно различать по степени субъективности: в первом случае возникающая многозначность имеет объективный характер, во втором – связана с субъективными намерениями пишущего. Два типа многозначности также можно различать, как мы считаем, по степени «обязательности»: во втором случае мы имеем дело с вариативной, «необязательной» пунктуацией, не влияющей на понимание основного смысла текста (здесь, скорее всего, речь пойдет о тех самых «смысловых оттенках», вносимых пишущим, так часто упоминающихся в работах по пунктуации); в первом же случае о возникновении амфиболической ситуации, которая должна быть так или иначе разрешена для осуществления успешного процесса письменной коммуникации. Для изучения функционирования знаков препинания в ситуациях возможного двусмысленного понимания текста необходимо остановиться на явлениях синтаксической омофонии и омографии.

Омофония и омография обычно понимаются как явления, находящиеся на периферии письменной коммуникации. Термины «омофон» и «омограф» фиксируют только самый поверхностный уровень соотношения письменной и звуковой формы языковых единиц, лишь спорадически выходящий в функционально-семантическую сферу речи. Мы полагаем, что столкновение форм в процессе восприятия речевых произведений является совершенно естественным и регулярным, поскольку языковая форма при всей широте ее вариативности все-таки ограничена в своих возможностях передачи бесконечного смыслового варьирования, поэтому естествен и обоснован выбор вариантов согласования планов содержания и формы в обыденной коммуникации. Несомненно, что в самом механизме обыденной коммуникации заложены естественные способы ограничения негативных последствий амфиболического функционирования языковых единиц. С другой стороны, ситуация амфиболии является своеобразной экспериментальной площадкой для проверки коммуникативной надежности такого механизма, действующего в ней с повышенной нагрузкой. В гносеологическом плане это означает, что «амфиболический полигон» можно рассматривать как эффективное поле для изучения функционирования тех или иных «узлов» данного механизма. В настоящей работе он выступает в названной роли для изучения русской пунктуации в функциональном аспекте, в частности, для изучения проблем коммуникативной значимости знаков препинания в процессе восприятия письменных речевых произведений (высказываний).

В настоящее время в теории пунктуации (и особенно в методической литературе) уже стало своеобразным ритуалом указывать, что правильное пунктуационное оформление текста влияет на его понимание, адекватное замыслу пишущего, а неправильное – искажает авторский замысел. Однако этот важный тезис еще не был обоснован в конкретно-исследовательском плане. Необходимость исследования данной проблемы очевидна; массовая практика письменной речи показывает, что отсутствие знаков препинания в

значительном числе случаев не приводит к коммуникативным неудачам заметным трудностям (ошибочному пониманию текста, помехам при его узнавании и интерпретации). Возникает вопрос: в какой степени пунктуация реально участвует в обыденной письменноречевой деятельности читающего? В связи с этим мы выдвигаем предположение, что коммуникативная роль русской пунктуации преувеличена, и полагаем, что данная гипотеза нуждается в конкретно-исследовательском обосновании. Целью любой коммуникативной деятельности является стремление к адекватной передаче смысла, осуществлению взаимопонимания субъектов общения (здесь – пишущего и читающего). Однако результат может быть неоднозначным. Здесь возникает понятие «коммуникативная эффективность», т.е. необходимость и достаточность коммуникативных усилий для обеспечения взаимопонимания. Составляющие коммуникативной эффективности: коммуникативный успех / коммуникативная неудача / коммуникативная помеха. Пунктуация (нормативная и ненормативная), правильные и ошибочные написания могут рассматриваться именно с этих позиций.

Исследование коммуникативной значимости пунктуации в аспекте реального воздействия знаков препинания на понимание текста почти с необходимостью приводит нас к явлению синтаксической омонимии вообще и пунктуационного омографизма в частности (см.: [Колесников, 1981; Лаптева, 2003]). Термин «пунктуационный омографизм» мы находим в книге Н.П. Колесникова «Синтаксическая омонимия в простом предложении»; он обозначает совпадение различных функций, выполняемых знаками препинания внутри предложения, вследствие чего возникает двоякое понимание читаемого текста, т.е. амфиболическая ситуация.

Обобщая предшествующий опыт изучения пунктуации, Н.П. Колесников выделяет разные оценки данного явления в отечественной литературе. Ряд авторов считает синтаксическую омонимию положительным явлением (А.М. Бабкин, Е.М. Галкина-Федорук, Л.А. Булаховский, Н.М.

Шанский), другие трактуют его как феномен негативный (А.Н. Гвоздев, А.А. Реформатский)²⁵, однако все сходятся в следующем мнении: омонимы могут «сталкиваться», затрудняя понимание текста; омонимия создает трудности в устном и письменном общении. Ср. типичный тезис: «Синтаксическая омонимия в одних предложениях действительно устраняется чаще всего последующим текстом. В других случаях такого устранения не происходит. Это обстоятельство позволяет считать наличие омонимии в предложении отрицательным явлением, мешающим восприятию текста»²⁶.

Но вопросы о том, *как реально* проявляет свое действие синтаксическая омонимия коммуникативной в обычной письменной речи, *какова степень* реального влияния синтаксических омофонов и омографов на понимание текста, как ведут себя языковые механизмы в условия синтаксической омофонии, остаются нерешенными. Для ответа на них необходимо экспериментальное исследование на конкретном пунктуационном материале.

Правильное использование знаков препинания в случаях пунктуационного омографизма на письме помогает не только точному интонированию, оно устраняет и возможность двоякого понимания читаемого текста [Колесников, 1981; 116]. Об этом же мы на ходим у Л.Б. Парубченко: «Потенциальная многозначность лексико-грамматического состава высказывания в контексте звучащей речи... снимается интонацией, а в письменной – пунктуацией, при этом любой вариант находится в согласии с кодифицированной пунктуационной нормой. Вариативность современной пунктуационной нормы засвидетельствована авторитетными справочниками, рекомендации которых как правило некатегоричны и часто формулируются в модальности возможности» [Парубченко, 2003; 266].

Практический выход «модальности возможности» можно найти в необходимости использования только тех знаков препинания, отсутствие или изменение которых может спровоцировать амфиболическую ситуацию,

²⁵ См.: [Колесников, 1981; 8-10]

²⁶ Там же, стр.9

ситуацию непонимания или частичного понимания, т.е. коммуникативную неудачу. Для практического подтверждения подобной гипотезы необходимо тщательное исследование внутрифразовых знаков препинания с позиции возможного возникновения ситуации двоякого понимания (или непонимания) текста. В результате должен получиться список «амфиболических» пунктограмм (список разных по «помехообразности» пунктограмм на шкале амфиболичности). Н.П. Колесников предлагает список случаев омографизма (многозначности) внутрифразовых знаков препинания (у Колесникова – запятых), вызывающего омонимию в предложении и случаев двусмысленности текста в результате отсутствия знаков препинания:

1. Омонимия при неразличении обращения и обособленного приложения

Илья Фомич, Петров опять по цеху ходит пьяный²⁷ !

Илья Фомич Петров опять по цеху ходит пьяный !

А скажите, пожалуйста, Пастухова, секретарь нашего директора тоже пойдет в отпуск?

А скажите, пожалуйста, Пастухова, секретарь нашего директора, тоже пойдет в отпуск?

2. Омонимия при неразличении обособленного приложения и однородного члена предложения:

За ними шли повар, Семен Михайлович, лакей.

(непонятно, чем является *Семен Михайлович* – именем повара, именем лакея или именем третьего лица).

3. Омонимия при неразличении вводного слова и члена предложения:

Прекрасное (,) должно быть (,) величаво.

А мне в голову, точно, такие мысли не приходят.

А мне в голову точно такие мысли не приходят.

²⁷ Примеры даны из [Колесников, 1981].

4. Омонимия при неразличении однородных и неоднородных определений:

Изложение главной черты нашего литературного, московского произношения.

Изложение главной черты нашего литературного московского произношения.

5. Омонимия при неразличении пояснительного и разделительного союзов:

Случайный пропуск запятых или сознательный отказ от их употребления перед пояснительным союзом «на какое-то, пусть даже короткое время, дезориентирует читателя» [Колесников, 1981; 124]:

Сказуемое бывает простым, составным или сложным.

То же происходит и при постановке запятой перед союзом:

Так его в лес и подмывает за кабанами, или козами.

6. Омонимия при неразличении сравнительного и присоединительного союзов:

Нева металась, как больной, в своей постели беспокойной (Нева металась в своей постели подобно больному);

Нева металась, как больной в своей постели беспокойной (Нева металась, как мечется в своей постели больной);

Нева металась как больной в своей постели беспокойной (Нева, будучи больной, металась в своей постели).

«Отмеченный разницей в расстановке знаков препинания дезориентирует читателя, порождает в нем сомнения относительно правильности того или иного знака и вынуждает его искать второе значение предложения, не обусловленное расстановленными в предложении знаками, зачастую искажающими содержание высказывания» [Колесников, 1981; 126].

Показательно, что эмпирическим путем подбирая определенные пунктуационные ситуации для проведения эксперимента, направленного на

изучение коммуникативной значимости знаков препинания в процессе понимания письменного текста, мы пришли к списку пунктограмм, идентичных «пунктуационным омографам» Н.П. Колесникова (подробнее об этом см. Главу 2). Подобные результаты свидетельствуют о наличии в системе русской пунктуации некоторого количества реальных пунктуационных ситуаций, наличие / отсутствие и состав знаков препинания в которых нуждается в описании, и, возможно, в регламентировании, во избежание ситуаций непонимания. Нам представляется, что список подобных ситуаций не будет столь обширным, чтобы распространять необходимость строгого регламентирования и нормализации на всю систему знаков препинания в русском языке. Хотя давать методические рекомендации не входит в задачи настоящей работы, подобный коммуникативно-прагматический подход к пунктуации может быть реально осуществлен.

Функционирование пунктуации в общем коммуникативном процессе эффективнее всего изучать на материале, получаемом в серии направленных экспериментов. Для проведения «коммуникативно-пунктуационного» эксперимента необходимо смоделировать такую ситуацию, в которой испытуемый вынужден будет проявить отношение к знакам препинания. При построении методики эксперимента нормативно-правильная пунктуация рассматривается в оппозиции с «неправильной» (отсутствующие или стоящие не на месте знаки препинания) пунктуацией.

Основная оппозиция текстов, предъявляемых испытуемым для прочтения и интерпретации, реализуется с помощью карточек, содержащих тексты с отсутствующими знаками препинания, тексты с правильно расставленными знаками препинания и тексты с ненормативной пунктуацией. Дополнительная оппозиция предполагает участие пунктуации в простых, однозначно интерпретируемых высказываниях и в высказываниях неоднозначных, амфиболических. Среди последних наиболее значимыми представляются высказывания с потенциалом омографического и омофонического функционирования, предполагающих дифференциацию

смысла высказывания в зависимости от пунктуации (синтаксические омофоны) и отсутствие дифференциации при отсутствии пунктуационных различий (синтаксические омографы)²⁸. Только прямой и массовый эксперимент с омофоническими высказываниями может показать, действительно ли пунктуация «различает смыслы, вкладываемые в предложение пишущим», и действительно ли «без знаков препинания предложения могут получать разные толкования» (подобные высказывания часто встречаются, но реальных исследований восприятия и интерпретации текстов с потенциалом амфиболического функционирования не проводилось).

Данные, полученные в результате такого эксперимента, позволят определить место и «удельный вес» пунктуации в процессе письменной коммуникации, в частности – определить степень влияния пунктуационных ошибок и отсутствия знаков препинания на понимание письменного текста.

²⁸ См. [Голев, 2001]

Глава 2.

Экспериментальное исследование коммуникативного функционирования русской пунктуации.

1. Современные исследования коммуникативного функционирования орфографии и пунктуации с позиции читающего.

Представленное в настоящей работе исследование и коммуникативно-функциональный подход к пунктуации прежде всего опирается на исследования Н.Д. Голева и О.А. Киселевой, посвященные изучению коммуникативного функционирования русской орфографии на экспериментальном материале (см. Голев, 1999; Голев, 2000; Киселева, 2002). Основные положения этих исследований таковы:

1. Традиционная модель русской орфографии является предписательной; при этом предписания направлены на регулирование деятельности пишущего, а именно: на регулирование процесса решения пишущим той или иной орфограммы. В основании формулировок орфографических правил лежит идея отражательности, доминирующая в ней над функционально-прагматическим аспектом: стихийные законы орфографической деятельности не изучаются теоретической лингвистикой. В такой модели практически отсутствует узус, вследствие чего термин «норма» подменяется термином «правило», а любое варьирование орфонормы трактуется как ошибка, априори признаваемая коммуникативной помехой и следовательно подлежащая обязательному исправлению в любых проявлениях орфографической деятельности.

2. Хотя наблюдения над орфографической деятельностью рядовых носителей языка свидетельствуют о том, что несоблюдение орфографических норм не всегда приводит к взаимному непониманию общающихся, поскольку язык вообще (как в устной, так и в письменной формах) устроен по принципам самоорганизующейся и саморазвивающейся системы и обладает высокой степенью предсказуемости и помехоустойчивости.

3. Существуют все основания для построения деятельностной (функциональной, коммуникативной) модели русской орфографии, ориентированной на орфографическую деятельность читающего, которая бы сделала возможным естественно-научный (объективистский, по определению Н.Д. Голева) подход к данной сфере языка как к полноценному, многостороннему, саморазвивающемуся объекту лингвистического изучения.

4. В рамках коммуникативной модели возможен не только аксиологический, но и объективистский подход к орфографической норме, которая сейчас часто ассоциируется в сознании рядовых носителей языка с орфографическим правилом, а орфография в целом – с языком во всем его многообразии. Принципиальная неизученность вопроса о том, как соотносятся метаязыковые (орфографоцентристские по своей сути) представления рядовых носителей русского языка с их реальной орфографической деятельностью, является достаточным основанием для обращения к теме «коммуникативной орфографии».

5. Орфографические ошибки не имеют такого значения для восприятия информации, какое им придают в современной школе, а вслед за ней в широких кругах носителей современного русского языка; иногда они даже не замечаются читающим. Это наблюдение позволило выдвинуть гипотезу о том, что частота того или иного нарушения нормы обратно пропорциональна его помехообразующей способности. Поэтому гораздо больший вред коммуникации наносят описки, поскольку они асистемны и непредсказуемы.

6. Мнение о том, что орфографические ошибки мешают чтению и восприятию текста во многом субъективно, оно не подтверждено конкретными исследованиями и поэтому не отражает в полной мере реальной картины орфографической деятельности. На ее восполнение и направлено экспериментальное исследование О.А. Киселевой (см.: [Киселева, 2002]).

Другим источником опоры для настоящего исследования стали работы Н.Л. Шубиной, посвященные параграфемным средствам языка и рассматривающие пунктуацию как «целостную дополнительную функционально-адаптивную систему, основной сферой проявления которой является текст» [Шубина, 1999; 9] и Б.И. Осипова, посвященные изучению реального влияния знаков препинания на понимание письменного текста читающим.

Необходимость экспериментального изучения коммуникативного функционирования пунктуации обусловлена тем, что в настоящее время в теории пунктуации систематически утверждается, что пунктуационное оформление текста влияет на процессы его понимания. В то же время этот вопрос еще не был обоснован в конкретно-исследовательском плане. Необходимость такого исследования очевидна, т.к. существуют факты, показывающие, что отсутствие знаков препинания не всегда приводит к коммуникативным неудачам (ошибочному пониманию текста, помехам). Следовательно, возникает вопрос: в какой степени пунктуация реально участвует в обыденной письменноречевой деятельности читающего? Каким образом функционируют знаки препинания в реальном коммуникативном взаимодействии пишущего и читающего, какова реакция читающего на знаки препинания в тексте, какое участие принимает пунктуация в процессе восприятия и понимания текста – эти вопросы требуют изучения и единственный возможный путь поиска ответов на них – экспериментальный.

Напрямую необходимость исследования пунктуации в коммуникативно-функциональном аспекте обосновывает Б.И. Осипов. Не будучи единственной проблемой исследования пунктуации, анализ зависимости однозначного или неоднозначного понимания письменного текста от наличия или отсутствия знаков препинания является, по мнению Б.И. Осипова, «одним из необходимых элементов, подводящих научную базу под оценку рациональности пунктуационных правил» [Осипов, 1992; 205].

Согласно Б.И. Осипову, нашу пунктуационную систему характеризует то, что «она стремится реагировать на все, что касается статуса слова или же словосочетания со стороны отношения к членам предложения, к их морфологической оформленности. Отсюда целый ряд *пунктуационных излишеств*²⁹» [Осипов, 1992; 200].

Наблюдение показывает, что даже полный отказ от внутрифразовой пунктуации лишь в *очень небольшом* числе случаев приводит к опасности неоднозначного прочтения предложения (т.е. когда знаки препинания выступают в качестве помехи коммуникативного процесса). Это утверждение Б.И. Осипов иллюстрирует с помощью анализа текста повести Л. Толстого «Холстомер». Выступая сам в качестве читающего (т.е. участника процесса письменной коммуникации), Б.И. Осипов оценивает внутрифразовые знаки препинания в тексте с позиции их влияния на понимание текста. Из 1954 внутрифразовых знаков в тексте «полезными» с этих позиций оказываются только 70 (проясняющих смысл текста в случаях, когда запись без знака препинания неоднозначна).

Дальнейшую перспективу этого и подобных исследований Б.И. Осипов видит в экспериментальной проверке того, насколько вероятно различное осмысление выявленных предложений, теряющих однозначность без пунктуации, рядовыми носителями русского языка. Такая работа имеет и прикладной выход: она поможет накопить дидактический материал для упражнений на разную расстановку знаков препинания в предложениях, имеющих идентичный лексико-морфологический состав.

Проверку утверждения о функционально «лишних» знаках препинания Б.И. Осипова возможно стало осуществить при анализе результатов проведенного коммуникативно-направленного эксперимента.

Соглашаясь с Б.И. Осиповым в целом, все же следует отметить, что выводы о степени функциональности различных знаков препинания на

²⁹ Подтверждение этому можно найти в Своде правил русского правописания 2000 г. (раздел «Пунктуация»), мотивирующем обновление пунктуационных правил необходимостью отражения «норм ситуативных, не столь жестких, характеризующих гибкость, вариативность современной пунктуации, ее способность повышать информационные и выразительные качества письменного текста» [Проект, 2000; 20].

основе коммуникативной деятельности одного читающего делать все же преждевременно. Необходимо масштабное экспериментальное исследование с заданиями, направленными на проверку разных механизмов деятельности воспринимающего, которое мы и надеемся осуществить в данной работе. Также нам представляется неверным распространение полученных результатов на всю пунктуационную систему, т.к. о русской пунктуации нельзя говорить как о системе стабильной и объединенной едиными основаниями, о чем мы и говорили в первой главе. Необходимо исследование степени коммуникативной значимости пунктуации в рамках одного пунктуационного явления; и обособленные члены предложения представляются в этом смысле эффективным материалом, т.к. обособление (и на этом мнении сходятся все исследователи) представляет собой явление не столько синтаксическое, сколько смысловое, и поэтому неоднозначное, неформальное: «Смысловой принцип в расстановке знаков препинания особенно наглядно выявляется при обособлении, а также при присоединительных членах предложения. Значение уточнения, конкретизации, значение дополнительного, попутного сообщения, подчеркивание возможных деталей и т.д. – все эти смысловые оттенки передаются читающему с помощью обособления и присоединительных членов, которые оформляются на письме знаками препинания» [Валгина, 1983; 13-14]. Именно смысловой и интонационный принципы, лежащие в основе русской пунктуационной системы, дают возможность говорить о коммуникативном функционировании пунктуации. «... Твердость и стабильность русской пунктуации определяется ее структурным принципом, а возможности передавать богатство и разнообразие смысловых оттенков и эмоций – принципами смысловым и интонационным. Таким образом воздействие текста на читателя, при безусловной талантливости автора, может стать очень сильным» [Валгина, 1983; 19].

Существует 2 возможных пути изучения коммуникативного функционирования пунктуации. Первый путь: наблюдение за естественными текстами (записки, дневники, граффити, чат и т.д.) (об этом направлении исследований см.: [Лебедева, 2002; Лебедева, 2003]). Второй путь: изучение текстов, полученных в результате эксперимента (т.е. вторичных текстов). В настоящем исследовании реализуется второй способ, т.к. он позволяет получить массовое количество материала, организованное по определенным параметрам и предполагающее обоснование гипотезы. Заявленные способы изучения предполагают объективистский подход к функционированию пунктуации в письменной речи. В первую очередь нас интересует не нормативный аспект, т.е. не то, как надо писать, и не оценка написанного с позиций правильности / неправильности, а выявление и описание того, как написано и понято письменное речевое произведение в процессе естественной коммуникации. Правильность с этой точки зрения означает участие пунктуации в достижении коммуникативного успеха, неправильность – участие в создании коммуникативной помехи или неудачи либо прямое создание таковых. Нормативная ошибка с этих позиций далеко не всегда означает ошибку (т.е. неудачу, помеху) в коммуникативном смысле. И наоборот: то, что не рассматривается в обычной пунктуационной практике как грубая ошибка (например, пунктуационная описка; на этом явлении необходимо остановиться подробно. Пунктуационная описка в нашем понимании представляет собой неправомерно поставленный знак препинания, в точке фразы, не являющейся пунктограммой. Иначе говоря, пунктуационная описка возникает, когда пишущий механически ставит знак препинания «не там», один вместо другого или не ставит знаков препинания вообще. В рукописных текстах пунктуационные описки редки (если не считать отсутствующих знаков препинания), но в машинописи и при компьютерном наборе возможность возникновения описок увеличивается. Пунктуационная описка, в отличие от ошибки, возникает за пределами существующих пунктуационных норм и не регулируется правилами

постановки знаков препинания.), фактически может представлять препятствие для обычного чтения. Шкала степеней «грубости» системно-нормативных пунктуационных ошибок, по-видимому, существенно отличается от аналогичной шкалы ошибок коммуникативных. Создание такой шкалы с позиций коммуникативной лингвистики – одна из частных задач эксперимента.

Целью любой коммуникативной деятельности является стремление к адекватной передаче смысла, осуществлению взаимопонимания субъектов общения (в нашем случае: пишущего и читающего). Однако результат коммуникативного процесса может быть неоднозначным. Здесь возникает понятие «коммуникативная эффективность», предполагающее необходимость и достаточность коммуникативных усилий для обеспечения взаимопонимания. Составляющие коммуникативной эффективности: коммуникативный успех / коммуникативная неудача; коммуникативное «благоприятствование» / коммуникативная помеха. Пунктуация в данном случае должна рассматриваться в параметрах «успех / неудача», «благоприятствование / помеха», а пунктуационная ошибка – в ряду других помех письменной деятельности.

2. Методика коммуникативно-направленного эксперимента.

Все проводимые коммуникативно-направленные эксперименты должны иметь под собой единые методические основания, зависящие от их специфики. Список необходимых ограничений был получен нами эмпирическим путем в результате большого количества проведенных подобных экспериментов. Все эксперименты, направленные на изучение коммуникативного функционирования русской пунктуации, должны иметь следующие общие методические особенности:

1. Определенная аудитория. Испытуемые характеризуются как уже отошедшие от изучения русского языка в школе и пунктуации как системы правил постановки ЗП и, следовательно, не ставящие в своей повседневной

письменно-речевой практике пунктуационную безошибочность как осознаваемую цель своей письменной деятельности.

2. Испытуемые не знают, что проверке подвергаются их языковые способности. Им говорится, что эксперимент имеет целью определение типов образного мышления. Это делается для того, чтобы исключить момент «школьности», диктанта, повышенного внимания к знакам препинания и к правильности написания.

3. Эксперимент проводится только на материале печатных текстов (чтобы исключить графологические помехи – неразборчивый почерк, пометки, зачеркивания и т.п.).

Для «коммуникативно-пунктуационного» эксперимента необходимо смоделировать такую ситуацию, в которой отношение испытуемого к пунктуации будет им обязательно проявлено, а потом обобщить результаты под определенным углом зрения. При построении методики эксперимента нормативно-правильная пунктуация рассматривается в контрасте с «неправильной» (отсутствующей или неправильной с нормативных (ошибка) или коммуникативных (описка) позиций). На этом фоне проверяются два положения:

- Нормативно-правильная пунктуация должна доказать свое позитивное участие в процессах восприятия и понимания³⁰ письменноречевых произведений;
- Неправильная пунктуация должна доказать свое отрицательное участие (возникновение помех восприятию и создание ситуации непонимания или неправильного понимания).

Способ доказательства данных положений – количественный (единица статистики – ответы-реакции испытуемых на речевые произведения, по-разному оформленные с помощью разной пунктуации), и качественный – логико-лингвистическая интерпретация с позиции восприятия читающим

³⁰ В данном эксперименте нет необходимости рассматривать понимание во всей совокупности философских смыслов. В коммуникативном отношении достаточно рассмотреть его в аспекте взаимопонимания, выделив такой коммуникативный уровень смысла, при котором отправитель речи получает ожидаемую реакцию слушателя (получателя) сообщения.

коммуникативного значения, вложенного пишущим [здесь – автором эксперимента] в текст. За таким направленным экспериментом «стоит» следующая предварительная гипотеза: в первом («правильном») случае предполагается, во-первых уменьшение процента неправильно понятых речевых произведений (и, соответственно, неправильных ответов на вопросы, проясняющие смысл текста), и, во-вторых, уменьшение показаний испытуемых на наличие затруднений (помех пониманию). Во втором («неправильном») случае, напротив, предполагается увеличение веса данных показателей.

Коммуникативно-направленный эксперимент в настоящей работе разделяется на 3 этапа: эротетический (вопросно-ответный), интонационный и пунктуационный.

Такое деление возникает из-за специфики эксперимента; известно, что феномен понимания с трудом поддается изучению, т.к. наличие других участников эксперимента уже свидетельствует о невозможности получения прямой информации. Настоящий эксперимент предполагает использование двух форм взаимодействия экспериментатора и испытуемых, двух путей получения информации: «прямое» взаимодействие (ответы испытуемых на вопросы по содержанию текста, проясняющие, как испытуемые поняли текст), и «косвенное» взаимодействие (интонация, паузация). На материале эксперимента предполагается выяснить, как интонация реагирует на вариативность пунктуационного оформления текста: без знаков препинания, с правильными и неправильными знаками препинания. За интонацией стоит естественная смысловая интерпретация и задача лингвиста – суметь ее «прочитать». Вместе с интонацией могут быть использованы и другие элементы звукового плана, например, паузы как заминки, свидетельствующие о помехах восприятия и понимания.

«Косвенным» путем получения информации следует считать и «пунктуационный» этап эксперимента, по ходу которого испытуемые

должны сами расставить в предъявленных им лишенных знаков препинания текстах в необходимых, по их мнению, местах знаки препинания.

Интонационный и пунктуационный этапы эксперимента осуществляют онтологический подход (непосредственная интерпретация) к тексту. Эротетический этап – гносеологический подход (интерпретация интерпретации).

На «эротетическом этапе» анализ уровня понимания смысла текста осуществлялся с помощью ответов на вопросы, проясняющие смысле текста и построенные таким образом, что испытуемые могли дать два разных варианта ответа, в зависимости от того, выделяли ли они для себя запятыми (обособляли) приложение, деепричастие, вводное слово и обращение (т.е. возможную омонимию; при наличии обособления текст имел один смысл, при отсутствии его – другой).

На «интонационном» этапе анализу подвергались устные ответы испытуемых (записанные на диктофон), интонационный рисунок которых (тип интонационных конструкций, характер пауз) также позволял определить, какой смысл испытуемые вкладывали в текст при его прочтении.

На «пунктуационном» этапе испытуемые членили данный им без знаков препинания текст с помощью внутрифразовых знаков препинания, уместных в данном случае (запятые, тире) и также в соответствии с собственным пониманием текста.

Считаем необходимым отметить следующее обстоятельство (особенно важно это для интонационного и пунктуационного этапов): прежде чем испытуемый ставит ЗП как пишущий (или членит его при чтении вслух в соответствии со своим пониманием текста), он выступает в качестве читающего (он читает текст «про себя»).

3. Описание коммуникативно-направленного эксперимента.

В эксперименте (на всех трех этапах) принимали участие 280 человек (школьники 10 и 11-х классов и студенты I курса АлтГТУ г. Барнаула). Все описанные выше методические условия эксперимента были соблюдены.

Материалом для эксперимента послужили тексты, содержащие следующие синтаксические конструкции: обособленные члены предложения, вводные слова, обращения. Нами был подобран список предложений, включающий в себя четыре случая обособления (пунктуационного и интонационного выделения) членов предложения: приложение, деепричастный оборот, вводное слово, обращение. Эти предложения подбирались таким образом, чтобы (по возможности) они получили неоднозначное прочтение при отсутствии пунктуационного выделения указанных конструкций. Потом эти предложения были включены в более широкие контексты (3–4 предложения), созданные нами. Эти тексты (всего четыре) и предлагались испытуемым:

Текст № 1

В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь, он сказал: «Вот, Вася, ваш новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Вопрос, проясняющий, как испытуемые поняли текст: *«Как звали секретаря-референта?»*

Возможные варианты ответа:

1. Из этого текста неизвестно; Вася – обращение к сотруднику («авторский» вариант ответа; с учетом обособления);
2. Вася – имя секретаря-референта («другой» вариант ответа; без учета обособления)

Текст № 2

Выслушав мое предложение, Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше положение, должно быть, Вам известно». И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Задание «по смыслу»: испытуемым предлагалось пересказать фразу Андрея, полностью передав ее смысл и заменив синонимом «должно быть».

Варианты ответа:

1. Андрей думал, что их положение известно рассказчику (наверное) («авторский» вариант ответа; с учетом обособления).
2. Андрей знал, что их положение известно рассказчику (точно) («другой» вариант ответа; без учета обособления).

Текст № 3

Яна добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней была изображена семья: в уютной гостиной в кресле у камина сидит муж, улыбаясь, жена читает журнал и ребенок играет на ковре с машинкой.

Вопрос к испытуемым «по смыслу»: «Кто улыбается на картине?»

Варианты ответа:

1. Улыбается муж («авторский» вариант ответа; с учетом обособления).
2. Улыбается жена («другой» вариант ответа; без учета обособления).

Текст № 4

«А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом нашем... родительском собрании?»

Вовка потутился: «Ну... Любовь Сергеевна, наша учительница, Катькина мама и Петькина мама. И все.»

Вопрос к испытуемым: *«Сколько человек должно быть на родительском собрании?»*

Варианты ответа:

1. Три человека («авторский» вариант ответа; с учетом обособления).
2. Четыре человека («другой» вариант ответа; без учета обособления).

После того как текст был прочтен, карточки переворачивались и испытуемым были заданы вопросы, углубляющие представление о механизме влияния знаков препинания на понимание текста:

1) Текстовые вопросы (вопросы, проясняющие смысл текста и позволяющие определить, как испытуемые поняли текст).

2) Метатекстовые вопросы: «Мешало ли Вам что-либо при прочтении текста?», «Заметили ли Вы что-нибудь неправильное в тексте?».

Кроме того, на «пунктуационном» этапе эксперимента испытуемым было предложено расставить отсутствующие в тексте знаки препинания. После этого испытуемым были предложены те же вопросы.

При изучении ответов испытуемых на вопросы первой группы, мы прежде всего ориентировались на «факты» (опорно-смысловые узлы, выделяющиеся в тексте [Дридзе, 1979; 51]), находящиеся в непосредственной смысловой связи с целью сообщения или коммуникативным намерением автора сообщения. Изучив полученные результаты, можно говорить о выделении «коэффициента эффективности»³¹ текста, который подсчитывается, исходя не из логики развертывания текста в речевом плане, а из целей и задач коммуникации в каждом конкретном случае (из коммуникативного намерения пишущего).

³¹ См.: [Дридзе, 1976; 52].

Полученные результаты мы постарались интерпретировать в параметрах «коммуникативный успех» / «коммуникативная неудача» на разных «планах» текста (с точки зрения способа пунктуационного оформления текста и с точки зрения типов пунктограмм).

3.1. Изучение влияния пунктуации на понимание текста с точки зрения способа пунктуационного оформления текста.

В задачи нашего исследования входило изучение факторов, от которых зависит степень влияния пунктуационного оформления текста на понимание смысла письменного текста. Факторы, от которых зависит влияние пунктуации, были сформулированы нами в процессе эксперимента: 1) способы пунктуационного оформления текста и 2) содержание пунктограмм. В первом случае исследуется коммуникативный потенциал разного пунктуационного оформления обособленных членов предложения, во втором – коммуникативный потенциал разных типов пунктограмм в рамках общей группы обособленных членов предложения.

Влияние пунктуации на понимание рассматривается нами, во-первых, с точки зрения способа пунктуационного оформления текста. Разные способы пунктуационного оформления текста возникают потому, что испытуемые ставятся в разные пунктуационные ситуации с точки зрения ошибок, что порождает соответственно разные коммуникативные ситуации. Типы коммуникативных ситуаций моделируются разным пунктуационным оформлением карточек (карточки с правильно расставленными знаками препинания, карточки с пунктуационной ошибкой (невыделение с одной стороны обособленного оборота), карточки с пунктуационными описками, карточки с замененными ЗП, карточки с избыточными ЗП и карточки с отсутствующими ЗП). Таким образом, у нас получились пары с противоположными значениями: тексты с отсутствующими ЗП (вообще) и тексты с избыточными ЗП; тексты с пунктуационными ошибками (нормативными) и описками (находящимися вне понятия «норма»); тексты с

«правильными» ЗП (обособление выделяется запятыми) и тексты с замененными ЗП (точка с запятой и тире вместо запятых).

После анализа реакций испытуемых на все типы текстов у нас получилась шкала «степени помехообразности» нормативных знаков препинания.

Данная шкала представлены в Таблице № 1А (в данной таблице зафиксированы результаты «эротетического» этапа эксперимента) и Таблице № 1Б (в ней зафиксированы результаты «интонационного» этапа эксперимента).

На «эротетическом» этапе испытуемым предъявлялись письменные тексты, отличающиеся только пунктуационным оформлением. После прочтения «про себя» (за фиксированное время) испытуемые должны были выполнить два типа заданий:

1. Ответить на вопрос, проясняющий, как они поняли текст (как представляется автору эксперимента – текст с перспективой амфиболического функционирования). Проанализировав ответы испытуемых на данный вопрос, мы имели возможность определить, *в какой степени разное пунктуационное оформление текста создает помехи его пониманию*. На основании полученных ответов автор эксперимента делал соответствующие выводы.

2. Ответить на дополнительные вопросы, проясняющие, как самими испытуемыми воспринимаются тексты с разным пунктуационным оформлением (мешает ли что-нибудь их пониманию текста, не совпадает с их естественным восприятием пунктуационного рисунка письменного текста – снова необходимо подчеркнуть нерелевантность нормативного аспекта пунктуации для данного исследования). Вопрос о «неправильности» апеллирует к языковому чутью испытуемых. Ответы испытуемых позволяют получить дополнительную информацию о реальной степени «помехообразности» текстов с разной пунктуацией.

Степень помехи пониманию мы рассчитывали, исходя из ответов на вопрос, проясняющий смысл текста. Испытуемые могли дать два разных варианта ответа, в зависимости от того, выделяли ли они для себя обособленный член предложения. Чем больше «неправильных» (не учитывающих обособление, «других» с позиций автора эксперимента) реакций вызывал текст, тем большей помехой пониманию являлось его пунктуационное оформление. Такой вывод, на наш взгляд, вполне правомерен, т.к. предлагаемые тексты отличались только способом пунктуационного оформления (тексты с правильно расставленными знаками препинания, с пунктуационной ошибкой (невыделение с одной стороны обособляемой конструкции), с пунктуационными описками, с замененными ЗП, с избыточными ЗП и с отсутствующими ЗП).

Результаты «эротетического» этапа эксперимента обобщены в Таблице 1А.

При построении данной таблицы была построена шкала с позиции помехи пониманию. Верхний предел полученной шкалы – текст с отсутствующими знаками препинания (максимально препятствует пониманию – 71% «неправильных» ответов из 100% возможных). Нижний предел шкалы – текст с правильно расставленными знаками препинания (минимальное препятствие пониманию – 35% «неправильных» ответов из 100% возможных). Остальные типы пунктуационного оформления текстов располагаются между ними. Полученная шкала и является шкалой «степени помехообразности разных типов пунктуационного текста».

Результаты ответов на вопрос «по смыслу» вошли в колонку «Уровень понимания смысла текста» в Таблице №1А. Колонка «Ответы, подразумевающие отсутствие ЗП» включает «неправильные» (с точки зрения автора эксперимента), «другие» реакции испытуемых, колонка «Ответы, подразумевающие наличие ЗП» – «правильные», спрогнозированные автором реакции испытуемых, колонка «Возможны варианты» – ответы типа

«Зависит от того, есть запятая или нет», возникающие тогда, когда испытуемые видят возможную омонимию, осознают амфиболический потенциал высказывания. Все три колонки – около 100% ответов.

Анализ результатов показал, что наибольшую помеху пониманию представляют два типа пунктуационного оформления текста: тексты с отсутствующими ЗП (71% «неправильных» ответов из 100%) и тексты с избыточными ЗП (65,5% «неправильных» ответов из 100%). Наименьшую помеху пониманию представляют тексты с правильно расставленными ЗП (35% «неправильных» ответов из 100%). Полученные результаты позволяют с уверенностью утверждать, что в рамках данного исследования влияние пунктуации на процессы понимания текста, коммуникативная значимость пунктуационного оформления текста не вызывают сомнений.

Шкала «степени помехообразности» типов пунктуационного оформления текста строится в таблице №1А от максимума (71%) до минимума (35%). Такое расположение пунктуационных типов текстов позволяет выявить и другие закономерности.

1. В общую колонку «Метатекстовые вопросы (причины помехи пониманию)» вошли результаты ответов испытуемых на вопрос: «Что Вам мешало при чтении текста?». Все ответы испытуемых (около 100%) систематизированы и сведены в четыре колонки. В первую вошли ответы «Ничего не мешало», во вторую – «Мешали знаки препинания (не хватало, были лишние, стояли не там, где надо и под.)», в третью – «Не могу сказать, но чувствую», «Что-то мешало, не знаю точно», в четвертую – все другие ответы, например «Мешали слишком длинные предложения». Сравнивая полученные результаты «сверху вниз» (от текста без ЗП до текста с правильными ЗП), по уменьшению степени помехообразности пунктуационного оформления текстов, можно выявить следующие закономерности:

А) С уменьшением степени помехообразности увеличивается процент ответов в первой колонке – «Ничего не мешало» (с 31% до 70%). При прочтении текста без знаков препинания ничего не мешает испытуемым в 31% случаев из 100%, а при прочтении текста с правильными знаками препинания – в 70% случаев из 100%.

Б) С уменьшением степени помехообразности уменьшается количество ответов во второй колонке (ответы типа: «Неправильные ЗП», «Отсутствие запятых», «Не хватает ЗП», «Без ЗП непонятно» и т.п.) (с 47,1% из 100% при прочтении текстов без знаков препинания до 5% из 100% при прочтении текстов с правильными знаками препинания).

В) С уменьшением степени помехообразности уменьшается количество ответов в третьей колонке (ответы типа: «Мешало что-то, но точно не скажу», «Тяжело было читать», «Искажен смысл текста», «Двусмысленность текста» и т.п.) (с 21,3% из 100% при прочтении текстов без знаков препинания до 5% из 100% при прочтении текстов с правильными знаками препинания).

2. В общую колонку «Метатекстовые вопросы (причины возможного амфиболического понимания текста)» вошли результаты ответов испытуемых на вопрос: «Что неправильного на Ваш взгляд было в тексте?». Все ответы испытуемых (около 100%) систематизированы и сведены в четыре колонки. В первую вошли отрицательные ответы, во вторую – ответы, связывающие знаки препинания с возникающей «неправильностью»: «Неправильные знаки препинания (не такие, какие нужно, стоят не там и под.)», в третью ответы, основанные на интуитивном восприятии текста – «Не могу сказать, но чувствую: что-то не так», в четвертую – все другие ответы. Здесь при движении «сверху вниз» можно выявить следующие закономерности:

А) С уменьшением степени помехообразности увеличивается количество отрицательных ответов (в первой колонке): «В тексте все было

правильно» (от 21,3% из 100% при прочтении текста без знаков препинания до 55% из 100% при прочтении текстов с правильными знаками препинания).

Б) С уменьшением степени помехобразности уменьшается количество ответов во второй колонке (ответы типа: «Запятые поставлены не так», «Не хватало ЗП или были лишние», и т.п.) (с 42,6% из 100% при прочтении текста без знаков препинания до 15% из 100% при прочтении текстов с правильными знаками препинания)

Можно сказать, что ответы испытуемых, собранные в колонке «Метатекстовые вопросы», показывающие, как сами испытуемые оценивают текст с позиций помехи пониманию, в общих проявлениях совпадают с ответами в колонке «Уровень понимания смысла текста», где данные тексты оценивает автор эксперимента.

Остальные результаты, представленные в таблице (более всего – в колонках «Другие ответы») не позволяют проследить четких закономерностей.

Изучение текстов с разным пунктуационным оформлением осуществлялось и на «интонационном» этапе эксперимента. На данном этапе испытуемым для прочтения вслух предоставлялись напечатанные тексты, различающиеся пунктуационным оформлением. Тексты предоставлялись испытуемым попарно: текст с отсутствующими знаками препинания / текст с правильными знаками препинания, текст с описками / текст с правильными знаками препинания, текст с ошибками / текст с правильными знаками препинания, текст с избыточными знаками препинания / текст с правильными знаками препинания, текст с замененными знаками препинания / текст с правильными знаками препинания. Для прочтения сначала предоставлялся текст с «другим» пунктуационным оформлением; затем

листок переворачивался и испытуемый читал «правильно»³² оформленный текст. Отметим еще раз, что перед тем, как читать текст вслух, испытуемый прочитывал его «про себя».

Ответы испытуемых записывались на диктофон и после подвергались анализу с позиций интонационного оформления высказывания и с позиций понимания испытуемыми смысла текста.

Необходимость интонационного этапа коммуникативно-направленных экспериментов объясняется (и обосновывается) особенными отношениями, складывающимися между интонацией и пунктуацией, особенно при изучении явления обособления.

Функциональная лингвистика (особенно в ее прагматическом аспекте) рассматривает интонацию как важный составляющий элемент коммуникативного процесса (см. об этом: [Антипова, 1986; Кийко, 1999; Светозарова, 1979; Торсуева, 1979; Амирова, 1985; Шварцкопф, 1988; Винокур, 1993; Васильев, 1988; Валгина, 2001 и т.д.]). После долгих дискуссий позиция А.М. Пешковского (см.: [Пешковский, 1930; Пешковский, 1956]), заключающаяся в том, что интонация является одним из важнейших оснований пунктуации, разделяется и поддерживается сегодня большинством исследователей. Однако, несмотря на важность интонационного аспекта при изучении правил постановки знаков препинания, упоминания об интонации как в справочниках по орфографии и пунктуации [Валгина, Светлышева, 2002; Розенталь, Голуб, 1990; Розенталь, Кабанова, 2001], так и в школьных учебниках [Бархударов, 1986; Шанский, 1994; Панов, 1995, Ильинская, 1983] и в программах по русскому языку [Программа, 1980; Булатова, 1997] являются бессистемными и спорадическими.

³² Еще раз отметим, что категория «правильности» / «неправильности» интересует нас в данном исследовании не с позиций нормативности, а исключительно в связи с возможной разной интонационной транскрипцией представленных для прочтения текстов.

Причиной этого являются онтологические особенности самой интонационной системы. Интонация наравне (и вкуже) с синтаксисом участвует в выражении коммуникативного типа и смыслового членения высказывания, его эмоциональной стороны и подтекста. Но, в отличие, например, от синтаксических конструкций, определить и научно описать интонацию значительно сложнее. Это связано и с трудностью фиксации определенных мелодических оттенков, и с недостаточной разработанностью теоретической базы, и с существованием большого количества интонационных вариантов³³. И именно с этими трудностями связано желание многих исследователей «не заметить», убрать интонационные аспекты из тех областей языка, откуда их убрать невозможно, например, из пунктуации.

Анализируя работы, посвященные изучению обособления членов предложения, мы пришли к выводу, что большинством исследователей (равно как и академических грамматик) признается значимость интонационного аспекта при изучении явления обособления, но до недавнего времени проследить *действительное* соответствие между пунктуационным и интонационным оформлением обособленных членов предложения, показать, *что именно* происходит в конкретной речевой ситуации, что стоит за словами об «интонационном выделении некоторой части предложения» [Пешковский, 1956], не представлялось возможным из-за практических исследований в области пунктуации.

Мысль о необходимости упорядочивания интонации в конкретном применении в пунктуационных правилах высказывалась еще в 1930 году Л.А. Булаховским (см. § 1 главы 1). Л.А. Булаховский признавал фиксацию ритмомелодической стороны текста возможной и необходимой. Естественно, не все ритмомелодические оттенки нашли бы свое выражение в пунктуации: «Мелодическая сторона речи слишком сложна для того, чтобы ее выразить несколькими простыми знаками и при всякой *претендующей* на

³³ Существующее мнение о том, что интонация не поддается систематическому изучению, не представляет трудностей для изучения обособления как интонационного феномена, т.к. число вариантов строго ограничено, исчислимо и поддается запоминанию (см.: [Тискова, 2001]).

практичность системе (под которой в настоящий момент мы понимаем пунктуацию) она, естественно нуждалась бы в очень больших упрощениях: из всего богатства мелодических оттенков необходимо было бы отобрать лишь относительно небольшое число» [Булаховский, 1930]. Отобранные таким образом оттенки нашли бы себе выражение в *готовых формулах* и в таком виде они могут стать связующей основой пунктуации и интонации.

Е.А. Брызгунова в своих работах (см.: [Брызгунова, 1969; Брызгунова, 1979; РГ-80]), определяет интонацию как систему различных соотношений количественных изменений тона, тембра, интенсивности звуков, служащие для выражения эмоциональных и смысловых различий высказывания [РГ-80, Т 1; 96]. Тип соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, способный противопоставить несовместимые в одном контексте смысловые различия высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний в разными синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ, называется *интонационной конструкцией*.

В русском языке Е.А. Брызгунова выделяет семь типов интонационных конструкций.

ИК-1: Сегодня **холодно** (1).

ИК-2: Что **случилось** (2) ? Автобус **пришел** (2) !

ИК-3: Вы **были** в библиотеке (3) ?

ИК-4: А **Наташа** (4) ?

ИК-5: Какой сегодня **день** (5)! (хороший).

ИК-6: Пришел к нему Иван-царевич (6) / и говорит...

ИК-7. Какой сегодня **день**... (7) (плохой)

Семь типов интонационных конструкций, выделяемых Е.А. Брызгуновой [РГ-80, Т 1; 99] и являются такими образцовыми мелодическими оттенками, образцовыми формулами, о которых говорил Л.А. Булаховский и на основании которых и может осуществляться интонационная характеристика любого текста.

Фонетически различия интонационных конструкций определяются уровнем и направлением движения тона в том слоге, на котором начинаются изменения компонентов интонации, значимые для таких различий как вопрос, утверждение, волеизъявление, завершенность /незавершенность высказывания. Этот слог является *центром интонационной конструкции* и, в зависимости от смысловых условий может находиться в начале, в середине и в конце конструкции на ударном слоге интонационно выделенного слова. [РГ-80, Т 1; 97]

Интонационная конструкция реализуется на речевом отрезке, который может включать простое или сложное предложение, главную или придаточную часть сложного предложения, словосочетание, отдельную словоформу, служебное слово. Интонационно нечленимые смысловые речи, включающие предложение или часть его, называются *синтагмами*, а членение речи на синтагмы – *синтагматическим членением*.

В разделе «Интонация при обособлении» [РГ-80, Т 2; 180] Е.А. Брызгунова определяет типы интонационных конструкций, использующихся в высказываниях с обособленными членами. Обычно выделенные в синтагму определительные обороты и распространяемая часть предложения произносятся с интонацией незавершенности – ИК-3, ИК-4, ИК-6, а также с ИК-2, которая в этих случаях функционирует как интонация выделения («именно это», «имеется в виду», «надо сказать, что» - с такими смыслами). В рамках этих конструкций типы ИК могут варьироваться. От степени варьируемости ИК зависит степень информативности обособленного оборота.

В настоящей работе используется разработанная Е.А. Брызгуновой интонационная транскрипция со следующими условными обозначениями: тип интонационной конструкции (ИК), обозначающийся соответствующей цифрой в конце синтагмы, центр ИК, синтагматическое членение, обозначающееся на письме косой чертой « / », стилистические варианты произношения, напр. ИК-3/6.

Анализируя синтаксические явления, имеющие определенное пунктуационное оформление с точки зрения интонации, мы ставили себе целью определить роль и «удельный вес» интонационного аспекта в системе пунктуационных правил русского языка. Проанализировав, в частности, таким образом явление обособления определений, мы выявили степень участия интонации в пунктуации именно на этом «отрезке» языковой системы. В предыдущих исследованиях, занимаясь непосредственно исследованием особенностей пунктуационного оформления обособленных членов, мы выделили основные интонационные типы оформления обособленных определительных конструкций [Тискова, 2001; Тискова, 2004].

Под интонационным типом высказывания нами понимается соотношение интонационных признаков, создающих интонационный рисунок данного высказывания. К таким признакам относятся: тип ИК, место центра ИК, синтагматическое членение, а также протяженность предударной / заударной части ИК. В этом смысле перечисленные интонационные признаки приобретают свою значимость как типовые, т.е. формирующие интонационные типы высказываний, в сочетании с определенными синтаксическими признаками.

Для классификации интонационных типов высказываний с обособленными определениями оказываются значимыми следующие факторы:

- место обособленного оборота в составе предложения;
- тип ИК в синтагме, содержащей определяемое слово, и место центра ИК в этой синтагме;
- тип ИК в синтагме, содержащей собственно обособленный оборот;
- тип ИК в синтагме, находящейся после обособленного оборота (если таковая имеется).

Но подробный интонационный анализ конструкций с обособлением не входит в задачи настоящей работы; интонация является лишь средством, позволяющим определить, *как испытуемые поняли текст*.

Анализ типов ИК, количества ИК в синтагме и местоположения центра ИК и пауз (синтагматического членения) позволил нам на основании полученного аудиоматериала определить, как испытуемые поняли предложенные тексты: выделили для себя обособление или же не выделили, что спровоцировало возможное «другое», противоположное «авторскому», понимание текста. Возможность разного «озвучивания» испытуемыми экспериментальных текстов свидетельствует о возникновении амфиболической ситуации, ситуации возможного двойного понимания текста.

Важно отметить, что при анализе уровня понимания текста мы руководствовались прежде всего интонационным рисунком прочитанных текстов и только во вторую очередь – ответами испытуемых на вопрос «по смыслу». Такой подход позволил выделить интересную закономерность: ответы испытуемых на вопрос «по смыслу», даваемые после некоторого размышления и анализа, примерно только в 60% процентов случаев совпадали с интонационным рисунком высказывания (т.е. с тем, как испытуемые *на самом деле* поняли предложенный текст; выделили ли они для себя обособление или склонились к амфиболическому значению). Находясь вне рамок данной работы, эта закономерность представляется достаточно интересной для проведения самостоятельного исследования.

На материале эксперимента предполагалось выяснить, как интонация реагирует на вариативность пунктуационного оформления текста: без знаков препинания, с правильными и неправильными знаками препинания. За интонацией стоит естественная смысловая интерпретация и задача экспериментатора – суметь ее «прочитать». Вместе с интонацией могут быть использованы и другие элементы звукового плана, например, паузы как заминки, свидетельствующие о помехах восприятия и понимания.

Механизм осуществления «первичной» смысловой интерпретации текстов:

1. Производится интонационная транскрипция прочитанных испытуемыми текстов.

2. Выявляются общие закономерности интонационного оформления «авторского» прочтения (учитывающего пунктуационное оформление) и «другого» прочтения (не учитывающего пунктуационное оформление) экспериментальных текстов. Не фиксируя все интонационные изменения, происходящие при прочтении текстов с разным пунктуационным оформлением, можно выявить особенности интонационного оформления именно обособленной конструкции. Использование определенных типов ИК, местоположение центра ИК и количество синтагм позволяет выяснить, выделяют ли испытуемые для себя обособленный оборот или первичным для них является «другой» смысл высказывания.

3. На основании полученных результатов определяется уровень (степень) помехи пониманию разного пунктуационного оформления текстов.

В общем виде интонационная транскрипция экспериментальных текстов выглядит следующим образом:

Текст № 1:

1. В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь (3) / он сказал (1) /: «Вот (2), Вася, / ваш новый секретарь-референт» (1) /. После чего с гордым видом удалился.

Тип ИК и местоположение центра 3-й синтагмы («... Вот (2) Вася...») показывают, что «спорный» текст прочитан как обращение.

Возможен и следующий вариант интонационного оформления:

Не здороваясь (3) / он сказал (1) /: «Вот (2), / Вася (3/6), / ваш новый секретарь-референт» (1) /.

Таким образом интонационно оформленный текст также показывает, что испытуемый выделяет для себя обособленный оборот (обращение). Соответственно, в данном случае имеет место «авторская» («правильная») интерпретация текста.

2. В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь (3) /, он сказал (1) /: «Вот, Вася, (2) / ваш новый секретарь-референт» (1). После чего с гордым видом удалился.

Тип ИК в 3-й синтагме не изменяется; но изменение центра ИК в 3-синтагме («.../ Вот, Вася, (2) /...») показывает изменение смысла текста, возникновение «другого» значения текста («Вася» – не обращение, а приложение).

Тип ИК в «спорной» синтагме может изменяться, но это не влияет на возникновение «другого» смысла текста:

Не здороваясь (3) /, он сказал (1) /: «Вот, Вася, (4) / ваш новый секретарь-референт» (1).

Текст № 2

1. Выслушав мое предложение (3) /, Андрей посмотрел на меня (6) / и мрачно сказал (2/1) /: «Наше положение (3) /, должно быть, (6/3) / Вам известно» (2). И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Интонационное оформление «спорного» высказывания дает возможность интерпретировать текст в соответствии с «авторским» («правильным») его смыслом; интонация показывает наличие вводных слов.

2. Выслушав мое предложение (3) /, Андрей посмотрел на меня (3/6) / и мрачно сказал (1) /: «Наше положение (3) /, должно быть, Вам известно» (1). И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Изменение количества синтагм в «спорной» фразе и изменение типа ИК в конечной синтагме свидетельствует об изменении смысла высказывания и возникновении «другого» смысла.

Текст № 3

1. Яна добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней (6) / была изображена семья (1/2) /: в уютной гостиной (6) / в кресле у камина сидит муж (2) /, улыбаясь (2) /, жена читает журнал (4) / и ребенок играет на ковре с машинкой (1).

Интонационный рисунок высказывания указывает на наличие обособленного деепричастия.

2. Яна добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо (3) /, на ней была изображена семья (1) /: в уютной гостиной (4) / в кресле у камина (4) / сидит муж (1) /, улыбаясь, жена (6)/ читает журнал (4)/ и ребенок играет на ковре с машинкой (1).

Изменение типа ИК в предшествующих деепричастию синтагмах и самой содержащей деепричастие синтагме, а также общего количества синтагм указывают на возникновение «другого» значения высказывания, не включающего обособление деепричастия.

Текст № 4

1. «А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился (1) /: «Ну... (6) / Любовь Сергеевна (4) /, наша учительница (3/2) /, Катькина мама (6) / и Петькина мама (2) /. И все (1)».

Тип ИК в «спорной» синтагме указывает на наличие обособленного приложения и соответственно – «авторского» смысла высказывания. Указанные варианты ИК (... Любовь Сергеевна (4) /, наша учительница

(3)...; ... Любовь Сергеевна (4) /, наша учительница (2)... не являются показателями изменения смысла высказывания.

2. «А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился (1) /: «Ну... (6) / Любовь Сергеевна (4) /, наша учительница (4) /, Катькина мама (6) / и Петькина мама (2) /. И все (1)».

С изменением типа ИК в «спорной» синтагме возникает перечислительная интонация и следовательно, на первый план для испытуемого выдвигается «другой» смысл высказывания (возникает неразличение обособленного приложения и однородных членов предложения).

После прочтения текстов испытуемым были заданы те же две группы вопросов, что и на «эротетическом» этапе; но основное отличие состояло в том, что степень помехи пониманию, зависящую от разного пунктуационного оформления текстов, мы рассчитывали, исходя из интонационного рисунка прочитанных испытуемыми текстов, а не из ответов на вопрос «по смыслу» (вопрос № 1).

Результаты «интонационного» этапа эксперимента обобщены в Таблице 1Б.

Шкала «степени помехообразности» типов пунктуационного оформления текста строится в таблице № 1Б от максимума (80,6%) до минимума (31,2%%). Наибольшую помеху пониманию, как показывает анализ интонационного рисунка экспериментальных текстов, представляет текст с пунктуационными описками – 80,6%. Сравним: на «эротетическом» этапе текст с описками препятствует пониманию всего в 56,7% случаев, меньше, чем текст с отсутствующими знаками препинания. На «интонационном» же этапе текст с отсутствующими знаками препинания занимает вторую позицию на «шкале помехообразности» (69,3% из 100%, примерно столько же работ, сколько и на «эротетическом» этапе). На

основании полученных данных можно сделать вывод, что не только полное отсутствие знаков препинания в «спорных» (потенциально амфиболических) ситуациях может представлять помеху адекватному пониманию текста; серьезным препятствием пониманию также являются тексты со знаками препинания, находящимися «не на месте» – с пунктуационными описками. Причем на «интонационном» этапе таких работ значительно больше: сравним 56,7% из 100% на «эротетическом» этапе и 80,6% – на «интонационном». На основании полученных результатов можно сделать следующий вывод: будучи значительно более «помехообразными», нежели пунктуационные ошибки (35,8% текстов с «другой» интерпретацией из 100% с ошибками на «эротетическом» этапе и 36,4% из 100% на «интонационном»), при чтении вслух пунктуационные описки представляют даже большую помеху адекватному пониманию текста, чем при чтении «про себя».

Анализируя результаты, представленный в Таблице 1Б, можно выявить и другие закономерности.

1. В общую колонку *«Метатекстовые вопросы (причины помехи пониманию)»* вошли результаты ответов испытуемых на вопрос: «Что Вам мешало при чтении текста?». Все ответы испытуемых (около 100%) систематизированы и сведены в четыре колонки. В первую вошли ответы «Ничего не мешало», во вторую – «Мешали знаки препинания (не хватало, были лишние, стояли не там, где надо и под.)», в третью – «Не знаю, просто ощущение», «Что-то мешало, не знаю точно», в четвертую – все другие ответы, в том числе и связанные с возможной омонимией, например «Мешает то, что можно прочесть по-разному». Сравнивая полученные результаты «сверху вниз» (от текста с пунктуационными описками до текста с правильными ЗП), по уменьшению степени помехообразности пунктуационного оформления текстов, можно выявить следующие закономерности:

А) С уменьшением степени помехообразности увеличивается процент ответов в первой колонке – «Ничего не мешало» (с 17,4% до 70%). При прочтении текста с описками ничего не мешает испытуемым в 23,2% случаев из 100%, при прочтении текста без знаков препинания – в 17,4% случаев из 100%, а при прочтении текста с правильными знаками препинания – в 70,2% случаев из 100%.

Б) С уменьшением степени помехообразности уменьшается количество ответов во второй колонке (ответы типа: «Неправильные ЗП», «Отсутствие запятых», «Не хватает ЗП», «Без ЗП непонятно» и т.п.). При прочтении текста с описками количество таких ответов составляло 52,2% из 100%, при чтении текста без знаков препинания – 46,4%, а при чтении текстов с правильными знаками препинания – всего 6,5% из 100%.

2. В общую колонку *«Метатекстовые вопросы (причины возможного амфиболического понимания текста)»* вошли результаты ответов испытуемых на вопрос: «Что неправильного было в тексте?». Все ответы испытуемых (около 100%) систематизированы и сведены в четыре колонки. В первую вошли отрицательные ответы: «В тексте все нормально, правильно», во вторую – ответы, связанные со знаками препинания: «Неправильные знаки препинания (не такие, какие нужно, стоят не там и под.)», в третью – «интуитивные» ответы: «Не знаю точно, но что-то «цепляет», в четвертую – все другие ответы. Здесь при движении «сверху вниз», от текстов с описками и отсутствующими знаками препинания до текстов с правильными знаками препинания, можно выявить следующие закономерности:

А) С уменьшением степени помехообразности увеличивается количество отрицательных ответов (в первой колонке) (ничего не мешает испытуемым в 11,6% случаев из 100% при прочтении тестов с описками, в 17,4% случаев из 100% при прочтении текстов без знаков препинания и в 68,9% случаев из 100% при прочтении текстов с правильными знаками препинания).

Б) С уменьшением степени помехообразности уменьшается количество ответов во второй колонке (ответы типа: «Запятые поставлены не так», «Не хватало ЗП или были лишние», и т.п.): в 52,2% из 100% (тексты с описками) и в 34,8% из 100% (тексты без знаков препинания) знаки препинания названы в качестве причины «неправильности» читаемого текста; при прочтении текстов с правильными знаками препинания количество таких ответов составляет 14,3% из 100% и связаны они, как нам представляется, с общим уровнем пунктуационной грамотности испытуемых (тексты с вводными и обособленными конструкциями сами по себе могла показаться сложными для прочтения).

Остальные результаты, представленные в таблице (более всего – в колонках «Другие ответы») не позволяют проследить четких закономерностей.

Эксперимент по определению «степени помехообразности» типов пунктуационного оформления текста невозможен на «пунктуационном» этапе. Это происходит по объективным причинам, т.к. на «пунктуационном» этапе испытуемым предъявлялись для прочтения и членения с помощью знаков препинания тексты с отсутствующими знаками препинания.

На основании результатов, представленных в Таблице 1А и Таблице 1Б, можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее «помехообразным» и способствующим возникновению «другого» значения текста, противоположного замыслу, вложенному в текст пишущим, (т.е. автором эксперимента), является полное отсутствие знаков препинания в «спорных» пунктуационных ситуациях и наличие знаков препинания в неестественной пунктуационной ситуации (пунктуационные описки). Об этом свидетельствуют как результаты, полученные автором эксперимента при анализе работ испытуемых (колонка «Уровень понимания смысла текста»), так и ответы самих испытуемых

(колонка «Метатекстовые вопросы»). «Шкала помехообразности» типов пунктуационного оформления экспериментальных текстов строится от текстов с отсутствующими знаками препинания (71% «других» ответов из 100% ответов на «эротетическом» этапе и 69,3% из 100% ответов на «интонационном» этапе) и текстов с описками (80,6% «других» ответов из 100%) до текстов с правильно расставленными знаками препинания (35% «других» ответов из 100% на «эротетическом» этапе и 31,2% из 100% на «интонационном» этапе). Остальные типы пунктуационного оформления текстов имеют средние показатели «помехообразности».

2. Как показывают результаты эксперимента (и с позиций автора, и с позиций испытуемых), нормативные пунктуационные ошибки представляют собой меньшую помеху для понимания текста и менее способствуют возникновению амфиболической ситуации, нежели пунктуационные описки. Сравним: на «эротетическом» этапе при ответе на вопрос «по смыслу» текста с пунктуационными описками «другие» ответы составляют 56,7% из общего количества ответов, а в тесте с пунктуационными ошибками – всего 35,8% из общего количества. Соответственно, на «интонационном» этапе тексты с описками порождают 80,6% «других» ответов из 100%, а тексты с ошибками – всего 36,4% таких ответов.

3. Количество «других» ответов на двух этапах проведения эксперимента колеблется в пределах 10%, принципиально не изменяется. Это относится ко всем типам пунктуационного оформления экспериментальных текстов, кроме текстов с описками. Резкое увеличение общего количества «других» ответов на «интонационном» этапе по сравнению с «эротетическим» (с 56,7% до 80,6% от общего числа ответов) позволяет утверждать, что при чтении вслух пунктуационные описки являются даже большей помехой пониманию, нежели при чтении «про себя».

3.2. Изучение влияния пунктуации на понимание текста с точки зрения содержания пунктограмм.

Следующим фактором, от которого зависит влияние пунктуации на восприятие и понимание текста, является фактор содержания пунктограмм, т.е. в данном случае – оформление разных случаев обособления. На этом уровне анализа результатов эксперимента нами создана таблица разных типов пунктограмм с позиций их влияния на понимание текста. Основным параметром, с позиций которого проводится сравнение пунктограмм, остается степень (уровень) понимания смысла текста. Параметр «помехообразности» разных типов пунктограмм последовательно реализуется на трех этапах эксперимента: «эротетическом», «интонационном» и «пунктуационном». Для эксперимента были отобраны 4 текста, содержащие 4 типа пунктограмм: обособленное приложение, обособленный деепричастный оборот, вводная конструкция, обращение. Данные пунктограммы были отобраны и «развернуты» в текст, потому что, как нам представляется, они обладают потенциалом амфиболического функционирования. Список пунктограмм, представленных для проведения эксперимента перекликается со списком случаев пунктуационного омографизма (многозначности) запятых, вызывающего омонимию в предложении, и явления, связанные с непостановкой запятых, представленных в [Колесников, 1981] (подробнее о явлении синтаксической омонимии и амфиболическом функционировании конструкций с различными знаками препинания см. § 3 в Главе 1):

1. Омонимия возникает при неразличении обращения и обособленного приложения (Текст № 1).
2. Омонимия возникает при неразличении приложения и однородных членов предложения (Текст № 4).
3. Омонимия возникает при неразличении вводного слова и члена предложения (Текст № 2). (См.: [Колесников, 1981; 116-121].

Текст № 3, текст с обособленным деепричастным оборотом, не попадает в типологию Н.П. Колесникова; но наше исследование показывает, что этот тип пунктограммы также обладает потенциалом амфиболического функционирования.

Эксперимент также разделился на три этапа: «эротетический», «интонационный» и «пунктуационный». После прочтения текста испытуемые должны были ответить на два типа вопросов:

1. текстовые вопросы (вопросы «по смыслу»), позволяющие экспериментатору определить, как испытуемые поняли текст;
2. метатекстовые вопросы, позволяющие испытуемым самим выявить причины помехи пониманию текста (если таковые имелись)³⁴.

Результаты эксперимента, посвященного исследованию «степени помехообразности» разных типов пунктограмм, представлены в Таблицах №2А, 2Б, 2В.

На «эротетическом» этапе (Таблица 2А) строится шкала от текста № 3, содержащего обособленный деепричастный оборот (максимальное препятствие пониманию – 59,2% «других», противоположных авторскому замыслу ответов) до текста № 4, содержащего обособленное приложение (минимальное препятствие пониманию – 28,8% «других» ответов). Степень помехи пониманию мы рассчитывали, как и в Таблице № 1, исходя из ответов на вопрос, проясняющий смысл текста. Чем больше «других» ответов получено на вопрос «по смыслу», тем более «помехообразным» будет считаться данный тип пунктограммы. Анализ полученных ответов испытуемых на вопрос «по смыслу» показал, что наибольшую помеху пониманию представляет текст № 3 и пунктограмма «обособленный деепричастный оборот» (59,2% «других» ответов из 100%). Немного менее «помехообразным» с позиции ответов на вопрос «по смыслу» текста является текст № 2 и пунктограмма «вводная конструкция» (57,6% «других» ответов из 100%). Как видно из результатов, представленных в колонке 1 «Уровень

³⁴ Подробнее о методике эксперимента см. § 3.1.

понимания смысла текста», расхождение по «степени помехообразности» между текстами № 3 и № 2, составляющее 2,4%, является минимальным и может считаться условным. Наименьшую помеху пониманию представляет текст № 4 и пунктограмма «обособленное приложение» (28,8% «других» ответов из 100%).

Шкала «степени помехообразности» типов пунктограмм строится в Таблице 2А от максимума (59,2%) до минимума (28,8%). Такое расположение пунктуационных типов текстов позволяет выявить и другие закономерности.

1. В общую колонку «Причины помехи пониманию» вошли результаты ответов испытуемых на вопрос: «Что Вам мешало при чтении текста?». Испытуемые должны были сами определить, создает ли данный случай обособления сложности при понимании текста. По результатам ответов испытуемых (около 100%) были созданы четыре колонки. В первую вошли отрицательные ответы: «Ничего не мешало», во вторую – «интуитивные» ответы: «Не могу сказать, но чувствую», «Чувствуется какая-то двусмысленность текста», в третью – ответы, называющие в качестве помехи пониманию знаки препинания: «Мешали знаки препинания (отсутствовали, были лишние, стояли не там, где надо и под.)», в четвертую – все другие ответы, не поддающиеся систематизации, например: «Мешали слишком длинные предложения». Сравнивая полученные результаты «сверху вниз» (от текста, содержащего обособленный деепричастный оборот до текста, содержащего обособленное приложение), по уменьшению степени помехообразности пунктуационного оформления текстов, можно выявить следующие закономерности:

А). С уменьшением «степени помехообразности» пунктограмм увеличивается количество отрицательных ответов на вопрос о помехах пониманию (с 15,5% из 100% при прочтении текста № 3 до 50,4% из 100% при прочтении текста № 1 и 43,5% из 100% при прочтении текста № 4). То есть можно сказать, что тексты с обращением и приложением прочитаны и

поняты без помех и сложностей в половине случаев, несмотря на разное пунктуационное оформление, а текст с обособленным деепричастием – только в 15% случаев.

Б). С уменьшением «степени помехообразности» пунктограмм уменьшается количество ответов, называющих знаки препинания в качестве причины помехи пониманию, ответов типа: «Неправильные знаки препинания», «знаки препинания стоят не там, где надо», «Не хватает знаков препинания», «Из-за знаков препинания тяжело читать» (с 39,8% ответов из общего количества ответов до 18%).

На «интонационном» этапе анализу подвергались «озвученные» испытуемыми тексты; интонационный рисунок текстов с 4 типами пунктограмм, включающий в себя характер синтагматического членения, тип и центр интонационной конструкции. На основании устных текстов осуществлялось изучение понимания текстов с позиций успешности понимания / помехи пониманию.

Результаты интерпретации автором эксперимента «озвученных» испытуемыми текстов обобщены в колонку «Уровень понимания смысла текста». Анализ результатов позволил выстроить тексты по степени уменьшения количества «других» ответов; с количеством ответов, противоположных «авторскому варианту», мы связываем уровень «помехообразности» текста.

Максимально «помехообразным» на основании «озвученных» текстов также как и на «эротетическом» этапе является текст № 3, содержащий деепричастный оборот, от обособления которого зависит смысл текста (такова авторская концепция). Текст № 3 вызвал 64% «других» ответов (реакций) от общего количества ответов. Но если на «эротетическом» этапе текст № 2, содержащий вводную конструкцию, не отличается по степени «помехообразности» от текста № 3 (разница составляет всего 2,4%), то на «интонационном» этапе разница между ними составляет 15,4%: при

прочтении текста № 3 «другие» ответы составляют 64% из 100%, а при прочтении текста № 2 «другие», «неправильные» ответы составляют 49,4% из 100%.

Текст № 1, содержащий обращение, провоцирует вполтину меньше «других» ответов – всего 32,5% из 100%.

Полученные результаты не подтверждаются собственными ответами испытуемых; об этом свидетельствует количество отрицательных ответов в колонке «Причины помехи пониманию», примерно равное во всех случаях. Количество отрицательных ответов на вопрос: «Мешало ли Вам что-либо при чтении текста?» заданного после прочтения, для всех текстов, предъявленных для эксперимента, составило от 50 до 60% из 100%. Исходя из этих результатов, можно сделать вывод о нерелевантности такого параметра, как тип пунктограммы, для изучения «помехообразности» текста. Но результаты, полученные после анализа устных прочтений текстов, представляются нам более весомыми, т.к. они представляют собой непосредственный способ изучения реакций испытуемых на тексты с разными типами обособленных конструкций и по-разному оформленные пунктуационно. Однако подобное соображение представляется справедливым лишь для «интонационного» этапа эксперимента, т.к. только на данном этапе возможен непосредственный способ получения необходимой информации.

Тем не менее, анализ результатов, представленных в колонке «Причины помехи пониманию (с позиции читающего)» позволяет выявить общую закономерность, связанную с учетом роли знаков препинания при понимании письменного текста. С уменьшением «степени помехообразности» текста уменьшается количество ответов, называющих знаки препинания в ряду других помех письменной деятельности, ответов типа: «Мешали знаки препинания, т.к. стояли необычно (неправильно)», «Без знаков препинания (с лишними знаками препинания) тяжело было читать» и подобные. Хотя и незначительное, подобное уменьшение четко

прослеживается: с 22% ответов из 100% при прочтении текста с деепричастием до 13,2% ответов из 100% при прочтении текста с обращением.

Результаты, полученные на «эротетическом» этапе путем анализа ответов испытуемых на вопрос, проясняющий смысл текста, а на «интонационном» этапе – путем анализа интонационного рисунка устных текстов, позволяют сделать вывод о наличии в списке предложенных пунктограмм «максимально помехообразной» (деепричастие) и «минимально помехообразной» (обращение), провоцирующих примерно одинаковое количество «других», противоположных «авторским» интерпретаций: 59,2% и 64% текст с деепричастием и 28,8% и 32,5% текст с обращением. Это вытекает из анализа экспериментатором как письменной, так и устной форм текстов.

Завершающий этап нашего эксперимента – пунктуационный. На «пунктуационном» этапе испытуемые не только *истолковывают* текст в соответствии с возникающим в их сознании смыслом³⁵, но и *создают* текст в соответствии с этим смыслом. Средством создания текста выступают знаки препинания. На «пунктуационном» этапе испытуемые получали текст, лишенный внутрифразовых знаков препинания и должны были расставить их (запятые, тире, точки с запятой – знаки, представляющиеся им уместными в соответствии с их пунктуационной практикой) в соответствии со своим пониманием текста. Особенное внимание при анализе результатов уделялось «амфиболическим» знакам препинания, связанным с наличием / отсутствием обособляемых конструкций в экспериментальном тексте. После расстановки

³⁵ Г.Г. Граник предполагает, что на определенном этапе чтения художественного текста у читателя возникает установка, управляющая дальнейшим восприятием текста. К ее возникновению приводит ряд факторов. Чтение текста сопровождается прогностической активностью читателя, в которой «сплавляются» в неразрывное целое лексическое и грамматическое прогнозирование. Прогностическая активность, соединяясь с личным опытом читателя и эмоциональным состоянием в момент чтения, приводит к рождению целостной картины – читатель создает свою фабулу, собственное произведение, как бы конкурируя с автором. Установка может как помогать пониманию читаемого, так и искажать и даже блокировать его. Но установка, возникающая в ходе чтения, не осознается читающим или осознается нечетливо [Граник, Самсонова, 1993; 72-79].

знаков препинания испытуемые должны были ответить на те же самые вопросы, что и на предыдущих этапах эксперимента. Изучение степени влияния типа обособления на однозначное или амфиболическое понимание текста осуществлялось путем анализа как созданных испытуемыми текстов (их пунктуационного рисунка), так и ответов испытуемых на вопрос, проясняющий смысл текста. При ответе на вторую группу вопросов («Мешало ли что-либо Вашему чтению и пониманию текста?») испытуемые сами осуществляли анализ текста с позиции наличия / отсутствия помехи пониманию и причин возникновения таковых. Данный эксперимент имеет свое непереносимое условие: прежде чем испытуемый ставит внутрифразовые знаки препинания как пишущий в соответствии со своим пониманием текста, он выступает в качестве читающего (он читает текст «про себя»).

«Пунктуационный» этап эксперимента необходим для создания полной картины взаимоотношений испытуемых с текстом: изучение понимания текста в письменной, устной и письменной «пунктуационно нейтральной» форме.

Результаты «пунктуационного» этапа эксперимента представлены в Таблице 2В.

В колонку «Уровни понимания текста» вошли результаты, полученные экспериментатором в процессе анализа письменных работ испытуемых (с расставленными внутрифразовыми знаками препинания; испытуемые членят текст в соответствии с собственным пониманием: «авторским» или «другим»). Полученные результаты подтверждались ответами на вопрос «по смыслу» (в отличие от «интонационного» этапа, где интонационное оформление высказывания получало подтверждение в результате ответов на вопрос «по смыслу» в среднем лишь в половине случаев).

Следует отметить, что, как и на «интонационном» этапе, при анализе результатов мы стремились опираться не столько на ответы испытуемых на вопросы, проясняющие, как они поняли текст, сколько на непосредственные реакции испытуемых, выражающиеся, в первом случае, особенностями

интонационного оформления устного высказывания, а во втором – особенностями пунктуационного членения текста с помощью внутрифразовых знаков препинания. Ответы на вопросы «по смыслу» экспериментальных текстов учитывались здесь во вторую очередь – как подтверждение уже полученных реакций.

Согласно полученным результатам, максимальную помеху пониманию на данном этапе эксперимента представлял для испытуемых текст с вводной конструкцией: количество «других» толкований текста № 2 составило 75,2% из 100% всех ответов. Полученная цифра значительно превышает все предыдущие результаты. Текст с обособленным деепричастием занимает вторую позицию по «степени помехообразности»: 56% «других» ответов из 100% ответов. Этот результат «перекликается» с результатами предыдущих этапов эксперимента.

Минимальную помеху пониманию, как и на «интонационном» этапе, составила пунктограмма «обособленное приложение»; текст № 4 спровоцировал всего 25,6% «других» ответов из 100% работ.

С уменьшением «степени помехообразности» текстов в колонке «Причины помехи пониманию» наблюдается уменьшение количества ответов типа: «Из-за отсутствия знаков препинания непонятно, к какой части текста принадлежит слово», «Из-за недостатка знаков препинания текст похож на анекдот», «Из-за знаков препинания непонятна суть текста» с 30,4% из 100% до 27,2% из 100%, но это уменьшение очень незначительно.

Четко прослеживающихся закономерностей с опорой на ответы испытуемых (колонка «Причины помехи пониманию (с позиции читающего)») нам выявить не удалось. Не претендуя на дидактичность, рискнем сделать следующий вывод: не отмечая сознательно различный «амфиболический потенциал» разных типов пунктограмм, что выражается в составе ответов на вопрос: «Мешало ли что-нибудь Вам при чтении (понимании) текста?», на бессознательном (?) уровне испытуемые осознают

эту разницу потенциалов, и это осознание находит себя как в интонации (при устном оформлении текста), так и в пунктуации, но пунктуации «естественной», свободной от нормативных аспектов (см. об этом в описании методики эксперимента).

Н.П. Колесников пишет, что постановка знаков препинания в указанных случаях пунктуационного омографизма или замена при обособлении запятых другими знаками препинания уменьшает или полностью «снимает» возможную омонимию [Колесников, 1981; 120]. Это положение было проверено нами экспериментально. Испытуемым предлагались разные типы пунктуационного оформления текстов: тексты без знаков препинания при обособлении, тексты с правильно оформленным обособлением и тексты с замененными знаками препинания (вместо запятых при обособлении – тире).

Общее количество ответов, учитывающих пунктуационное выделение обращения, вводных слов, деепричастия и приложения, по всем типам текстов без знаков препинания при обособлении составило 28,8% из 100%. Ответы, не учитывающие пунктуационное выделение, составили 71% из 100%.

В случае правильной постановки знаков препинания это соотношение («коэффициент омонимичности текста»?) составило соответственно 65% и 35%, а в случае замены знаков препинания – 52,2% и 46,4%.

Представленные в таблицах 2А, 2Б и 2В результаты позволяют говорить о разном «амфиболическом потенциале» и, соответственно, о разной степени коммуникативной значимости разных типов пунктограмм. Полученные показатели «амфиболичности» текстов, содержащих разные случаи обособления, позволяют согласиться с выводами, сделанными Б.И. Осиповым. Анализ разных типов пунктограмм в аспекте значимости наличия / отсутствия знаков препинания для адекватного понимания текста (коммуникативной значимости) позволяет утверждать, что *отказ от*

внутрифразовой пунктуации лишь в половине случаев приводит к опасности неоднозначного прочтения предложения; и значит, лишь в половине случаев (при обособлении деепричастий и вводных конструкций) наличие знаков препинания является действительно необходимым.

Не распространяя сделанные выводы на всю систему пунктуации русского языка и не давая практических рекомендаций по реформированию пунктуации, можно говорить о несомненной значимости коммуникативно-направленных экспериментов для изучения реального функционирования знаков препинания в процессе письменной коммуникации.

**Типы пунктуационного оформления экспериментальных
текстов (для эротического и интонационного
этапов эксперимента).**

I. Тексты с правильно расставленными знаками препинания:

Текст № 1

В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь, он сказал: «Вот, *Вася*, ваш новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Текст № 2

Выслушав мое предложение, Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше положение, *должно быть*, Вам известно». И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Текст № 3

Яна добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней была изображена семья: в уютной гостиной в кресле у камина сидит муж, *улыбаясь*, жена читает журнал и ребенок играет на ковре с машинкой.

Текст № 4

«А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь Сергеевна, *наша учительница*, Катькина мама и Петькина мама. И все.»

II. Тексты с отсутствующими знаками препинания:

Текст № 1

В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь он сказал: «Вот *Вася* ваш новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Текст № 2

Выслушав мое предложение Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше положение *должно быть* Вам известно». И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь я никогда не чувствовал себя так неловко.

Текст № 3

Яна добросовестно обошла всю галерею но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо на ней была изображена семья: в уютной гостиной в кресле у камина сидит муж *улыбаясь* жена читает журнал и ребенок играет на ковре с машинкой.

Текст № 4

«А скажи-ка мне сын – грозно спросил Иван Николаевич – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь Сергеевна *наша учительница* Катькина мама и Петькина мама. И все.»

III. Тексты с избыточными знаками препинания:

Текст № 1

В 8 утра, в мой кабинет, вошел директор, нашей фирмы Иван Иванович, в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь, он, сказал: «Вот, *Вася*, ваш новый, секретарь-референт». После чего, с гордым видом удалился.

Текст № 2

Выслушав, мое предложение, Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше положение, *должно быть*, Вам, известно». И тут я понял: у них не было денег, на эту поездку. Признаюсь, я никогда, не чувствовал себя так неловко.

Текст № 3

Яна, добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая, первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней была изображена семья: в уютной гостиной, в кресле у камина, сидит муж, *улыбаясь*, жена читает журнал, и ребенок играет на ковре с машинкой.

Текст № 4

«А скажи-ка, мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще, должен быть, на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь Сергеевна, *наша учительница*, Катькина мама, и Петькина мама. И все.»

IV. Тексты с пунктуационными ошибками:

Текст № 1

В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь, он сказал: «Вот, *Вася* ваш новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Текст № 2

Выслушав мое предложение, Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше, положение, *должно быть* Вам известно». И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Текст № 3

Яна добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней была изображена семья: в уютной гостиной в кресле у камина сидит муж, *улыбаясь* жена читает журнал и ребенок играет на ковре с машинкой.

Текст № 4

«А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь Сергеевна, *наша учительница* Катькина мама и Петькина мама. И все.»

V. Тексты с пунктуационными описками:

Текст № 1

В 8 утра в мой, кабинет вошел, директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не, здороваясь, он сказал: «Вот, *Вася*, ваш, новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Текст № 2

Выслушав мое предложение, Андрей посмотрел, на меня и мрачно сказал: «Наше, положение, *должно быть*, Вам известно». И тут, я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не, чувствовал себя так неловко.

Текст № 3

Яна добросовестно обошла всю, галерею, но больше ничего интересного не нашла и, вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней была изображена семья: в уютной, гостиной в кресле у, камина сидит муж, *улыбаясь*, жена читает журнал и ребенок играет, на ковре с машинкой.

Текст № 4

«А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на, этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь, Сергеевна, *наша учительница*, Катькина мама и, Петькина мама. И все.»

VI. Тексты с замененными знаками препинания:

Текст № 1

В 8 утра в мой кабинет вошел директор нашей фирмы Иван Иванович в сопровождении маленького человечка с торчащими ушами. Не здороваясь, он сказал: «Вот – *Вася*: ваш новый секретарь-референт». После чего с гордым видом удалился.

Текст № 2

Выслушав мое предложение, Андрей посмотрел на меня и мрачно сказал: «Наше положение: *должно быть* – Вам известно». И тут я понял: у них не было денег на эту поездку. Признаюсь, я никогда не чувствовал себя так неловко.

Текст № 3

Яна добросовестно обошла всю галерею, но больше ничего интересного не нашла и вернулась к картине, которая первоначально привлекла ее внимание. Видимо, на ней была изображена семья: в уютной гостиной в кресле у камина сидит муж – *улыбаясь* – жена читает журнал и ребенок играет на ковре с машинкой.

Текст № 4

«А скажи-ка мне, сын, – грозно спросил Иван Николаевич, – кто еще должен быть на этом вашем... родительском собрании?»

Вовка потупился: «Ну... Любовь Сергеевна – *наша учительница* – Катькина мама и Петькина мама. И все.»

Выводы:

1. Во второй главе настоящей работы разработана и апробирована методика изучения коммуникативного функционирования пунктуации и степени ее влияния на понимание письменного текста. Реальное коммуникативное значение пунктуации показано в работе на материале конструкций с обособленным приложением, обособленным деепричастием, вводным словом и обращением.

2. Исследование коммуникативного функционирования пунктуации осуществляется на материале, получаемом в серии направленных экспериментов. Для проведения «коммуникативно-пунктуационного» эксперимента необходимо смоделировать такую ситуацию, в которой испытуемый (читающий) вынужден будет проявить отношение к знакам препинания. При построении методики эксперимента нормативно-правильная пунктуация рассматривается в оппозиции с «неправильной» (отсутствующие или стоящие не на месте знаки препинания) пунктуацией. Данные, полученные в результате такого эксперимента, позволят определить место и «удельный вес» пунктуации в процессе письменной коммуникации, в частности – определить степень влияния пунктуационных ошибок и отсутствия знаков препинания на понимание письменного текста.

3. Коммуникативно-направленный эксперимент в настоящей работе разделяется на 3 этапа: эротетический (вопросно-ответный), интонационный и пунктуационный.

4. В процессе экспериментального исследования были выявлены факторы, от которых зависит степень влияния пунктуационного оформления текста на понимание смысла письменного текста: 1) способы пунктуационного оформления текста и 2) содержание пунктограмм. В первом случае исследуется коммуникативный потенциал разного пунктуационного оформления обособленных членов предложения, во втором

– коммуникативный потенциал разных типов пунктограмм в рамках общей группы обособленных членов предложения.

5. При анализе результатов на «шкале помехообразности» разных типов пунктуационного оформления текста (Таблицы 1А и 1Б) были выявлены следующие закономерности:

- Наиболее «помехообразным» и способствующим возникновению «другого», противоположного «авторскому», смысла текста является полное отсутствие знаков препинания в «спорных» пунктуационных ситуациях и наличие знаков препинания в неестественной пунктуационной ситуации (пунктуационные описки). Об этом свидетельствуют как результаты, полученные автором эксперимента при анализе работ испытуемых (колонка «Уровень понимания смысла текста»), так и ответы самих испытуемых (колонка «Метатекстовые вопросы»). «Шкала помехообразности» типов пунктуационного оформления экспериментальных текстов строится от текстов с отсутствующими знаками препинания (71% «других» ответов из 100% ответов на «эротетическом» этапе и 69,3% из 100% ответов на «интонационном» этапе) и текстов с описками (80,6% «других» ответов из 100%) до текстов с правильно расставленными знаками препинания (35% «других» ответов из 100% на «эротетическом» этапе и 31,2% из 100% на «интонационном» этапе). Остальные типы пунктуационного оформления текстов имеют средние показатели «помехообразности».

- Как показывают результаты эксперимента (и с позиций автора, и с позиций испытуемых), нормативные пунктуационные ошибки представляют собой меньшую помеху для понимания текста и менее способствуют возникновению амфиболической ситуации, нежели пунктуационные описки. Сравним: на «эротетическом» этапе при ответе на вопрос «по смыслу» текста с пунктуационными описками «другие» ответы составляют 56,7% из общего количества ответов, а в тесте с пунктуационными ошибками – всего 35,8% из общего количества.

Соответственно, на «интонационном» этапе тексты с описками порождают 80,6% «других» ответов из 100%, а тексты с ошибками – всего 36,4% таких ответов.

- Количество «других» ответов на двух этапах проведения эксперимента колеблется в пределах 10%, принципиально не изменяется. Это относится ко всем типам пунктуационного оформления экспериментальных текстов, кроме текстов с описками. Резкое увеличение общего количества «других» ответов на «интонационном» этапе по сравнению с «эротетическим» (с 56,7% до 80,6% от общего числа ответов) позволяет утверждать, что при чтении вслух пунктуационные описки являются даже большей помехой пониманию, нежели при чтении «про себя».

6. При анализе результатов на «шкале помехообразности» разных типов пунктограмм (Таблицы 2А, 2Б, 2В) представленные результаты позволяют говорить о разном «амфиболическом потенциале» и, соответственно, о разной степени коммуникативной значимости разных типов пунктограмм. Полученные показатели «амфиболичности» текстов, содержащих разные случаи обособления, позволяют согласиться с выводами, сделанными Б.И. Осиповым (см.: [Осипов, 1992]). Анализ разных типов пунктограмм в аспекте значимости наличия / отсутствия знаков препинания для адекватного понимания текста (коммуникативной значимости) позволяет утверждать, что *отказ от внутрифразовой пунктуации лишь в половине случаев приводит к опасности неоднозначного прочтения предложения; и значит, лишь в половине случаев* (при обособлении деепричастий и вводных и вставных конструкций) *наличие знаков препинания является действительно необходимым.*

Заключение

В нашем диссертационном исследовании были определены некоторые направления в изучении русской пунктуации в коммуникативном аспекте; осуществлен обзор литературы, посвященной теоретическим вопросам русской пунктуации; проведен ряд экспериментальных исследований, подтверждающих нашу гипотезу.

Настоящая работа входит в ряд исследований, посвященных коммуникативному функционированию орфографии и пунктуации и их роли в восприятии и понимании письменного текста (с позиции читающего). Современная антропоцентрическая лингвистика неизбежно оказывается втянута в проблематику коммуникативной лингвистики.

Исследование литературы, посвященной теоретическим проблемам пунктуации позволяет утверждать, что исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте (собственно экспериментальное исследование) является перспективным научным направлением, нуждающимся в дальнейшей разработке, т.к. неизвестна реальная степень влияния пунктуационного оформления текста на его восприятие и интерпретацию. Ответить на этот вопрос возможно только в рамках экспериментального исследования.

Целью любой коммуникативной деятельности является стремление к адекватной передаче смысла, осуществлению взаимопонимания субъектов общения (в нашем случае: пишущего и читающего). Однако результат коммуникативного процесса может быть неоднозначным. Здесь возникает понятие «коммуникативная эффективность», предполагающее необходимость и достаточность коммуникативных усилий для обеспечения взаимопонимания. Составляющие коммуникативной эффективности: коммуникативный успех / коммуникативная неудача; коммуникативное «благоприятствование» / коммуникативная помеха. Пунктуация в данном случае должна рассматриваться в параметрах «успех / неудача»,

«благоприятствование / помеха», а пунктуационная ошибка – в ряду других помех письменной деятельности.

Все заявленные в предыдущем пункте позиции реализуются в рамках «коммуникативно-направленных» экспериментов. Для «коммуникативно-пунктуационного» эксперимента необходимо смоделировать такую ситуацию, в которой отношение испытуемого к пунктуации будет им обязательно проявлено, а потом обобщить результаты под определенным углом зрения. Материалом для экспериментов послужили контексты, содержащие следующие конструкции: обращение, вводное слово, обособленное деепричастие, обособленное приложение

При построении методики эксперимента нормативно-правильная пунктуация рассматривается в контрасте с «неправильной» (отсутствующей или неправильной с нормативных (ошибка) или коммуникативных (описка) позиций). На этом фоне проверяются два положения:

- Нормативно-правильная пунктуация должна доказать свое позитивное участие в процессах восприятия и понимания письменноречевых произведений;
- Неправильная пунктуация должна доказать свое отрицательное участие (возникновение помех восприятию и создание ситуации непонимания или неправильного понимания).

Способ доказательства данных положений – количественный (единица статистики – ответы-реакции испытуемых на речевые произведения, по-разному оформленные с помощью разной пунктуации), и качественный – логико-лингвистическая интерпретация с позиций восприятия читающим коммуникативного значения, вложенного пишущим в текст. За таким направленным экспериментом «стоит» следующая предварительная гипотеза: в первом («правильном») случае предполагается, во-первых уменьшение процента неправильно понятых речевых произведений (и, соответственно, неправильных ответов на вопросы, проясняющие смысл текста), и, во-вторых, уменьшение показаний испытуемых на наличие

затруднений (помех пониманию). Во втором («неправильном») случае, напротив, предполагается увеличение веса данных показателей.

В настоящей работе представлено несколько экспериментальных исследований, объединенных общей задачей обоснования самого факта участия пунктуации в коммуникативном процессе. Основным способом экспериментального выявления роли русской пунктуации в понимании текста явилось сопоставление качества прочтения и восприятия текстов, написанных с пунктуационными описками, пунктуационными ошибками, с отсутствующими и избыточными знаками препинания, а также текстов с разными типами пунктограмм.

Проведенные экспериментальные исследования приводят к результатам, которые позволяют говорить о реальном влиянии знаков препинания на понимание письменного текста читающим.

В диссертационной работе представлен лишь начальный этап экспериментальных исследований коммуникативного функционирования русской пунктуации. В перспективе предполагается исследование роли пунктуации в процессе понимания письменного текста на другом материале. В качестве возможных направлений исследования пунктуации в коммуникативно-прагматическом аспекте можно выделить исследование естественных письменных текстов³⁶ (записок, черновиков, конспектов и под.), написанных и читаемых рядовыми носителями языка, в самых разных аспектах, в том числе пунктуационном (шире – параграфемном), а также сопоставительные исследования пунктуации на материале других языков (см.: [Гак, 1983; Орехова, 2000]).

³⁶ Данное научное направление разрабатывается Лабораторией естественной письменной речи (см.: [Лебедева, 2002; Лебедева, 2003; Косых, 2003, Кузьмина, 2003 и т.д.])

Литература

1. Абакумов С.И. Из итогов дискуссии (по поводу проекта реформы пунктуации) // Русский язык в советской школе, 1930. – № 4.
2. Абакумов С.И. Как обучать знакам препинания? // Родной язык в школе, 1927. – Кн. 1.
3. Абакумов С.И. Методика пунктуации. – М.: Учпедгиз, 1951.
4. Абакумов С.И. Об основах методики пунктуации // «Известия АПН РСФСР». Вып. 10 – М., 1914.
5. Абакумов С.И. Проблемы изучения пунктуации // Русский язык в школе, 1947. – № 4.
6. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М., 1990.
7. Аллен Дж.Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике, М., 1986. Вып. 17.
8. Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. – М., 1985.
9. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы // Филологические науки, 1988. – № 6.
10. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989.
11. Антипова А.М. Направления исследований интонации в современной лингвистике // Вопросы языкознания, 1986. – № 1.
12. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания, 1987. – № 1.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
14. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». Т. 40., 1981. – № 4.

15. Барнет В. Связь коммуникативной сферы и разновидности языка в славянских языках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М., 1987.
16. Барулина Н.Н. Роль знаков препинания при актуализации высказывания // Русский язык в школе, 1982. – № 3.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
18. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. – М., 1981.
19. Бельский А.В. Интонация как средство детерминирования и предиктирования в русском литературном языке / Исследования по синтаксису русского литературного языка. – М., 1956.
20. Блинов Г.И. Методика изучения пунктуационных правил. – М., 1972 .
21. Блинов Г.И. Об оценке пунктуационной грамотности // Русский язык в школе, 1973. – № 6.
22. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. – М., 1988.
23. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство / Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990.
24. Богин Г.И. Современные проблемы и методы исследования литературного текста / Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Калинин, 1987.
25. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин, 1982.
26. Бодалев А.А. Личность и общение. – М., 1983.
27. Бодуэн де Куртенэ И.А. Знаки препинания / Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. – М., 1963.
28. Бондаренко С.М. Об «умственной механике» пунктуационной грамотности и образном мышлении // Русский язык в школе, 2002. – № 9.
29. Борботько В.Г. Внутренняя организация текста в плане восприятия / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
30. Брудный А.А. Другому как понять тебя? – М., 1990.
31. Брудный А.А. Мир общения. – Фрунзе, 1977.

- 32.Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии, 1975. – № 10.
- 33.Брукер Дж. Процесс обучения. – М., 1962.
- 34.Брунер Дж. Психология познания. – М., 1977.
35. Брызгунова Е.А. Звуки и интонации русской речи. – М., 1969.
- 36.Брызгунова Е.А. Смысловое взаимодействие предложений / Синтаксис текста. – М., 1979.
- 37.Бузаров В.В. Изучение диалогической коммуникации – основная задача коммуникативной грамматики // Вестник МГУ. Серия «Филология», 2002. – № 1.
- 38.Булатова Л.Н., Дибобес В.В., Кузьмина С.М., Ильинская И.С. Программа по русскому языку для средней школы / Под ред. М.В. Панова. – М., 1997.
- 39.Булаховский Л.А. К реформе русской пунктуации // Русский язык в советской школе, 1930 – № 4.
- 40.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
41. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Трудные случаи пунктуации. – М.: Искусство, 1959.
- 42.Бюлер К. Теория языка. М., 1993.
- 43.Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001.
- 44.Валгина Н.С. Знаки препинания... Зачем они? // Русская речь, 1968. – № 5.
- 45.Валгина Н.С. Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания / Современная русская пунктуация. – М., 1979.
- 46.Валгина Н.С. Принципы русской пунктуации. – М.: Книга, 1972.
47. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. – М.: Просвещение, 1979.
- 48.Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации. – М.: Просвещение, 1983.
- 49.Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Русский язык: орфография и пунктуация. Правила и упражнения. – М., 2002.
- 50.Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.

- 51.Васильев Л.Г. Об одном подходе к анализу высказываний слушающим / Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. – Краснодар, 1987.
- 52.Васильев Л.Г. Языковое сообщение и человеческий фактор / Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988.
- 53.Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев, 1988.
- 54.Васильев С.А. Уровни понимания текста // Общественные науки, 1983. – № 3.
- 55.Ветвицкий В.Г., Иванова В.Ф. Современное русское письмо. – 1974.
- 56.Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от М.В. Ломоносова до А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова). – М.: Изд-во МГУ, 1958.
- 57.Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе, 1940. – № 1.
- 58.Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания, 1960. – № 5.
- 59.Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи / Культура речи и эффективность общения. – М., 1996.
- 60.Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
- 61.Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
- 62.Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
- 63.Войскунский А.Е. Моделирование. Общания. Речевое общение. Проблемы и перспективы. Сб. научно-аналитических обзоров. – М., 1983.

64. Волков А.А. Концепции публичной речи и единицы языка / Роль языка в средствах массовой коммуникации. Сб. обзоров. – М., 1986.
65. Гадалова В.В. Работа над значением знаков препинания // Русский язык в школе, 1986. – № 5.
66. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М., 1983.
67. Галкина-Федорук Е.М. К вопросу об омонимии в русском языке // Русский язык в школе, 1954. – № 3.
68. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
69. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
70. Гиндин С.И. Понятие текста и единицы литературной коммуникации / Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Калинин, 1987.
71. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. – М., 1997.
72. Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания / Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Н-ск, 1999.
73. Голев Н.Д. Помехи письменной речи как проблема коммуникативной орфографии русского языка // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. – Барнаул, 2000.
74. Голев Н.Д. Современная ментально-языковая ситуация в России и содержание школьного курса русского языка: смена парадигм / Природные ресурсы Сибири. Тезисы докладов VI международной практической конференции. – Томск, 2001(а).
75. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 3. Синтаксические омофоны и омографы // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: «История. Педагогика. Филология. Философия», 2001(б). – № 4.

- 76.Голев Н.Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России нач. XXI века. Т.1. – Кемерово, 2002(а).
- 77.Голев Н.Д. Омография и омофония как явления с открытым функциональным диапазоном (об амфиболическом функционировании языковых единиц). Омофонический и омографический фонды русского языка. Часть 4. Функциональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: «История. Педагогика. Филология. Философия», 2002(б). – № 4.
- 78.Голев Н.Д. Об амфиболическом функционировании русских высказываний / Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте. Сб. материалов Всероссийской научной конференции (23-25 сентября 2002, Барнаул). – Барнаул, 2003.
- 79.Голев Н.Д. Тискова О.В. Омофонический и омографический фонды русского языка. Часть 5. Синтаксическая омофония и омография как «полигон» для изучения коммуникативного функционирования русской пунктуации / Известия Алтайского государственного университета.
- 80.Головин Б.Н. Омонимы в современном русском языке / Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. – Горький, 1960.
- 81.Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. – Л., 1978.
- 82.Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения / Язык и социальное познание. – М., 1990.
- 83.Гостеева С.А. О взаимоотношении интонации и пунктуации (на материале конструкций с однородными и неоднородными определениями) // Русский язык в школе, 1974. – № 4.
- 84.Гохлернер М.М. Зависимость смыслового восприятия от синтаксической структуры высказывания / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.

85. Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977.
86. Граник Г.Г. Психологическая модель процесса формирования пунктуационных умений. Автореф. диссерт. ...доктора филологич. наук. – М., 1980.
87. Граник Г.Г. Психологические закономерности формирования орфографической грамотности // Вопросы психологии, 1995. – №3.
88. Граник Г.Г., Концевая Л.А., Бондаренко С.М. Психологические механизмы формирования грамотного письма // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1988. – № 12, 1991. – № 3.
89. Граник Г.Г., Самсонова А.Н. Роль установки в процессе восприятия текста (на материале художественного текста) // Вопросы психологии, 1993. – № 2.
90. Граудина Л.К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы / Культура речи и эффективность общения. – М., 1996.
91. Григорян Л.Т. Многозначность пунктуации // Русская речь, 1973. – № 3.
92. Гришко Ф.Т. Возможное варьирование знаков препинания // Русский язык в школе, 1973. – № 5.
93. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике, М., 1988. Вып.23.
94. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и восприятие текстов / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
95. Дридзе Т.М. Текст как иерархия коммуникативных программ (информативно-целевой подход) / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
96. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М., 1984.
97. Дудников А.В. Пунктуация сложного предложения. – М., 1958.
98. Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. – М.: Языки русской культуры, 2000.

99. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М., 1987.
100. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – М., 1980.
101. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
102. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
103. Залевская А.А. Понимание текста как актуальная психолингвистическая проблема / Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Калинин, 1987.
104. Зимняя И.А. Предметный анализ текста как продукта говорения / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
105. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
106. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
107. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.
108. Иванова В.Ф. История и принципы русской пунктуации. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1962.
109. Иванова-Лукьянова Г.Н. Коммуникативная грамматика и развитие языковой личности // Вестник МГУ. Серия «Филология», 2000. – № 6.
110. Исследования по русскому языку (сб. науч. трудов, посв. памяти Е. Галкиной-Федорук). – М.: Изд-во МГУ, 1970.
111. Ицкович В.А. Опыт описания современной пунктуации / Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974.
112. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. – М., 1982.

113. Йокояма О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // Вопросы языкознания, 1992. – № 6.
114. Карапетян Г.К., Шварцкопф Б.С. Пунктуация / Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
115. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
116. Карпов Б.А., Карпова А.Н., Случевский И.С. Количественные характеристики движений глаз при чтении и факторы смыслового восприятия текста / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
117. Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникантов / Синтаксис текста. – М., 1979.
118. Кийко М.П. Пунктуация и коммуникативная ситуация // Русский язык в школе, 1990. – № 3.
119. Ким И.Е. Пунктуационные знаки в письменной форме современного русского языка: означающее и означаемое / И.А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность.: доклады науч.-практич. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». – Красноярск, 2000.
120. Киреев А.А. К изучению омонимов в школе // Русский язык в школе, 1956. – № 3.
121. Киселева О.А. Русская орфография в коммуникативном аспекте (экспериментальное исследование). Дисс. ... канд. фил. наук. – Барнаул, 2002.
122. Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте/ Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
123. Клеменцова Н.Н. Текст: смысловая структура и структура понимания / Проблемы семантики и прагматики. – Калининград, 1988.
124. Колесников Н.П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. – Ростов-на-Дону, 1981.

125. Колшанский Г.В. Коммуникативные функции и структура языка. – М., 1984.
126. Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
127. Коммуникация / Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1980.
128. Коммуникация / Современный философский словарь (под ред. В.Е. Кемерова). – М., 1998.
129. Костомаров В.Г., Леонтьев А.А., Шварцкопф Б.С. Теория речевой деятельности и культура речи / Основы теории речевой деятельности. – М., 1974.
130. Косых Н.И. Некоторые аспекты рассмотрения студенческих граффити / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Ч. 2. – Барнаул, 2003.
131. Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Наблюдения над пунктуацией в тексте рекламы / Современная русская пунктуация. – М., 1979.
132. Красилов Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). – М., «Наука», 1980.
133. Крыжановский А. Выразительное чтение и выразительная речь в связи с преподаванием грамматики // Родной язык в школе, 1914. – № 2.
134. Крылова О.Н., Матвеева Т.Ф. Текст как объект стилистики речи, коммуникативного (динамического) и семантического синтаксиса / Методология лингвистики и аспекты изучения языка. – М., 1988.
135. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Социолингвистические исследования. – М., 1976.
136. Крючков С., Розенталь Д. Унификация современной русской пунктуации // Русский язык в школе, 1956. – № 4.
137. Кузнецова Н.А. Понимание учебного текста как дидактическая проблема. – Барнаул, 1998.

138. Кузьмина В.А. О новой редакции правил русской орфографии и пунктуации // Русская словесность, 1995. – № 2.
139. Кузьмина М.В. Компьютерный вид общения «чат» как жанр естественной письменной речи: основные характеристики / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Ч. 2. – Барнаул, 2003.
140. Кукушкина О.В. Речевые неудачи как продукт речемыслительной деятельности. Автореф. диссерт. ... доктора филол. наук. – М., 1998.
141. Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии. – М., 2003.
142. Лебедева Н.Б. Некоторые аспекты исследования естественной письменной русской речи / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Часть 1. – Барнаул, 2002.
143. Лебедева Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Ч. 2. – Барнаул, 2003.
144. Левицкий Ю.А. Язык, речь, текст: Пособие по общему языкознанию. – Пермь, 2000.
145. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психолингвистический процесс / Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев, 1979(1).
146. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики теории коммуникации / Синтаксис текста. – М, 1979.
147. Леонтьев А.А. Знак и деятельность // Вопросы философии, 1975. – № 10.

148. Леонтьев А.А. Фактор вариативности высказываний / Основы теории речевой деятельности. – М., 1964.
149. Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.
150. Ломизов А.Ф. Методика пунктуации в связи с изучением синтаксиса. – М.: Учпедгиз, 1964.
151. Ломоносов М.В. Российская грамматика. Собр. соч.: т. VII. – М., 1962.
152. Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. – М.: Учпедгиз, 1954.
153. Любимова Л.А. Мелодика обособленных приложений в русском языке // Уч. записки ЛГУ, 1964. – № 325.
154. Макарова Р.В. Стилистика и знаки препинания // Русская речь, 1967. – № 3.
155. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб, 1999.
156. Мацковский М.С. Проблемы читабельности печатного материала / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
157. Михайловская Н.Г. Приложение или обращение? // Русский язык в школе, 1966. – № 5.
158. Моисеев А.И. Система знаков препинания в русском языке // Русский язык в школе, 1981. – № 6.
159. Мучник Б.С. Человек и текст. – М., 1985.
160. Наумович А.Н. Современная русская пунктуация. – Минск, 1983.
161. Низяева Г.Ф. О принципах описания пунктуации как системы // Русский язык в школе, 1976. – № 4.
162. Николаева Т.М. Знаки препинания, дерево предложения и морфологические категории / Структурная типология языков. – М., 1966.
163. Николаева Т.М. Лингвистика начала XIX века: попытка прогнозирования / Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции – М., 1995.

164. Николаева Т.М. О функциях знаков препинания в русском языке / Современная русская пунктуация. – М., 1979.
165. Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
166. Николаева Т.М. Специфика эволюции пунктуационной системы внутри естественного языка // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка». Ч.2. Самарканд, 1966.
167. Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1960.
168. Обнорский С.П. Правильности и неправильности современного русского литературного языка / Хрестоматия. Основы культуры речи. – М., 1984.
169. Орехова Н.Н. Пунктуация и письмо. – Ижевск, 2000.
170. Орехова Н.Н. Письменная система в пространстве языков и культур / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Ч. 2. – Барнаул, 2003.
171. Орехова Н.Н. Современная русская пунктуация: состояние и пути совершенствования / Русский язык: исторические судьбы и современность. Материалы II Международного конгресса исследователей русского языка (18-21 марта 2004). – М., 2004.
172. Орфография и пунктуация. – Ростов-на-Дону, 1977.
173. Осипов Б.И. История русского письма (Графика. Орфография. Пунктуация). – Омск, 1990.
174. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. – Омск, 1992.
175. Осокин В.В. О пунктуационной части русского правописания // Русский язык в школе, 1963. – № 6.
176. Пазухин Р.В. Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания, 1979. – №6.

177. Парамонов О. (А.М. Пешковский) Новые принципы в пунктуации // Русский язык в советской школе, 1930. – № 4.
178. Парубченко Л.Б. Три орфограммы и три пунктограммы. – Барнаул, 1997.
179. Парубченко Л.Б. Почему дети делают ошибки и как их научить писать правильно. – М.: Реал-А, 2001.
180. Парубченко Л.Б. Лишняя запятая... // Русская словесность, 2002. – № 8.
181. Парубченко Л.Б. Пунктуация в предложениях с соединительным союзом «И» // Русский язык в школе, 2002. – №6.
182. Парубченко Л.Б. Языковая многозначность и пунктуация / Русский язык: исторические судьбы и современность. Материалы II Международного конгресса исследователей русского языка (18-21 марта 2004). – М., 2004.
183. Паустовский К.Г. Близкие и далекие. – М., 1967.
184. Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы / Современная русская пунктуация. – М., 1979.
185. Перинбаньягам Р.С. Диалогическая личность / Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. – Н-ск, 1990.
186. Пешковский А.М. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания / А.М. Пешковский // Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. – М., 1925.
187. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
188. Пешковский А.М. Интонация и грамматика / А.М. Пешковский. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959.
189. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / Хрестоматия. Основы культуры речи. – М., 1984.
190. Полный справочник по орфографии и пунктуации: правила, примеры, комментарии / под ред. О.Л. Соболевой. – М.: АСТ-Пресс, 1999.

191. Пospelов Н.С. Об основах пунктуации в русском языке // Русский язык в школе, 1936. – № 4.
192. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.
193. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев, 1987.
194. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 1998.
195. Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956.
196. Проблемы современного русского правописания. – М., 1964.
197. Программа по русскому языку для средней школы. – М., 1980.
198. Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко, И. Устинова. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930.
199. Пузанкова Е.Н. Формирование языковой способности при обучении русскому языку в общеобразовательной школе / <http://www.education.rekom.ru>.
200. Распопов И.П. Смысловые и стилистические функции логического ударения // Русский язык в школе, 1957. – № 4.
201. Распопов И.П. Смысловые и стилистические функции логического ударения // Русский язык в школе, 1957. – № 4.
202. Розанов В.В. О понимании. – СПб, 1994.
203. Розенталь Д.Э. Пунктуация и управление в русском языке. – М.: Книга, 1988.
204. Розенталь Д.Э., Валгина Н.С. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. – М.: Высшая школа, 1970.
205. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Русская орфография и пунктуация. – М.: Русский язык, 1990.
206. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 2001.
207. Российская грамматика А.А. Барсова / Под ред. Б.А. Успенского. – М.: Изд-во МГУ, 1981.

208. Русская грамматика. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1980. (раздел «Интонация при обособлении». Автор Е.А. Брызгунова).
209. Русский язык. Учебник для 7-8 классов / С.Г. Бархударов, С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Л.А. Чешко. – М., 1986.
210. Русский язык. Учебник для 8-9 классов средней школы / Под ред. М.В. Панова. – М., 2000.
211. Русский язык. Учебник для общеобразовательных учреждений. 5 класс. / Под ред. Н.М. Шанского. – М., 1994.
212. Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс (с методическим приложением для учителей) / Под ред. М.В. Панова. – М., 1995.
213. Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения, I–VIII. – М.: Наука, 1978.
214. Светозарова Н.Д. К вопросу о функциях интонации / Звуковой строй языка. – М., 1979.
215. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация (проект). – М.: «Азбуковник», 2000.
216. Сергеев А.М. Некоммуникативность понимания и феномен символического обмена в культуре / Коммуникации в культуре. – Петрозаводск, 1996.
217. Сиротинина О.Б., Кормилицына М.А. Об актуальности коммуникативного подхода к грамматике // Вестник МГУ. Серия «Филология», 2000. – № 6.
218. Скаредова С.В. О двух подходах к развитию механизмов пунктуационной деятельности: формально-аксиоматическом и коммуникативно-деятельностном / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Часть 1. – Барнаул, 2002.
219. Солнцев В.М. Язык и письмо (Вместо предисловия) / Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. – М., 1985.

220. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985.
221. Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В. Психолингвистика и семантика: итоги исследований / Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989.
222. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. – М., 1977.
223. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1997.
224. Степанов С.А. Развитие интуиции грамотного письма / Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Часть 1. – Барнаул, 2002.
225. Сухих С.А. Структура коммуникантов в общении / Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988.
226. Тамерьян Т.Ю. Принципы вербальной коммуникации / Человек. Коммуникация. Текст. Вып.2. Ч.2. – Барнаул, 1998.
227. Тарасова И.Н. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания, 1992. – № 4.
228. Текст. Интертекст. Культура. Сборник докладов международной научной конференции (4-7 апреля 2001, Москва). – М.: Азбуковник, 2001.
229. Текст: варианты интерпретации. Материалы VI межвузовской научно-практической конференции (19-20 апреля 2001, Бийск). – Бийск, 2001.
230. Текучев А.В. К вопросу о пунктуационном минимуме для средней школы // Русский язык в школе, 1970. – № 2.
231. Тискова О.В. Интонационное варьирование в высказываниях с обособленными определениями / Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения. Материалы международной конференции. – СПб, 2004.
232. Тискова О.В. О взаимоотношении интонации и пунктуации в научной и школьной грамматике (на материале обособленных определений) // Вестник алтайской науки, 2001. – № 1.
233. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. – М., 1979.

234. Торсуева И.Г. Эмоциональность в речи / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
235. Труфанова И.В. Образ слушающего в языке // Филологические науки
236. Фарбер В.Г. К разработке упрощенной пунктуации // Русский язык в школе, 1963. – № 4.
237. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. – М., 1988.
238. Фигуровский И.А. Обучение школьников пунктуации целого текста // Русский язык в школе, 1970. – № 1.
239. Фирсов Г.П. Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе. – М., 1962.
240. Фирсов Г.П. Об изучении синтаксиса и пунктуации в школе. – М., 1961.
241. Флоров С.П. Как быть с пунктуацией при обособленных членах предложения? (К вопросу о реформе пунктуации) // Русский язык в советской школе, 1930 – № 2.
242. Фридлендер А.Н. Проблемы упрощения русской пунктуации // Русский язык в школе, 1963. – № 6.
243. Хайдеггер М. Из диалога о языке / М. Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993.
244. Хакимова Е.М. Статический и динамический аспекты языковой нормы: анализ, систематизация, обоснование . Дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2003.
245. Хомский А.Н. Три модели описания языка / Кибернетический сборник. Т 2. – М., 1961.
246. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России / под ред. С.Ф. Егорова. – М.: Просвещение, 1986.
247. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991.

248. Чернова М.М. Ритмомелодическая структура как компонент самоорганизации текста. Автореф. диссерт. ... кандидата филологич. наук. – Горно-Алтайск, 2002.
249. Чуглов В.И. Образования с выделяющими обособленными членами предложения // Русский язык в школе, 2000. – № 2.
250. Чупина Г.А. Принцип деятельности и язык. – Красноярск, 1987.
251. Чурмаева Н.В. Ф.И. Буслаев: Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1984.
252. Шапиро А.Б. О реформе русской пунктуации // Русский язык в советской школе. – 1930. -№ 4.
253. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
254. Шапиро А.Б. Русское правописание. – М., 1961.
255. Шварцкопф Б.С. Норма в письменном кодифицированном языке / Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.
256. Шварцкопф Б.С. О параметрах кодификации пунктуационной нормы / Язык: система и функционирование. – М., 1988.
257. Шварцкопф Б.С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. – М., 1988.
258. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: функционально-стилистический и поэтический аспекты / Стилистика и поэтика. Тезисы всесоюзной научной конференции (Звенигород, 9-11 ноября 1989). Вып.2. – М., 1989.
259. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.
260. Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. – СПб, 1999. – 298 с.
261. Шубина Н.Л. Сфера письменной коммуникации и новый речевой стандарт / Естественная письменная русская речь: исследовательский и

образовательный аспект. Материалы научно-практической конференции (24-26 января 2003, Барнаул). Ч. 2. – Барнаул, 2003.

- 262. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины / Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957(1).
- 263. Щерба Л.В. Пунктуация / Литературная энциклопедия. Т IX. – М., 1957.
- 264. Якобсон Р. Язык в отношении к другим коммуникациям / Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.